

Anselm Strauss
Juliet Corbin

Basics of Qualitative Research

*Grounded Theory
Procedures and Techniques*

SAGE Publications
International Educational and Professional Publisher
Newbury Park London New Delhi

*Ансельм Страусс
Джульет Корбин*

ОСНОВЫ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

*Обоснованная теория
Процедуры и техники*

Перевод с английского
Т.С.Васильевой

**УРСС
Москва • 2001**

Страусс А., Корбин Дж.

Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 256 с.

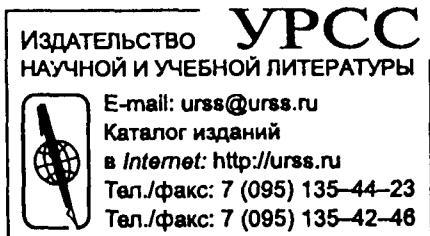
ISBN 5-8360-0299-1

Данная книга является первой публикацией на русском языке по *обоснованной теории* (grounded theory), которая уже заняла прочное место в зарубежной социологии и социальной практике. Процедуры и техники *обоснованной теории* разбираются в книге очень подробно и иллюстрируются примерами из исследовательской и преподавательской практики авторов.

Книга предназначена для исследователей, практиков, студентов и аспирантов в области социальных наук.

Издательство «Эдиториал УРСС». 113208, г. Москва, ул. Чертановская, д. 2/11, к. п.
Лицензия ИД № 03216 от 10.11.2000 г. Гигиенический сертификат на выпуск книжной
продукции № 77.ФЦ.8.953.П.270.3.99 от 30.03.99 г. Подписано к печати 31.05.2001 г.
Формат 60×88/16. Тираж 2000 экз. Печ. л. 16. Зак. № 236.

Отпечатано в АООТ «Политех-4». 129110, г. Москва, ул. Б. Переяславская, 46.

ISBN 5-8360-0299-1

- © 1990 by Sage Publications, Inc.
- © Перевод, послесловие, словарь терминов: Т. С. Васильева, 2001
- © Оформление, оригинал-макет: Эдиториал УРСС, 2001
- © Эдиториал УРСС, 2001

Все права защищены. Данный перевод выполнен с американского издания, опубликованного Sage Publications, Inc., и издается по соглашению с этим издательством. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, если на то нет письменного разрешения Издательства.

*Мы посвящаем эту книгу Барни Глезеру
с восхищением и благодарностью*

Оглавление

Предисловие	9
Часть I	
Основные положения	15
Глава 1. Введение	16
Глава 2. Начало исследования	29
Глава 3. Теоретическая чувствительность	35
Глава 4. Использование литературы	41
Часть II	
Процедуры кодирования	49
Глава 5. Открытое кодирование	52
Глава 6. Техники для усиления теоретической чувствительности	63
Глава 7. Осевое кодирование	81
Глава 8. Избирательное кодирование	97
Глава 9. Процесс	120
Глава 10. Матрица условий	132
Глава 11. Теоретическая выборка	146
Часть III	
Дополнительные процедуры	161
Глава 12. Аналитические «памятки» и диаграммы	163
Глава 13. Написание диссертаций и монографий, и чтение лекций о вашем исследовании	186
Глава 14. Критерии для оценки исследований, проведенных по методу <i>обоснованной теории</i>	207

Литература	216
Указатель	219
Об авторах	, 224

<i>Т. С. Васильева. Обоснованная теория в поле качественного исследования</i>	225
Словарь терминов	251

Если художник в процессе своего творчества не совершенствует новое видение, то он действует механически и повторяет некую старую модель, подобную бледному отпечатку в его уме.

Джон Дьюи. *Искусство как опыт*. 1935, с. 50

Предисловие

Эта книга адресована исследователям, работающим в различных дисциплинах (социальных науках, академических и прикладных), которые заинтересованы в построении индуктивной теории путем качественного анализа данных. Каковы бы ни были их волнения и переживания в процессе сбора данных, наступает время, когда данные нужно анализировать. Исследователи часто чувствуют растерянность перед необходимостью решать подобную задачу. Их приводит в уныние не только количество страниц полевых записей, документов или интервью («горы данных»), которые лежат перед ними, но часто их тревожат и другие вопросы:

Как мне извлечь смысл из всего этого материала? Как получить теоретическую интерпретацию, в то же время еще обосновывая ее в эмпирической реальности, отраженной в моих материалах? Как убедиться в том, что мои данные и интерпретации валидны и обоснованны? Как прорваться через собственные предубеждения, предвзятость и стереотипные перспективы, которые я неизбежно переношу в аналитическую ситуацию? Как собрать целое из всего материала, который я анализировал (а), чтобы создать четкую теоретическую формулировку изучаемой области?

Целью этой книги является ответ на эти и другие вопросы, связанные с качественной интерпретацией данных. Она написана в простом и общедоступном стиле. И предназначена, прежде всего, для того, чтобы дать необходимые базовые знания и практические навыки для тех, кто собирается предпринять свой первый исследовательский проект качественного анализа, и кто хочет построить теорию на содержании конкретной предметной области.

Способ качественного анализа, направляющий нашу дискуссию, известен как подход «grounded theory», или «метод», как его иногда называют (далее: *обоснованная теория*. — Т. В.). Это четвертая в серии книг по *обоснованной теории*. В первой из них, «The Discovery of Grounded Theory» (Glaser & Strauss, 1967) представлены как краткое содержание, так и логика, которые лежат в основе процедур, обсуждаемых в этой и других книгах. По существу, она еще полезна и необходима как предварительное условие для чтения других текстов. Вторая книга «Theoretical Sensitivity» (Glaser, 1978) и третья «Qualitative Analysis

for Social Scientists» (Strauss, 1987), в отличие от настоящей книги, предназначались для того, чтобы их изучали и применяли более продвинутые исследователи. Хотя данная книга была написана специально для начинающих, мы ожидаем, что даже более опытные исследователи найдут дополнительные ответы на некоторые из вопросов, которые долго стояли перед ними и не находили ответа.

Если вы будете читать и изучать *каждую* из этих книг, что мы решительно вам советуем, то найдете, что терминология и специальные рекомендуемые процедуры не всегда идентичны. Главным образом, это связано с дополнительной рефлексией, кроме того, с различиями в опыте преподавания, а также в специфике наших исследовательских проектов. Сравнивая «Theoretical Sensitivity» Глезера, «Qualitative Analysis for Social Scientists» Страусса и эту книгу, вы найдете также другие различия в терминах и процедурах. Тем не менее, в основном, все эти книги выражают идентичные позиции в отношении качественного анализа и предлагают одни и те же основные процедуры. В этой книге процедуры и техники (подзаголовки книги) разбираются очень детально, шаг за шагом, что, как мы теперь полагаем, наиболее полезно для *изучения* качественного анализа.

Все эти книги основаны на живом опыте тех, кто проводил качественный анализ и исследование и обучал этому на семинарах и консультациях в течение многих лет. В совокупности эти книги предлагают один подход к проведению качественного анализа и их цель предельно конкретна: построение теории. Философские взгляды и научные традиции, которые лежат в основе этих книг, положили начало построению теории путем качественного исследования. Формулирование теоретических интерпретаций данных, обоснованных в реальности, обеспечивает мощное средство и для понимания «внешнего» мира и для разработки действенных стратегий, которые позволят принять некоторые меры контроля над ним.

Мы полагаем, что ваше понимание *обоснованной теории* значительно углубится, если чтение и изучение книг по методикам будет дополнено и ознакомлением с некоторыми монографиями, написанными Глезером, Страуссом и их сотрудниками. Это — «Awareness of Dying» (Glaser & Strauss, 1965); «Time for Dying» (Glaser & Strauss, 1968); «Experts Versus Laymen: A Study of the Patsy and the Sub-Contractor» (Glaser, 1976); «The Social Organization of Medical Work» (Strauss, Fagerhaugh, Suczek & Wiener, 1985); and «Unending Work and Care» (Corbin & Strauss, 1988 b).

Аналитический метод, лежащий в основе этой книги, может быть освоен каждым, кто возьмет на себя труд изучить его процедуры. Как и в любой практике, уровень достижений пользователей будет различным. С другой стороны, практики, изученные в этой книге, могут ока-

заться полезными в отношениях, первоначально непредвиденных как для самих авторов, так и для читателей. Как отмечено ранее Страуссом (1987, р. xiii) по поводу аналитического процесса: «Подобно любому набору умений, учение подразумевает тяжелый труд, упорство, и некоторые, не всегда сплошь приятные переживания». Уверены, что часто эти переживания весьма волнуют и доставляют радость. Более того, они необходимы для понимания того, как применять и адаптировать любой метод, включая *обоснованную теорию*. В процессе применения и адаптации вы неизбежно столкнетесь со «смесью ситуационных контекстов, как в плане [развития] личной [исследовательской] биографии, пронизательности [в проведении работы], так и теоретической и социальной чувствительности. Ко всему прочему, для выполнения любого исследовательского проекта необходима удача и смелость» (Strauss, 1987, р. xiii).

Обзор содержания

Книга состоит из трех основных частей. В Части I представлен обзор логики действий (или операций) для тех, кто применяет *обоснованную теорию*. Она состоит из 4 глав. В Части II подробно объясняются определенные аналитические техники и процедуры метода. Этот раздел включает главы 5–11. В последнем разделе, части III, поясняются важные дополнительные процедуры, которые сопутствуют сбору и анализу данных. К этой части относятся главы 12–14.

Теперь рассмотрим каждую главу отдельно. В главе 1 используется формат вопроса и ответа, чтобы познакомить читателя с различиями между исследованием по методу *обоснованной теории* и способами анализа в других типах качественного исследования. В ней объясняются происхождение и философские основы теории, а также даются ответы на некоторые вопросы, чаще всего задаваемые студентами, намеренными погрузиться в свое первое исследование по методу *обоснованной теории*.

Глава 2 озаглавлена «Начало исследования». Ее цель состоит как раз в том, чтобы обеспечить студентов основными компонентами, необходимыми для начала изучения *обоснованной теории*. В этой главе мы представляем предложения о том, как идентифицировать источники проблем для исследования и предлагаем руководящие принципы для определения рамок исследовательского вопроса.

В главе 3 мы объясняем, что мы имеем в виду под термином *теоретическая чувствительность*, это очень важное понятие в методологии *обоснованной теории*. Мы также выясняем, каким образом можно поддерживать баланс между существованием творческого, необходимого компонента в развитии теории и удовлетворением требований «хорошей науки», которая является конечной целью выполнения любого исследовательского проекта.

Глава 4 посвящена использованию литературы в исследованиях *обоснованной теории* и рассеивает некоторые мифы о ее применении, которые выработывались годами. Здесь мы объясняем, как можно использовать чтение и опыт для приобретения теоретической чувствительности и развивать понятия, которые позднее валидируются фактическими данными.

Глава 5, первая глава об анализе, описывает процесс открытого кодирования. Мы знакомим читателя с процедурами шаг за шагом, начиная с маркировки понятий ярлыками. Затем переходим к группировке понятий для формирования категорий, затем к называнию этих категорий. Наконец мы завершаем обсуждение разделом о том, как развивать категории с точки зрения их свойств и шкалы измерений, по которым свойства могут изменяться.

Глава 6, по нашему мнению, одна из самых важных. В ней мы предлагаем техники, которые позволят пользователям прорваться через предубеждения и стандартные способы мышления о данных, давая, таким образом, возможность думать об этих данных по-новому. Каждый должен стремиться осмысливать феномены творчески, желая в то же время обосновать полученные данные в реальности.

В главе 7 мы переходим к осевому кодированию — нашему второму типу кодирования. Здесь мы описываем, как осуществляется связь категорий с их субкатегориями посредством модели, которую мы называем «парадигма». В эту главу включен также важный краткий раздел, описывающий, как аналитик может использовать одновременно индуктивное и дедуктивное мышление, для принятия и проверки гипотезы относительно возможных взаимосвязей между категорией и ее субкатегориями.

Избирательное кодирование является кодировочной процедурой, описанной в главе 8. Здесь объясняется, как интегрируются основные категории, как достигается вариация в теории путем группировки категорий в соответствии с их точно обозначенным местоположением на шкале измерений.

В главе 9 рассказывается, каким образом может быть отражен в теории процесс, т. е. изменение и движение.

В главе 10 показана рамка, в которой можно плотно объединить условия и следствия в теорию путем связывания их с феноменом через действие/взаимодействие. Эта глава предназначена для более продвинутых аналитиков, но многое в ней представляет ценность и для начинающих. В заключении этой главы находится краткий раздел, где мы обсуждаем различия между формальной теорией и теорией, которая относится к одной конкретной предметной области.

В главе 11 «Теоретическая выборка» объясняется, как делается выборка по методу *обоснованной теории*. Она показывает, как различается

составление выборки в открытом, избирательном или осевом типах кодирования, в зависимости от фокуса интереса исследователя.

В главе 12 исследуется роль аналитических «памяток» и диаграмм. Эти вспомогательные средства применяют, чтобы сохранить следы продуктов анализа, они растут по глубине и степени абстрактности по мере того, как исследователь проходит через процесс кодирования.

В главе 13 мы рассматриваем весьма важные вопросы о том, как представлять и письменно излагать материалы исследования по методу *обоснованной теории* в книгах, журналах и диссертациях.

Последняя, 14 глава, представляет критерии для оценивания исследований по методу *обоснованной теории*. Эта глава должна быть чрезвычайно полезна не только для тех, кто желает критически оценивать свою собственную работу и работу других, но также и для тех, кто делает обзорные статьи для журнальных изданий и фондовых агентств.

Заключительное замечание

После того как мы написали рабочий вариант этой книги и использовали его для обучения аспирантов и более опытных исследователей, нам указали на то, что помимо той цели, для которой книга была написана — обучения студентов и проведения исследования по методу *обоснованной теории* — книга имеет еще и дополнительную ценность.

Она потенциально полезна также для тех, кто намерен делать исключительно тематический анализ или анализ в сочетании с количественными исследованиями. Те, кто заинтересован в развитии понятий, могут найти полезной информацию, которую мы даем в определенных главах. Те, кто интересуется новыми способами осмысления феноменов, также могут найти разделы, заслуживающие внимания. Этим разным группам читателей нет необходимости изучать или применять на практике все написанное в этой книге. Они могут ограничиться чтением первых шести или семи глав или внимательно прочитать главы 11 и 12.

Обозреватели из журналов, газет или различных фондов часто сталкиваются с сообщениями о проектах или исследованиях по методу *обоснованной теории*. Возможно, они хотят бегло перелистать всю книгу, чтобы приобрести какое-то понимание используемой терминологии и основных процедур метода; в этом случае в фокусе их интереса будет глава 14, где мы описываем критерии, которые можно использовать для оценки письменных сообщений о проектах или заявках на исследования по методу *обоснованной теории*.

Ученые, заинтересованные в развитии теории, как индуктивной, так и дедуктивной, могут найти полезными определенные части книги для дополнения своих собственных методов. Мы открыты для всех этих возможных применений. И надеемся, что те, кто будет использовать

эту книгу, получают столько же знаний от ее чтения, сколько мы от ее написания.

Последнее замечание: вы обнаружите, что на протяжении всей книги использовалась система выделения курсивом и жирным шрифтом. *Курсив* применялся для того, чтобы обратить внимание на особые понятия и на терминологию метода *обоснованная теория*, например, «категории», «измерения», и «теоретическая чувствительность». Мы старались не увлекаться его чрезмерным использованием; но применяли его достаточно свободно. **Жирный шрифт** использовался для определенных терминов и фраз, так же как и для целых предложений. Выделенные жирным шрифтом предложения должны быть полезны при повторном беглом просмотре или чтении текста, поскольку зрительно они быстро воспринимаются. Выделенные жирным шрифтом термины и фразы применяются по той же причине. Они используются также для выделения специальных терминов, чтобы проиллюстрировать случаи их применения. На страницах иллюстраций вы, возможно, обнаружите некоторую непоследовательность в нашей системе, но, пожалуйста, наберитесь терпения, потому что в итоге она должна вам подойти.

Мы хотим выразить свою признательность некоторым студентам и коллегам, которые делали рецензии и высказывали критические замечания по рабочим вариантам этой книги. Мы особенно благодарны Жилю Райну, Энн Хэзан и Лоре Лэмперт за их глубокие и специальные комментарии по более позднему варианту этой книги. Мы также благодарны Дениз Барнетт, Терезе Монтини, Черил Холл и Кэти Злобин за их рецензии по раннему варианту книги. Мы благодарим Джоан Фуджимура из Гарвардского университета, Ли Стар из Калифорнийского университета и Ирвина за использование книги при работе со своими студентами. Все их замечания были бесценными для внесения необходимых исправлений, улучшения качества, доступности и полезности книги. Также важна была критика Сетсуо Мицуно из Университета Хосей (Hosei), Токио, Япония; Дика Корбина, инженера из Силиконовой Долины. Мы также хотим поблагодарить Салмонику Маэт (Maeth) за многие часы, потраченные ею на печатание и перепечатывание рукописи. Более всего мы признательны Барни Глезеру, который начал обсуждать в интенсивных ночных телефонных беседах с Ансельмом Страуссом свой развивающийся исследовательский метод, известный теперь под названием *обоснованная теория*.

Часть I

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Открытие было целью науки еще с начала Ренессанса. Но то, как делались эти открытия, изменялось в зависимости от характера изучаемого материала и времени. Галилей описывает свой метод совершения открытий в следующей цитате:

Метод таков: направить телескоп прямо на солнце, как будто вы намерены наблюдать это тело. Сфокусировав и закрепив телескоп, поместите плоский лист белой бумаги на расстоянии около фута от вогнутой линзы; на него упадет круглое изображение солнечного диска со всеми его пятнами, устроенными и расположенными точно с такой же симметрией, как на солнце. Чем дальше лист отодвигается от трубы, тем больше становится это изображение, и тем лучше будут изображены пятна (Drake, 1957, p. 115).

Несмотря на то, что мы больше изучаем земные объекты (индивидов, группы и коллективы, действующие и взаимодействующие поодиночке и совместно), хотя и столь же часто ускользающие от наблюдения, как солнце и звезды, у нас, как и у Галилея, есть эффективный метод открытий. Но прежде чем обсуждать существующие аналитические процедуры, которые он включает, мы просим вас внимательно изучить главы в Части I. В этих следующих четырех главах мы предлагаем вам наш метод, наш «телескоп» для наблюдения. В этих главах вы найдете основные логические действия, которые заложены в методе *обоснованной теории* с тем, чтобы вы могли более ясно понимать, что вы делаете и почему вы это делаете.

1

Введение

Прежде чем приступить к более специальным аспектам проведения анализа (представленным в настоящей книге, начиная с главы 5), полезно иметь некоторую информацию о происхождении качественного анализа вообще и *обоснованной теории*, в частности. В этой главе информация будет представлена в форме вопросов и ответов, причем вопросов, чаще всего задаваемых начинающими исследователями.

Что такое качественное исследование?

Под термином *качественное исследование* мы подразумеваем любой вид исследования, в котором данные получаются нестатистическими или неколичественными способами. Этот термин может относиться к исследованию истории жизни и поведения индивидов, деятельности организаций, социальных движений или интерактивных взаимосвязей. Для некоторых данных, например, данных переписи, может быть определено количество, но сам анализ будет качественным. Действительно, термин *качественное исследование* смущает, потому что может означать разные вещи для разных людей. Некоторые исследователи собирают данные посредством интервьюирования и наблюдений — эти техники обычно ассоциируются с качественными методами. Однако затем они кодируют эти данные способом, который позволяет анализировать их статистически. В сущности, представляют качественные данные в форме, удобной для количественного анализа. *Заметьте*, что мы имеем в виду не этот процесс, а нематематическую аналитическую процедуру, результаты которой происходят из данных, собранных различными способами. Эти данные включают наблюдения и интервью, но могут также включать документы, книги, видеозаписи и даже такие данные, в которых количество было определено для других целей, например, для переписных листов.

Какого рода навыки требуются для проведения качественного исследования?

Необходимые навыки для проведения качественного исследования (как вы позднее увидите) таковы: делать шаг назад и критически анализировать ситуации, распознавать предвзятость и избегать ее, получать валидные и надежные данные и абстрактно мыслить. Для этого качественный исследователь должен обладать теоретической и социальной чувствительностью, способностью соблюдать аналитическую дистанцию, в то же время опираясь на свой прошлый опыт и теоретические знания для интерпретации того, что он видит. Необходимо обладать даром пронизательности в наблюдении и хорошими интерактивными навыками.

Могу ли я комбинировать качественный и количественный методы?

Ответ будет «да». В одном и том же исследовательском проекте могут эффективно использоваться два типа методов (Strauss, Bucher, Enrich, Schatzman, & Sabshin, 1964). Однако большинство исследовательских проектов и исследователей предпочитают ту или иную форму, отчасти по убеждению, но также вследствие научной подготовки и характера изучаемых проблем. Примеры комбинирования этих двух методов следующие: можно использовать качественные данные для иллюстрации или разъяснения данных, полученных количественным методом; определять количество демографических данных; использовать какую-либо форму количественных данных в целях частичной валидации качественного анализа (см. Denzin, 1970, о «триангуляции»).

Почему проводят качественное исследование?

Имеется много веских причин для того, чтобы заниматься качественным исследованием. Одной из них является убежденность исследователя, основанная на исследовательском опыте. Кроме того, некоторые исследователи приходят к этому либо из какой-нибудь научной дисциплины, например антропологии, либо, придерживаясь такой философской ориентации, как феноменология. Обе они традиционно отстаивают применение качественных методов для сбора и анализа данных, использование которых дало удовлетворительные результаты. Другая причина заключается в характере исследовательской проблемы. Некоторые области исследования по самой своей сути больше подходят для качественных типов исследования. Например, исследование,

которое пытается раскрыть природу субъективного опыта, связанного с такими феноменами, как болезнь, религиозное обращение или наркомания. Качественные методы могут применяться для раскрытия и понимания того, что лежит за любым феноменом, о котором пока мало известно. Они могут использоваться для приобретения новых и свежих представлений о вещах еще совсем мало известных. Кроме того, качественные методы могут дать более ясное представление о сложных деталях феномена, которое трудно получить количественными методами.

Кто проводит качественное исследование?

Качественное исследование проводится исследователями, работающими в социальных и поведенческих науках, а также практикующими специалистами в областях, касающихся проблем человеческого поведения и деятельности. Исследования такого типа можно использовать для изучения организаций, групп или индивидов. Их может проводить исследовательская группа, пара или один исследователь. Если качественные методы комбинируются с количественными, то качественный аспект обычно является вспомогательным по отношению к более крупному исследовательскому проекту и, вероятно, будет проводиться индивидуально или небольшой группой специалистов.

Каковы наиболее важные компоненты качественного исследования?

В основе, имеются три наиболее важных компонента. Во-первых, **данные**, которые, как было упомянуто, могут происходить из различных источников. Интервью и наблюдения являются наиболее распространенными источниками.

Второй компонент качественного исследования состоит из различных **аналитических** или **интерпретивных процедур**, которые используются для получения данных или теорий. Эти процедуры включают техники для концептуализации данных. Такой процесс, называемый «кодированием», изменяется в зависимости от научной подготовки, опыта и цели исследователя. Посмотрите для примера работы Becker (1970), Charmaz (1983), Lofland (1971), Miles и Huberman (1984). Другие процедуры также являются частью аналитического процесса. Они включают нестатистическую выборку (см. Schatzman & Strauss, 1973), написание аналитических «памяток» и построение диаграмм понятийных взаимосвязей.

Письменные и устные отчеты составляют третий компонент качественного исследования. Они могут быть представлены в научных

журналах или на конференциях и принимают различные формы в зависимости от аудитории и аспекта представляемых результатов или теории. Например, кто-то может представить либо обзор всех результатов, либо углубленное обсуждение одной части исследования.

Существуют ли различные типы качественного исследования?

На этот вопрос можно ответить по-разному в зависимости от того, о чем в действительности идет речь. Например: о типах ли исследования задается вопрос, о целях исследования или о подходах в проведении анализа? При описании качественного исследования зачастую путают и смешивают типы, цели и подходы к анализу.

Некоторые из различных типов качественного исследования таковы: *обоснованная теория*, этнография, феноменологический подход, история жизни (life histories) и анализ разговора (conversational analysis). Эти типы могут использоваться и используются исследователями различных дисциплин. Например, специалисты по уходу за больными, немощными и младенцами (nurses), антропологи, или социологи могут использовать этнографию для изучения какой-либо проблемы, связанной с их дисциплиной, так же как они могут использовать *обоснованную теорию* или историю жизни.

Что касается целей, то они у разных исследователей неуловимо различаются. Результаты исследования могут использоваться для объяснения и иллюстрации количественных результатов, построения исследовательского инструментария, разработки проблем управления, оценивания программ, обеспечения информацией в коммерческих целях, в качестве руководства для работы практикующих специалистов, служить политическим, а также научным целям, например, развитию фундаментальных знаний.

Кроме того, одним из главных противоречий и проблем качественного исследования является проблема подхода. Иначе говоря, в какой степени данные должны интерпретироваться? Некоторые исследователи считают, что данные **не следует анализировать** вообще, скорее задача исследователя состоит в том, чтобы собрать данные и представить их в таком виде, «чтобы информанты говорили сами за себя». Цель заключается в том, чтобы исследователь дал добросовестный отчет о словах или наблюдениях с незначительной интерпретацией или без интерпретации-вмешательства. Хотя эта определенная группа исследователей считает, что взгляды информантов на реальность могут не отражать «истину», тем не менее, взгляды этих субъектов представляются в тех спонтанных и значимых характеристиках, в каких они фактически были выражены. В основе этого подхода

лежит философский принцип представлять достоверный отчет, в котором предубеждения и присутствие исследователя не влияют на данные. В этой перспективе обязательство ученого-исследователя состоит в том, чтобы слушать и сообщать, что отчасти сродни профессии журналиста.

Другие качественные исследователи сосредоточены на **точном описании** при проведении анализа и представлении своих результатов. Поскольку исследователь, вероятно, не может представить читателям абсолютно все данные, то необходимо их сократить. Принцип здесь состоит в том, чтобы представить точное описание того, что именно изучается, хотя и не обязательно все изученные данные. Сокращение и упорядочение материала представляет собой, несомненно, отбор и интерпретацию. Исследователи, которые выступают за этот подход, представляют, большей частью, точное описание, а также обычно вставляют свои объясняющие комментарии внутрь и вокруг длинных описательных пассажей и цитат из полевых записей и интервью. Многие исследователи достигают большого мастерства при вплетении описаний, слов говорящих, цитат из полевых записей и своих собственных интерпретаций в богатый и достоверный описательный нарратив. Иллюстративные материалы предназначены для того, чтобы дать ощущение того, что наблюдаемый мир представляет собой в реальности; в то время как интерпретации исследователя служат для создания более беспристрастной концептуализированной картины этой реальности. Интерпретации, созданные на основе описательного материала, изменяются по уровню абстракции, если они представлены разными исследователями, вероятно, также и в рамках одной публикации. Не все интерпретивные комментарии являются, строго говоря, теоретическими по своему характеру. Но некоторые исследователи считают это частью своей задачи.

Другие исследователи все-же заинтересованы в **построении теории**. Они убеждены, что разработка теоретически нагруженных интерпретаций является одним из наиболее сильных средств познания реальности (Blumer, 1969; Diesing, 1971; Glaser, 1978). Построение теории, по своей природе, подразумевает интерпретацию данных, так как данные должны быть концептуализированы, а понятия связаны для формулирования теоретического толкования реальности (реальности, которая фактически не может быть познана, но всегда интерпретируется). Теоретическая формулировка, получаемая в результате, может использоваться не только для объяснения этой реальности, но и обеспечивает рамку для действия. Кроме того, исследователи, заинтересованные в построении теории, убеждены, что теории представляет наиболее систематизированный путь построения, синтезирования и интегрирования научного знания.

Что такое *обоснованная теория*?

Обоснованная теория это теория, которая индуктивно выводится из изучения феномена, который она представляет. То есть, она создается, развивается и верифицируется в разных условиях путем систематического сбора и анализа данных, относящихся к изучаемому феномену. Таким образом, сбор данных, анализ и теория находятся во взаимной связи друг к другу. Нельзя начинать с теории, а затем доказывать ее. Скорее начинают с области исследования и все, что имеет отношение к этой области, имеет шанс проявиться.

Зачем строить теорию, которая обосновывается?

Хорошо сконструированная *обоснованная теория* должна отвечать четырем центральным критериям для того, чтобы судить, насколько теория применима к феномену: она должна **соответствовать** реальности, она должна быть **понимающей, обобщающей и контролируемой**. (Более подробное обсуждение этих положений, а также свойств теории, которая или недостаточно или неадекватно обоснована см. Glaser & Strauss, 1967, p. 237–250, и также Glaser 1978, p. 3). Если теория верна по отношению к повседневной реальности конкретной предметной области и тщательно выводится из различных данных, то она должна соответствовать этой области реальности. Поскольку она репрезентирует эту реальность, то она должна быть также понятной и иметь смысл и для тех, кого изучают, и для тех, кто применяет ее в своей практической области. Если данные, на которых она основана, понятны, а интерпретации концептуальны и широки, то теория должна быть достаточно абстрактной и включать достаточное количество вариаций, чтобы ее можно было применить к множеству контекстов, связанных с этим феноменом. Наконец, теория должна обеспечивать контроль в отношении действия, касающегося феномена. Последнее обусловлено тем, что гипотезы, предполагающие взаимосвязи между понятиями — которые позднее могут быть использованы для того, чтобы направлять действие — систематически выводятся из фактических данных, связанных с этим (и только этим) феноменом. Далее, условия, в которых она применяется, должны быть четко расшифрованы. Следовательно, условия должны применяться конкретно к данной ситуации.

Что представляет собой подход *обоснованной теории*?

Подход *обоснованной теории* — это качественный исследовательский метод, который использует **систематический ряд процедур для разработки** индуктивно выведенной обоснованной теории некоего явления.

Теоретическая формулировка изучаемой реальности строится скорее на основе результатов исследования, чем на основе ряда цифр или группы слабо связанных тем. Благодаря этой методологии понятия и связи между ними не только рождаются, но также проходят предварительную проверку. В этом подходе много процедур и они довольно специфичны, как вы увидите.

Цель метода *обоснованной теории*, конечно, состоит в том, чтобы построить теорию, которая заслуживает доверия и помогает понять данную область исследования. Исследователи, работающие в этой традиции, надеются также, что их теории будут обязательно связаны с другими теориями в рамках соответствующих дисциплин по принципу кумулятивности и что выводы теории будут иметь полезное применение.

Где берет начало подход *обоснованной теории*?

Обоснованная теория как методология первоначально разрабатывалась двумя социологами: Барни Глезером и Ансельмом Страуссом. Несмотря на то, что они исходили из разных философских и исследовательских предпосылок, их соответствующие вклады были одинаково важны. Они работали в очень тесном сотрудничестве над разработкой техник анализа качественных данных, которые отражают как их образование, так и их биографические данные.

Ансельм Страусс — выпускник Чикагского университета. Этот университет имеет долгую историю и сильные традиции в области качественных исследований. В то время он находился также под влиянием трудов интеракционистского и прагматистского подходов. Таким образом, его мышление вдохновляли такие люди, как Роберт Парк, Уильям Томас, Джон Дьюи, Дж. Мид, Эверетт Хьюз и Герберт Бламер. Такая подготовка позволила ему включить в свой метод, наряду с другими вещами: (а) необходимость выходить в поле, если хочешь понять, что происходит; (б) значение теории, обоснованной в реальности, для развития дисциплины; (в) природу опыта и переживания как непрерывно развивающихся; (г) активную роль субъектов в формировании миров, в которых они живут; (д) акцент на изменении и процессе, на изменчивости и сложности жизни; и (е) взаимосвязи между условиями, значением и действием. Кроме того, Страусс имел реальный предварительный опыт полевого исследования, много размышлял о трудно уловимой взаимосвязи сбора и анализа данных, и немало размышлял о процедурах кодирования, которые позднее пришлось разрабатывать (Strauss et al., 1964).

Барни Глезер пришел из совершенно иной традиции, но некоторые общие значимые характеристики, несомненно, способствовали

сотрудничеству этих двух людей. Он получил подготовку в Колумбийском университете и испытал влияние Пола Лазарсфельда, известного новатора в области количественных методов. Позднее, занимаясь качественным анализом, Глезер видел особую необходимость в хорошо продуманном, эксплицитно сформулированном и систематизированном наборе методик как для кодирования, так и для проверки гипотез, рожденных во время исследовательского процесса. Для традиций Колумбийского университета также был характерен акцент на эмпирическом исследовании в сочетании с разработкой теории. Чикагская и Колумбийская научно-исследовательские традиции были направлены на создание исследовательского подхода, который был бы полезен как для профессионалов, так и для непрофессиональных аудиторий. По этой причине многие труды по *обоснованной теории*, которые возникли из сотрудничества Глезера и Страусса, включая оригинальные монографии об умирании (1965, 1968), были адресованы как этим аудиториям, так и их коллегам по дисциплине.

Что необходимо для изучения этого подхода?

Так же, как и в отношении любого другого навыка, умение выполнять исследование по методу *обоснованной теории* приходит после его продолжительного изучения и применения. Почти каждый желающий со временем будет способен достичь достаточного уровня умения и спокойно провести результативное и полезное исследование при соблюдении следующих условий.

- (1) Следует **изучать** процедуры, описанные в разных книгах и быть готовым следовать им, а не просто читать о них (Glaser 1978; Glaser & Strauss, 1967; Strauss, 1987). Процедуры составляются для того, чтобы систематически и аккуратно строить теорию. Сокращая работу, вы можете получить в результате плохо построенную и узко понимаемую теорию, которая не сможет дать точную репрезентацию реальности.
- (2) Необходимо следовать процедурам при проведении исследования. Другими словами, пройти курс обучения *обоснованной теории* еще не значит стать теоретиком метода *обоснованной теории*. Лишь **применением процедур** на протяжении всего исследования приобретает достаточное понимание того, как они работают, а также умение и опыт, которые дают возможность с успехом продолжать использование этих техник.
- (3) Необходимы некая сумма **открытости** и **гибкости**, чтобы суметь адаптировать процедуры к различным феноменам и исследовательским ситуациям.

Является ли обоснованная теория лишь социологическим подходом?

Обоснованная теория может успешно использоваться представителями многих дисциплин. Не нужно быть социологом или подписываться под интеракционистской перспективой, чтобы использовать этот подход. Что имеет значение — так это процедуры, а они не связаны с дисциплиной. Важно помнить, что исследователи из различных дисциплин будут заинтересованы в разных феноменах — или даже могут один и тот же феномен рассматривать по-разному, в зависимости от перспектив и интересов своих дисциплин. Например, возьмите такую область исследования, как дети в начальной школе. Специалиста в области ухода за детьми могут интересовать проблемы их здоровья, а психолога — их адаптация, социолога — групповое поведение; школьного педагога — процесс и паттерны, а феноменолога (из любой дисциплины) — переживания школьников. Каждая перспектива окрашивает подход, принятый для изучения этих детей. Даже более того, подход *обоснованной теории* может обеспечить каждого исследователя процедурами для анализа данных, которые приведут к разработке теории, полезной для этой дисциплины. Мультидисциплинарный проект также может быть выполнен с применением обоснованных методик, при этом каждый исследователь внесет в исследование свой особый взгляд и вклад. В конечном счете, любая разрабатываемая теория будет отражать их соответствующие перспективы.

Является ли обоснованная теория «научным методом»? Если да, то как в ней проявляется творческое начало?

Да, *обоснованная теория* является научным методом. Ее процедуры составлены таким образом, что если они проводятся тщательно, то метод удовлетворяет критериям «хорошей» науки: значимости, совместимости теории и наблюдения, обобщения, воспроизводимости, точности, строгости и верификации. (Они обсуждаются далее в главе 14. См. также для более углубленной дискуссии по теме Corbin & Strauss, 1990).

Проблема здесь не в том, соответствуют ли они канонам, а в том, как они **интерпретируются** и **определяются** в подходе *обоснованной теории*. Каноны представляют собой лишь самый общий принцип, и качественные исследователи избегают опасности интерпретировать их слишком конкретно, с точки зрения более позитивистских интерпретаций, развиваемых количественными исследователями. Сторонники каждого способа открытия, в действительности, должны развивать более конкретные критерии, основанные на определенных процедурах, которые они нашли полезными в своих исследованиях.

Творческий подход также является жизненно важным компонентом метода *обоснованной теории*. Процедуры побуждают исследователя прорываться через предположения и создавать новый порядок из старого. Творчество проявляется в способности исследователя давать правильные названия категориям; а также в том, чтобы позволить мысли блуждать и составлять свободные ассоциации, которые необходимы для производства стимулирующих вопросов и возникновения сравнений, направляющих к открытию. Как мы позднее увидим, сравнения повышают чувствительность исследователя, делая его или ее способным распознавать потенциальные категории и идентифицировать относящиеся к делу условия и следствия, когда они появляются в данных. Несмотря на необходимость творчества для развития эффективной теории, исследователь должен всегда валидизировать любые категории и формулировки связей, к которым он пришел творчески во время исследовательского процесса.

Как делаются открытия?

Кстати о творчестве. Первые дни работы над исследовательским проектом могут быть трудным временем для начинающего качественного исследователя. Волнение при проведении первых интервью или в первые дни полевого исследования. Возможно также нервное расстройство, вызванное медленным ходом исследования вначале, из-за задержки в получении доступа к источникам данных, или необходимого разрешения от комиссии (*human-consent committee*). Преодолев эти первоначальные трудности, многие исследователи получают от сбора данных глубокое удовлетворение. Все же наиболее благодарными моментами исследования для аналитически ориентированных исследователей являются те, которые касаются их открытий. Это могут быть быстрые вспышки «интуиции», или крупные прорывы в понимании значений и паттернов событий, или если найдено окончательное решение более обычной, но не менее волнующей аналитической проблемы, хоть и не столь значительной, чтобы потрясти мир.

Откуда приходят такие открытия? Вопрос, откуда они приходят, обычно путают с тем, где исследователю случается быть, когда они приходят. Короткий рассказ прояснит этот момент. Когда первая книга по *обоснованной теории* была близка к тому, чтобы отправить ее издателю, авторы послали ее рабочий вариант своему другу-антропологу, который, очевидно, лишь бегло просмотрел ее, перед тем как отправить благодарственное письмо размером в одну страницу. Тем не менее, он также возражал: Зачем писать об этом книгу? В конце концов, идеи приходят отовсюду, когда ты выходишь из трамвая или где-нибудь еще. Все это верно; однако, идеи не приходят всем

и обо всем. Лишь в определенных условиях возникают эти озарения. Прежде всего, исследователю следует размышлять о данных — предпочтительно быть погруженным в них, многое знать об изучаемой области. В то же время его или ее должны озадачивать или беспокоить некоторые характеристики этих данных или их интерпретаций с тем, чтобы возникали вопросы и на них искали ответы. Этот процесс происходит даже на подсознательном уровне, иногда довольно долго, прежде чем весьма жизненно важный вопрос или ответ прорывается в сознание. Тем не менее, обладающий знанием теории и данных исследователь должен избегать тех самых характеристик его или ее работы, которые в противном случае могут заблокировать новые перспективы, свойственные внезапному предчувствию, вспышке пронизательности, блестящей идее или иной глубокой теоретической формулировке. Конкретное знание, увы, не только обязательно. Временами, однако, оно конституирует умственный багаж, который препятствует этому виду интеллектуального творчества. Действительно, многие ученые являются выдающимися экспертами в своих специальностях, и даже компетентными исследователями, но не обладают выдающимися творческими способностями.

В чем различие между теорией и описанием?

Этот вопрос часто задается начинающими исследователями. По существу, есть две основные точки зрения. Во-первых, теория использует **понятия**. Сходные данные группируются и им присваиваются понятийные (концептуальные) ярлыки. Это означает отнесение интерпретаций к данным. Во-вторых, понятия связываются посредством **формулирования взаимосвязей**. В описании данные могут быть организованы по темам. Эти темы могут быть концептуализациями данных, но, более вероятно, будут конспектами или резюме выражений, взятых непосредственно из данных. Здесь **если и есть, то незначительная интерпретация данных**. Но здесь нет никакой попытки связать темы для формирования системы понятий.

Необходимо ли расшифровывать все свои интервью или полевые записи?

В общем, практический способ здесь — расшифровывать ровно столько, сколько требуется. Однако как нет необходимости выполнять легкое решение, так и нельзя осознанно выполнить его, пока вы полностью не вникнете в курс самого исследования. «Ровно столько, сколько требуется» и советы, данные ниже, не должны рассматриваться

как выдача лицензии на расшифровку лишь нескольких из ваших первых интервью или магнитофонных полевых записей. И в самом деле, если это ваше первое исследование и вы еще довольно неопытны в этом виде исследования или вы проводите такое небольшое по масштабу исследование и у вас относительно мало интервью или полевых записей, то лучше расшифровать все эти материалы.

Может быть, есть, а может быть и нет необходимости для ваших определенных исследовательских целей расшифровывать все ваши магнитофонные записи. Либо, действительно, расшифровать каждый параграф, строку каждого интервью или магнитофонной полевой записи. Фактическая расшифровка (которая может отнимать значительное время, энергию и деньги) должна быть **избирательной**. Образ действий в анализе по методу *обоснованной теории*, как правило, следующий. Самые первые интервью или полевые записи должны быть полностью расшифрованы и проанализированы до того, как вы перейдете к следующим интервью или полевым наблюдениям. Это первое кодирование дает направление для следующих полевых наблюдений и/или, интервью, как это будет описано в книге далее.

В дальнейшем, по мере развития вашей теории, вы можете пожелать слушать записи и расшифровывать только те предложения, реплики, или параграфы, которые связаны с вашей развивающейся теорией. (На раннем этапе изучения исследователь не уверен, что относится к теории, а что нет. Здесь лучше расшифровать все, в противном случае могут быть упущены важные данные. Транскрипция этих выборочных порций материалов не обязательно освободит вас позднее от дальнейшей расшифровки. Вам все же придется проводить дополнительный или более детальный анализ. Суть в том, что теория должна направлять не только на то, что вы ищете и куда вы идете, чтобы найти это в поле, но также на то, что вы ищете в своих данных. Это оставляет открытой возможность собирать данные, особенно ближе к концу вашего проекта, когда анализ показывает, что у вас есть некоторые несоответствия в теоретических формулировках, которые нужно исправить, и чтобы это сделать, требуется дополнительный сбор данных. В этом случае вы можете захотеть расшифровать лишь те порции интервью или полевых записей, которые относятся к теоретической брешу, вернувшей вас в поле.

В конце именно вы должны решить, если только оппоненты на защите диссертации или ваш научный руководитель не настаивают на другом, сколько интервью и полевых записей расшифровывать. Вы должны определить, какова цель вашего исследования, какой дополнительный аналитический (теоретически чувствительный, так же как и «психологически» чувствительный) вклад составляют данные порции расшифрованных материалов против нерасшифрованных по всему исследованию. Вам может понадобиться почти полная транскрипция,

чтобы получить желаемую плотность теории. Возможно, вы захотите сделать полную транскрипцию, если у вас есть деньги, чтобы заплатить кому-то еще за расшифровку магнитофонных записей.

Независимо от того, расшифровываете ли вы все или часть магнитофонных записей, важно еще слушать записи. Прослушивание, так же как и расшифровка, существенно для полного и дифференцированного анализа. И последнее замечание: **лучше больше, чем меньше**. Однако окончательное суждение и ответственность лежат на вас.

Выводы

Обоснованная теория является качественным исследовательским подходом, совместно разработанным Глезером и Страуссом. Его систематические техники и процедуры анализа дают исследователю возможность разработать теорию, относящуюся к конкретной предметной области, которая удовлетворяет следующим критериям «хорошей» науки: значимости, совместимости теории и наблюдения, обобщения, воспроизводимости, точности, строгости и верификации. В то время как процедуры составляются для того, чтобы придать аналитическому процессу точность и строгость, творчество также является важным элементом. Именно это последнее дает исследователю возможность задавать подходящие вопросы о данных и делать такого рода сравнения, которые позволяют извлекать из данных новые проникновения в суть феномена и новые теоретические формулировки. Данный подход может использоваться специалистами любой дисциплины или теоретической ориентации, стремящимися к развитию *обоснованной теории*. Однако требуется тщательное **изучение** техник и процедур, описанных в этой книге, а также **практика** их применения, чтобы развить сноровку в этом методе.

2

Начало исследования

Одной из самых трудных сторон проведения исследования является начало. Два важных вопроса, которые, по-видимому, больше всего беспокоят: (а) Как найти *исследовательскую проблему, которая будет мне по силам?* (б) Как *сузить* ее до выполнимых размеров? Эти вопросы могут казаться особенно трудными, если вы новичок в качественных исследованиях, потому что на первый взгляд процесс выборов и обязательств кажется не столь хорошо организованным и более неопределенным, чем в количественных формах исследований. Наши ответы на эти два вопроса будут даны в рамках контекста метода *обоснованной теории*. Цель этого раздела состоит в том, чтобы пояснить некоторые принципы, которые лежат в основании этих первоначальных выборов.

Исследовательские проблемы

Источники исследовательских проблем в подходе *обоснованной теории* не отличаются от источников других подходов в качественных исследованиях.

Источники исследовательских проблем

Существуют несколько источников исследовательских проблем.

(1) *Предложенная или порученная исследовательская проблема*. Один путь выйти на проблему состоит в том, чтобы попросить помощи у ученого, ведущего исследование в интересующей вас области. Часто он или она занимаются долгосрочными исследовательскими проектами и будут рады, если аспирант возложит на себя выполнение небольшой части проекта. Этот путь нахождения проблемы повышает возможность включения в «выполнимую» и «подходящую (релевантную)» исследовательскую тему. Это происходит потому, что более опытный исследователь уже знает, что сделано, и что еще нужно сделать в этой конкретной предметной области. С другой стороны, выбор, сделанный таким образом, может быть не очень интересен для вас. Важно помнить, что какова бы ни была избранная проблема, вам придется жить с ней

в течение длительного периода, так что окончательный выбор должен отвечать вашим интересам

Другой вариант этого метода состоит в том, чтобы последовать мнениям специалистов или коллег, у которых было бы полезно и интересно навести справки. Часто это более приятный источник исследовательской проблемы, особенно если у вас есть склонность к изучению этой области действительности. Например, интерес женщины, занимающейся спортом, может быть возбужден таким замечанием: Как женщины, которые ходят в гимнастические залы, ощущают свои тела? Эта широкая и открытая формулировка может привести к любым типам вопросов. Например, женщины, которые ходят в гимнастические залы, ощущают свои тела иначе, чем женщины, которые не ходят? Или, женщины-штангисты иначе ощущают свои тела, чем женщины-бегуны или мужчины-штангисты?

Еще один вариант «предложенной исследовательской проблемы», когда студенту говорят, что на исследования по определенным темам имеются средства. Действительно, спонсоры факультетов могут подсказать студентам те направления, где есть фонды. Это вполне законное предложение, так как часто эти направления являются проблемными зонами, в исследовании которых имеется особая необходимость.

(2) *Специальная литература.* Она может быть стимулом для исследований в нескольких отношениях. Иногда она указывает на относительно неисследованную область или предлагает тему, требующую дальнейшей разработки. В других случаях в гуще исследований и трудов встречаются противоречия или неясность. Противоречия предполагают необходимость изучения, которая поможет разрешить эти сомнения. В альтернативном случае чтение по теме может привести исследователя к предположению, что требуется новый подход для решения старой проблемы, хотя она была хорошо изучена в прошлом. Что-то относительно проблемной области и связанных с ней феноменов остается неуловимым, и это что-то, если будет обнаружено, может использоваться для реконструкции понимания этого феномена. Итак, читая литературу, вы можете быть поражены, обнаружив что-то, диссонирующее с вашим собственным опытом, что может привести к изучению с целью разрешить это противоречие. Наконец, чтение может просто стимулировать любознательность относительно предмета. В тот момент, когда кто-то задает вопрос «а что если» и обнаруживает, что на него нет ответа, проблемная область найдена. (См. главу 3, в которой дополнительно обсуждается использование литературы.)

(3) *Личный и профессиональный опыт* часто служат источниками проблем. Человек может пережить развод и интересоваться тем, как другие женщины или мужчины переживали свои ситуации развода. Или кто-то в своей профессии или на своем рабочем месте может столк-

нуться с проблемой, которая не имеет ответа. Профессиональный опыт часто ведет к суждению, что некоторые характерные черты профессии или ее практики менее полезны, эффективны, гуманны или справедливы. И тогда думают, что хорошее исследование может помочь исправить эту ситуацию. Некоторые специалисты возвращаются к исследованию для получения более высоких ученых степеней, руководствуясь честолюбивыми стремлениями. Исследовательские проблемы, которые они выбрали, основаны на этой мотивации.

Процесс выбора исследовательской проблемы на основе профессионального или личного опыта может казаться более рискованным, чем в случае, когда проблема предложена или найдена в литературе. Это не обязательно так. Пробный камень вашего собственного опыта может быть более ценным индикатором вашей попытки успешно реализовать свой исследовательский потенциал.

Безусловно, тому, кто проявляет любознательность или беспокоится о мире, который окружает его или ее, и кто готов принять на себя определенный риск, после тщательного обсуждения и, используя источники, предложенные выше, не следует слишком тревожиться о нахождении проблемной области для изучения. Следующий шаг состоит в том, чтобы правильно сформулировать исследовательский вопрос.

Исследовательский вопрос

Способ, которым задается исследовательский вопрос, крайне важен, так как он в значительной степени определяет исследовательский метод, который используется. Здесь есть дилемма. Выбирают ли метод *обоснованной теории* потому, что проблемная область и вопрос, вытекающий из нее, предполагают, что этот метод будет использоваться? Или сначала решают использовать методологию *обоснованной теории*, а затем составляют вопрос, который ей соответствует?

На эти вопросы трудно ответить, потому что на них нет заранее заготовленных ответов. Несмотря на то, что основная предпосылка состоит в том, что исследовательский вопрос должен диктовать метод, многие люди ориентируются на количественное исследование. Так, даже когда проблемная область предполагает, что показано качественное исследование, они приспособливают свои вопросы таким образом, что те ведут к количественному проекту. Другие исследователи, в силу личных ориентаций, научной подготовки, или убеждений, склонны видеть проблемы в качественной перспективе. Вопросы, которые они задают о любой проблемной области, формулируются в качественных терминах, потому что они просто не видят проблемы иначе. Нам нет смысла обсуждать здесь этот вопрос; мы только хотим заметить, что некоторые проблемные области ясно предполагают какую-то одну форму

исследования, как более предпочтительную, и исследователь должен быть верен проблеме, которой он занят. Например, если кто-то хотел бы узнать, эффективнее ли одно лекарство по сравнению с другим, то «слепой» двойной клинический эксперимент подошел бы для этой цели больше, чем *обоснованная теория*. Однако, если бы кто-то хотел узнать, что значит быть участником лекарственного исследования, то он или она могли бы принять разумное участие в проекте по методу *обоснованной теории* или другом типе качественного исследования. Ясно, что предпочтения и научная подготовка играют роль в этих решениях, но они не должны делать нас слепыми по отношению к другим методологическим возможностям.

Другой важный аспект исследовательского вопроса состоит в установлении границ того, что будет изучаться. Никакой исследователь не может охватить все аспекты проблемы. Исследовательский вопрос помогает сузить проблему до реально выполнимого размера. (Это второй важный вопрос, о котором мы ранее говорили, стоящий перед исследователями, в особенности неопытными.)

Постановка исследовательского вопроса

На что же похожи вопросы в проектах *обоснованной теории*? Чем они отличаются от вопросов в количественных проектах и почему?

Вспомните, что главная цель применения метода *обоснованной теории* состоит в том, чтобы разработать теорию. Чтобы сделать это, нам нужен исследовательский вопрос или вопросы, которые дадут нам гибкость и свободу для глубокого исследования феномена. Также, этот основной подход к качественному исследованию представляет собой допущение, что все понятия, относящиеся к данному феномену, пока не идентифицированы, во всяком случае, не в этой совокупности или в данном месте. Если это так, то связи между понятиями или слабо поняты, или концептуально не разработаны. Или возможно имеется допущение, что этот особый исследовательский вопрос никогда не задают совершенно одинаковым образом, так что пока невозможно определить, какие переменные относятся к этой области и какие нет. Это соображение вызывает необходимость постановки такого типа вопроса, который даст нам возможность найти ответы на проблемы, которые кажутся важными, но остаются неразрешенными.

Хотя первоначальный вопрос ставится широко, постепенно он становится более узким и более сфокусированным во время исследовательского процесса, когда понятия и их взаимосвязи обнаруживают, что либо имеют отношение к данной проблеме, либо нет (релевантные или нерелевантные). Таким образом, исходный исследовательский вопрос вначале открытый и широкий, но не столь широкий, конечно, чтобы допустить полный спектр возможностей. И все же не столь узкий

и сфокусированный, чтобы он исключал открытие, в конце концов, являющееся главной целью применения метода *обоснованной теории*. Эта попытка не закрепляет формулировки связей между зависимой и независимой переменной, как обычно в количественных исследованиях, потому что мы не проверяем этот вид гипотезы. **Исследовательский вопрос в проекте *обоснованной теории* является формулировкой, которая идентифицирует изучаемый феномен.** Он говорит вам, на чем именно вы хотите сфокусировать свое внимание и что вы хотите узнать об этом предмете. Вопросы в проектах *обоснованной теории* также имеют тенденцию быть ориентированными на действие и процесс.

Примечание. Здесь приводится пример того, как можно записать вопрос в проекте по методу *обоснованной теории*.

Как женщины справляются с беременностью, осложненной хронической болезнью? Этот вопрос, во всяком случае, в такой глобальной форме, слишком широкий и неструктурированный для количественного исследования, но вполне подходит для исследования по методу *обоснованной теории*. Вопрос говорит, что исследование будет посвящено изучению женщин в период беременности и что беременность осложнена хроническим заболеванием. Далее, исследование будет рассматривать менеджмент беременности, с точки зрения перспективы женщин, то есть, что они делают и думают, а не доктора или кто-либо еще. Конечно, в проекте *обоснованной теории* важно также изучать, что делают доктора и что они говорят женщинам, поскольку эти действия могут влиять на то, как женщины справляются со своей беременностью, но это не главная задача. Определение того, как и до какой степени действия женщин находятся под влиянием других — только часть того, что хочет выявить исследователь. В фокусе исследования находятся женщины и, помня об этом, исследователь не уйдет в сторону и не будет «разбрасываться».

Итак, с точки зрения сужения и фокусирования проблемы, в зависимости от того, как ставится вопрос, исследование может идти в разных направлениях или фокусировать внимание на различных предметах. Например, если исследователь спрашивает:

(1) Что происходит, когда пациент жалуется, что испытывает боль, но медсестра не верит ему или ей? В этом случае исследователь задает **интерактивный** вопрос. Таким образом, фокус наблюдений, диаграмм и интервью, так же как и анализа, будет на интеракции.

(2) Каковы организационные механизмы или управленческая политика обращения с наркосодержащими лекарствами? В этом случае исследователь задает **организационный** вопрос и фокусирует свое внимание на более широких организационных ответах на эту лекарственную проблему. Данные будут собираться не только посредством интервью, но также путем изучения письменных распоряжений, затем наблюдения за тем, как они выполняются. Следует изучать не всю организационно-

управленческую политику, а скорее то, что имеет отношение к обращению с наркосодержащими лекарствами.

(3) Чем различаются реакции пациентов на болеутоляющие средства, если они в течение долгого времени (не менее двух лет) переживали боль и пользовались средствами для лечения? Здесь задается **биографический** вопрос. В фокусе будут не только существующие реакции на лечение от боли, это будет исследовано в свете историй бывших больных. Их рассказы прольют свет на прошлый опыт переживания боли и ее лечения.

Выводы

Первоначальный исследовательский вопрос является направляющей, которая ведет исследователя непосредственно к тому, чтобы исследовать конкретное действие, место, где происходят события, документы, действующих лиц или информантов, дающих интервью. Он дает исследователю старт и помогает ему или ей фокусировать внимание на протяжении всего исследовательского проекта. В том случае, если он или она начинает путаться или теряться в массе данных, всегда можно вернуться к первоначальному вопросу для прояснения. Затем, благодаря анализу данных, который берет начало от первого сбора данных (первое интервью или наблюдение), начинается процесс совершенствования и уточнения вопроса. Как это происходит, мы объясним в главах о кодировании.

3

Теоретическая чувствительность

Теоретическая чувствительность — это термин, который часто ассоциируется с *обоснованной теорией*. Действительно, таково название книги Глезера (1978) об этом методе. Но что же это такое — теоретическая чувствительность? Откуда она появляется? Как мы можем ее использовать, чтобы она скорее помогала, нежели препятствовала развитию нашей теории? В этой главе мы будем исследовать эти вопросы в общем смысле, чтобы обеспечить предпосылки для более углубленных дискуссий в последующих главах. (Дополнительное чтение см. по этой теме Glaser, 1978, глава 1, и Glaser & Strauss, 1967, Chapter 9.)

Определение

Теоретическая чувствительность относится к личным качествам исследователя. Она указывает на осознание тонких различий значения данных. Можно войти в исследовательскую ситуацию с разной степенью чувствительности, в зависимости от предшествующего чтения и опыта в релевантной (соответствующей) области. Ее можно развить далее в процессе исследования. Теоретическая чувствительность относится к свойству проницательности, способности осмысливать данные, способности понимать и умению отделять подходящее от того, что таковым не является. Все это скорее концептуально, нежели конкретно. Именно теоретическая чувствительность позволяет развить обоснованную, концептуально плотную и хорошо интегрированную теорию — и делать это быстрее, чем если бы эта чувствительность отсутствовала.

Источники теоретической чувствительности

Теоретическая чувствительность имеет под собой ряд источников. Один из них — **литература**, что включает чтение теории, исследований и документов (например, биографий, правительственных публикаций) различных видов. Имея некоторое знакомство с этими публикациями, вы получаете ценную основу информации, которая «повышает вашу

чувствительность» к тому, что происходит с изучаемым феноменом. (Использование литературы в проектах *обоснованной теории* более конкретно будет обсуждаться в следующей главе.)

Профессиональный опыт — это еще один источник чувствительности, если исследователь работает достаточно успешно, чтобы иметь этот опыт. За годы практики в поле он приобретает понимание того, как вещи работают в этом поле, и почему и что произойдет при определенных условиях. Это знание, даже если оно не выражено прямо, включается в исследовательскую ситуацию и помогает вам понимать увиденные и услышанные события и действия, и делать это быстрее, чем в случае, если бы вы не внесли эти предпосылки в исследование. Например, медицинская сестра, изучающая работу медсестер в больницах, может войти в ситуацию и приобрести способность проникновения в суть вещей быстрее, чем кто-либо, никогда не изучавший больницы. Чем больше профессиональный опыт, тем ценнее и обширнее база знаний и интуиция, пригодная для привлечения ее в исследование. С другой стороны, такой вид опыта может также препятствовать вам в том, чтобы видеть вещи, которые стали обыденными или «очевидными». (В главе 6 мы обсуждаем техники для прорыва через такие шоры.)

Личный опыт представляет собой еще один источник теоретической чувствительности. Например, опыт, приобретенный в процессе развода, может сделать особенно чувствительным к опыту потери. Потеря, пережитая в результате смерти любимого человека, отличается от потери в результате развода. Однако в концептуальном смысле имеются как подобия, так и различия между двумя этими опытами потерь. Привлекая личный опыт развода, аналитик может иметь основу для проведения сравнений, которые поочередно стимулируют рождение потенциально подходящих понятий и их связей, которые относятся к потере в результате смерти. (Применение сравнений мы обсуждаем в главе 6.) Вдобавок, после того, как вы получили дополнительный опыт в связи с исследовательскими проектами, он становится также полезным аспектом вашего личного опыта. Однако вам следует быть осторожным, чтобы не предполагать, что опыт другого был подобен вашему собственному опыту. Тем не менее, позднее, когда вы обнаружите или осмыслите такие различия, эти данные внесут в ваш анализ какие-то вариации.

До этого момента мы говорили о теоретической чувствительности, как производной от образовательной подготовки, которую аналитик вносит в исследовательскую ситуацию. Кроме того, сам **аналитический процесс** обеспечивает дополнительный источник теоретической чувствительности. Проницательность и понимание феномена возрастают, когда вы взаимодействуете с вашими данными. Это происходит в процессе сбора и постановки вопросов о данных, их сравнения,

осмысления того, что вы видите, создания гипотез, разработки теоретических рамок (минирамок) относительно понятий и их взаимосвязей. Исследователь по очереди использует их, вновь рассматривая данные. Часто новая идея или вспышка интуиции побуждает вас более внимательно рассмотреть данные, чтобы осмыслить слова, прежде казавшиеся не имеющими значения, и чтобы искать ситуации, которые могут объяснить, что здесь происходит. Эта усиливающаяся чувствительность к понятиям, их значениям и взаимосвязям является важным основанием для того, чтобы переплестать отбор данных с их анализом. Одно питает другое, тем самым, усиливая интуицию и осознание параметров развивающейся теории.

Соблюдение баланса между творчеством и наукой

Теоретическая чувствительность представляет значительный творческий аспект *обоснованной теории*. Эта чувствительность представляет собой способность творчески использовать не только личный и профессиональный опыт, но также и литературу. Она позволяет аналитику видеть исследовательскую ситуацию и связь в ее данных по-новому и исследовать потенциал данных для развития теории. Как однажды писал знаменитый биолог: «Суть конкретного открытия состоит не в том, чтобы первым увидеть какое-то событие, но чтобы установить твердые взаимосвязи между прежде известным и до сих пор неизвестным» (Selye, 1956, p. 6).

Селье, в свою очередь, также добавил, что целью проведения исследования является построение теории, которая внесет вклад в организацию теоретического знания, именуемого наукой. Но как же обеспечить одновременно и научный, и творческий подход? Как создать валидную и надежную теорию, достаточно свободную от предвзятости, непризнанных или неисследованных допущений?

По общему признанию, нелегко творчески использовать свои знания и опыт, придерживаясь в то же время скорее реальности феномена, чем просто образно размышляя о нем. Чтобы помочь вам, мы выдвигаем следующие предложения.

(1) **Периодически делать шаг назад и задавать вопрос:** Что здесь происходит? То, что я думаю и вижу, соответствует реальности данных? Данные сами по себе не лгут. Как этому трудному делу обучал один из авторов (Corbin), описано ниже.

При изучении процесса менеджмента беременных женщин с хроническими заболеваниями, вскоре стало очевидно, что их действия были нацелены на контролирование рисков, связанных с такой беременностью, с тем, чтобы они могли иметь здорового ребенка. Более того, было отмечено, что риски изменялись в ходе беременно-

сти, в какое-то время риски были выше, в другое время они были ниже. Ожидали, что тактика менеджмента будет меняться в зависимости от степени риска: чем выше риски, тем больше контролирование стратегий. Исследователь предположила, что верификация этой гипотезы будет заключаться просто в проверке каждого случая. Неверно! Что исследовательница обнаружила, так это то, что иногда гипотеза поддерживалась, а иногда нет, к ее большому разочарованию. Как бы она ни старалась, она не могла навязать эту гипотезу данным. Она не работала. Почему нет? Потому что исследовательница распределяла беременных женщин по категориям уровней риска в соответствии со своим собственным пониманием ситуации. Это, как оказалось, не обязательно совпадало с их пониманием. Другими словами, исследовательница «купилась» на медицинскую модель уровней риска, но беременные женщины не обязательно поступали таким образом. Когда она вернулась к данным, исследовала их, и задалась вопросом, почему отдельные формулировки и действия не соответствуют ее представлениям, она смогла установить, что женщины действовали на основе своего собственного понимания ситуации. Иначе говоря, риски, которые женщины оценивали и взвешивали, не обязательно были те же самые, что у профессиональных медиков. Когда первоначальная гипотеза была пересмотрена, с тем чтобы отразить реальность ситуации, она стала соответствовать данным. Собственная оценка женщин и балансирование рисков влияли на количество и типы стратегий, принятых для их контроля.

(2) **Придерживаться позиции скептицизма.** Все теоретические объяснения, категории, гипотезы, и вопросы о данных, исходят ли они прямо или косвенно из сравнений, литературы, либо из опыта, должны приниматься как **предварительные**. Они всегда нуждаются в проверке, сопоставлении с фактическими данными и никогда не принимаются как факт. Например, категории, взятые из исследовательской литературы (переменные, идентифицированные в предыдущих исследованиях) всегда имеют определенный контекст. Они могут соответствовать тому исследованию, в котором они были получены. Однако это не обязательно означает, что они применимы к ситуации, которую вы изучаете, или появляются вместе с другими понятиями точно таким же образом, как в предыдущих теориях. Помните в этом случае, что любые теоретические объяснения или категории, привнесенные в исследовательскую ситуацию, рассматриваются как предварительные до тех пор, пока они не подтверждены фактическими данными (найденны соответствующими этой ситуации).

(3) **Следовать исследовательским процедурам.** Сбор данных и аналитические процедуры предназначены для того, чтобы придать точность

изучению. В то же время они помогают вам прорваться через предубеждения и направляют вас проверить, по крайней мере, некоторые из ваших допущений, иначе они могут повлиять на такое прочтение данных, которое не соответствует реальности. Имеет смысл чередовать сбор и анализ данных. Это не только позволяет делать выборку на базе понятий, возникающих как подходящие к этой конкретной исследовательской ситуации, но и способствует верификации гипотез по мере того, как они разрабатываются. Те, которые были найдены недостоверными, затем могут быть пересмотрены, чтобы соответствовать реальности изучаемой ситуации. Кодирование является систематическим и точно определенным набором процедур, которые не могут выполняться бессистемно или по прихоти исследователя. (См. главы 5–8.) Для того чтобы возникающая теория была обоснованной, так же как валидной и надежной, следует придерживаться процедур столь же тщательно, как и в хороших количественных исследованиях. Не имеется двойных стандартов для одной формы исследования относительно другой. Процедуры различаются, но основные стандарты остаются те же.

Мы хотели бы завершить нашу дискуссию о теоретической чувствительности цитатой из книги под названием: *Science: Methods and Meaning* (Rapport & Wright, 1964). Во введении к разделу об открытиях авторы пишут:

Но случай никогда не бывает доминирующим фактором в открытии. Начинающий ученый, который надеется превзойти успех Лавуазье или Фарадея, или даже менее значительных ученых, руководствуется известным изречением Пастера, что «случай благоволит лишь к подготовленному уму» (p. 130–131).

Выводы

Теоретическая чувствительность — это способность распознавать, что важно в данных и наделять это смыслом. Она помогает формулировать теорию, которая является верной относительно реальности изучаемого феномена. (Glaser, 1978). Теоретическая чувствительность имеет два источника. Во-первых, она основана на специальной литературе, так же как на профессиональном и личном опыте. Вы вносите это комплексное знание в исследовательскую ситуацию. Однако теоретическая чувствительность также приобретается во время исследовательского процесса, благодаря продолжительным взаимодействиям с данными — благодаря тому, что вы собираете и анализируете данные. В то время как многие из аналитических техник, которые используются для развития теоретической чувствительности, являются творческими

и образными по характеру, важно сохранять баланс между тем, что создается исследователем, и реальным. Вы можете делать это следующим образом: а) задаваясь вопросом, что реально здесь происходит?; б) поддерживая скептическое отношение к любым категориям или гипотезам, внесенным или возникшим на ранней стадии исследования, и валидизируя их повторно самими данными; и в) следуя процедурам сбора данных и анализа, как обсуждалось в этой книге. Хорошая наука (хорошая теория) создается благодаря этой взаимосвязи творчества и умений, приобретаемых тренировкой.

4

Использование литературы

Определение терминов

Специальная литература: Сообщения об исследовательских проектах и теоретические или философские статьи, характерные для текстов данной профессии и научной дисциплины. Они могут служить в качестве вспомогательных материалов, с которыми сравниваются результаты из текущих данных, собранных в проектах *обоснованной теории*.

Неспециальная литература: Биографии, дневники, документы, рукописи, магнитофонные записи, отчеты, каталоги и другие материалы, которые могут использоваться в качестве первичных данных или для дополнения интервью и полевых наблюдений в проектах *обоснованной теории*.

Литература, и специальная и неспециальная, играет такую важную и многообразную роль в *обоснованной теории*, что мы бы хотели посвятить несколько страниц изучению того, как она используется. Мы начнем со специальной литературы, затем перейдем к литературе неспециальной.

Использование специальной литературы

Мы все приступаем к исследованию, будучи в значительной степени подготовленными в профессиональной и дисциплинарной литературе, и вносим эту квалификацию в исследование (как отмечалось в предыдущей главе). Может быть, мы приобрели ее, когда готовились к экзаменам или просто благодаря стремлению быть хорошо осведомленными в литературе своей области. Чтобы понять, как и почему мы используем специальную литературу, когда выполняем проекты *обоснованной теории*, нужно понять логику, лежащую в основе метода, и сопоставить это с использованием литературы в количественных методах.

Исследователи, применяющие количественные методы, пользуются литературой очень конкретно. Литература дает возможность пользователю идентифицировать предыдущее исследование в области его

интереса, а также обнаружить, где есть пробелы в понимании. Она также очерчивает теоретические и концептуальные рамки, которые могут использоваться, чтобы направлять количественные исследовательские проекты и интерпретировать их выводы. Кроме того, специальная литература помогает исследователю выделить важные переменные для изучения и наводит на мысль о связях между ними. Все эти вещи важны в количественных исследованиях, потому что исследователи большей частью заинтересованы в проверке отношений между переменными или определении того, как они группируются в кластеры. Они должны знать, прежде чем начать изучение, какие переменные их интересуют; затем, как интерпретировать выводы, полученные стандартными способами проверки.

В противоположность этому, в исследовании по методу *обоснованной теории* мы скорее стремимся не проверять связи между переменными, а обнаруживать подходящие категории и связи между ними; соединять категории скорее новыми, нежели стандартными способами. Так, если вы начнете со списка уже идентифицированных переменных (категорий), то они могут — и весьма вероятно — мешать открытию. В проектах *обоснованной теории* вы хотите объяснять феномены, рассматривая их в теоретических рамках, которые разрабатываются во время самого исследования. Таким образом, вы не хотите быть скованы, оставаясь верным ранее разработанной теории, которая, может быть, применима, а может быть, неприменима к области данного исследования. (Если вы поддерживаете в себе *неосознанные допущения*, связанные с ранее разработанной теорией, то будьте бдительны к ним и к их влиянию на ваш анализ, используя техники, которые будут обсуждаться в главе 6.)

Если по окончании вашего проекта вы обнаружите, что разработанная вами теория имеет какое-то отношение к уже признанной и разработанной ранее теории, тогда вы, может быть, захотите использовать вашу теорию, чтобы расширить другую. Однако важно понять (как мы отмечаем ниже), что по мере того как ваша теория разрабатывается, вы можете включать в ее состав элементы предшествующих теорий, которые кажутся подходящими, но лишь если они сами оказываются подходящими к данным, собранным в вашем проекте. Таким образом, как мы только что объяснили, нет смысла начинать исследование с «общепризнанными» теориями или переменными (категориями), потому что они, вероятно, будут тормозить или затруднять разработку новых теоретических формулировок, конечно, до тех пор, пока ваша цель состоит в том, чтобы раскрывать их и находить в них новые значения.

В заключение мы говорим следующее. Вы входите в исследовательскую ситуацию, имея определенную подготовку в специальной литературе, и важно признавать и использовать это, как мы объясним

ниже. Однако нет необходимости делать заранее обзор всей литературы (как это часто делается исследователями, обученными другим подходам), поскольку если мы успешно будем проводить наш анализ, то возникнут новые категории, о которых ни мы, ни кто-либо еще не думал прежде. Мы не хотим углубляться в литературу настолько, чтобы наши творческие усилия были скованы и даже подавлены нашим знанием специальной литературы! Поскольку открытие является нашей целью, мы не знаем заранее всех категорий, подходящих к нашей теории. **Лишь** после того как категория возникла как подходящая, мы, может быть, захотим вернуться к специальной литературе, чтобы определить, есть ли здесь эта категория, и если есть, что сказали о ней другие исследователи.

Как мы используем специальную литературу?

Специальная литература может иметь различные применения в проектах *обоснованной теории*. Они описаны ниже.

(1) **Литература может использоваться для того, чтобы стимулировать теоретическую чувствительность** при условии, что понятия и связи проверяются фактическими данными. Хотя вы не хотите приносить в поле целый список категорий и связей, некоторые из них могут внезапно появляться в литературе вновь и вновь и поэтому показаться значимыми. Возможно, вы захотите внести их в поле, где будете искать основания для того, чтобы применять или нет эти понятия и взаимосвязи к ситуации, которую вы изучаете, и если да, то какую форму они здесь примут.

Имеется особый смысл в том, чтобы опубликованные описательные материалы можно было использовать для повышения теоретической чувствительности. В этих трудах часто даются очень точные **описания** реальности, с незначительной интерпретацией, или же, возможно, материалы организованы по разделам в соответствии с темами. Их чтение может сделать нас чувствительными к тому, что искать в наших собственных данных и помочь нам составить вопросы, которые мы бы хотели задать нашим респондентам. К тому же, любые **понятия**, которые происходят из этих проектов, могут оказаться подходящими для наших собственных проектов. Здесь также нам следует очень осторожно искать доказательства для их применения в наших данных и описывать формы, которые они принимают в нашем проекте.

Знание философских трудов и существующих теорий также может обеспечить разные возможности подхода и интерпретации данных. Например, исследователь, погруженный в перспективу символического интеракционизма, может исследовать значения, которые придают ситуациям люди, включенные в них. Марксист может стремиться

к определению структуры экономической эксплуатации в той или иной ситуации.

Если вы заинтересованы в расширении уже существующей теории, то можно начать с этой теории и попытаться раскрыть то, как она применяется к новым и разнообразным ситуациям, как отличается от тех ситуаций, к которым она первоначально применялась. Например, кто-то возможно желает начать с Awareness Context (Glaser & Strauss, 1965). Эта теория связана с соблюдением секретов и разрабатывалась в исследованиях Глезера и Страусса об умирании. Исследователь, желающий расширить эту теорию, мог бы применять общую рамку Контекста Осознания к таким исследовательским ситуациям как: шпионы, супружеские неверности, гомосексуальная и лесбийская идентичности. Рамка, разработанная Глезером и Страуссом, дала бы ряд понятий и связей, повышающих чувствительность, которые исследователь может верифицировать данными, собранными в его или ее исследовании. Тогда на основании выводов из второй теории можно было бы внести поправки в первоначальную теорию, дополнить ее или модифицировать с тем, чтобы она соответствовала этим конкретным ситуациям.

(2) Литература может использоваться как вторичный источник данных. Исследовательские публикации часто включают цитаты из интервью и полевых записей, и эти цитаты могут использоваться как вторичный источник данных для ваших собственных целей. Публикации могут включать также описательные материалы относительно событий, действий, окружения и перспектив деятелей, которые можно использовать в качестве данных и анализировать, применяя методы, описанные в последующих главах. Действительно, одна из форм качественного исследования представляет собой анализ теоретических или философских формулировок и исследовательский текст как таковой.

(3) Она может стимулировать вопросы. Вы можете использовать литературу, чтобы получить из нее перечень вопросов, которые вы должны задать своим респондентам или которые направляют ваши первоначальные наблюдения. Этот перечень (мы сказали об этом в главе 2) может измениться после первых интервью или наблюдений, но он может помочь вам начать исследование, а также удовлетворить интерес школьных или университетских комиссий относительно вашего исследовательского намерения. Он может использоваться также для стимулирования вопросов во время процесса анализа. Например, если имеется расхождение между вашими данными и выводами, изложенными в литературе, то это различие должно вернуть вас в поле или к вашим данным с тем, чтобы задать вопрос: «Почему существует это противоречие? Не пропускаю ли я что-то важное? Нет ли здесь других условий? В каких конкретных условиях могут быть определены эти различия?»

(4) **Она может направлять теоретическую выборку.** Литература может дать вам идеи относительно того, куда вам следует идти, чтобы обнаружить феномены, важные для развития вашей теории. Другими словами, она может направить вас непосредственно к ситуациям, которые иначе, возможно, вы бы не смогли осмыслить, но которые подобны или отличны от изучаемых вами, тем самым, давая вам возможность добавить вариацию в исследование.

(5) **Она может использоваться для дополнительной валидации.** Когда вы завершили развитие вашей теории и написали свои выводы, вы можете сделать в соответствующих местах ссылки на литературу, чтобы подтвердить точность ваших выводов. Или, возможно, требуется указать, как ваши результаты отличаются от опубликованной литературы и почему. (Вы должны суметь показать, какой ряд условий действовал конкретно в вашей ситуации, как они влияли на феномены.) Что вам *не следует* делать, так это постоянно возвращаться к опубликованной литературе, чтобы находить валидацию для всего, что вы видите. Это препятствовало бы прогрессу и подавляло творчество.

Пример того, как может использоваться специальная литература

Следующая запись представляет собой аналитическую памятку, относящуюся большей частью к специальной, профессиональной и дисциплинарной литературе, которая написана одним из авторов (Корбин) после группового семинара по *обоснованной теории*. Памятка выявляет многие особенности, обсуждавшиеся выше. Проект, обсуждаемый в памятке, вела аспирантка, тщательно исследовавшая опыт переживаний ракового больного.

Дж., аспирантка по социологии, пришла на семинар и сказала, что она хотела бы выполнить проект *обоснованной теории* по своей литературе. Она сказала, что сделала обзор литературы на основе своих интервью. Интервью дали ей направление, к какой литературе ей следует перейти в дальнейшем. В этом смысле, чтение было действительно обоснованным в ее проекте. Например, когда тот, кого она интервьюировала, рассказал об особом типе медицинского лечения, Дж. специально читала об этом средстве лечения. Если ей говорили, что пробовали такой немедицинский тип лечения, как Symington Method, она читала об этом также. Поступая таким образом, она обнаружила, что есть различные категории чтения: строго медицинские, биографии, которые описывали переживания, и те, которые сообщали об альтернативных формах лечения.

Я была очень заинтригована проблемой, представленной Дж. Я не могла себе представить, чтобы мы выполняли проект по методу *обоснованной теории* только на литературе самой по себе, потому что я чувствовала, что существует взаимосвязь между данными и литературой, которая важна в этом случае. Ведь это изучение не литературы, а переживаний людей, больных раком. Хотя, после того как я выслушала ее, некоторые вещи относительно того, как она использовала литературу или могла использовать ее, поразили меня.

Первое, что поразило меня, это значительное различие между раком-болезнью и раком-переживанием; несмотря на то, что они весьма взаимосвязаны и литература подтверждает это. Прочувствовав этот факт, можно затем вернуться в поле и собирать данные, чтобы определить, как литература и данные выдерживают сравнение, узнать что-то о характере взаимосвязи между ними. Литература также рассказывает нам об условиях, которые влияют на течение болезни и переживание болезни, и как они влияют на каждого. Можно снова вернуться в поле и искать эти условия и проследить, как они влияют на течение болезни и переживание. Например, она обнаружила, что определенные способы лечения могут помочь контролировать течение болезни, но, в то же время, они приводят к выпадению волос, тошноте и снижению аппетита. Это должно влиять на переживания людей и на то, как они рассматривают это заболевание, особенно если они делают сравнения (как они выглядели и чувствовали себя) до и после применения химиотерапии или других средств — облучения и хирургии. Выбор такого способа лечения, как Symington, либо в качестве альтернативы, либо в сочетании с медицинской помощью, может так же влиять на переживание болезни, как и на ее течение. Напротив, недостаток опыта в традиционной, либо в альтернативной медицине может привести человека к тому, что он обратится или к той, или к другой, или просто отвергнет оба средства. Так последствия одного средства лечения могут питать опыт следующего. Все это является умозрительным рассуждением, основанным на литературе, и должно быть проверено фактическими данными, которые не только верифицируют эту гипотезу, но также придадут конкретность тому, как все это работает.

Использование литературы таким образом подобно тому, как мы на основе проведенных интервью делаем теоретическую выборку литературы, затем возвращаемся в поле и на основе прочитанной литературы делаем теоретическую выборку в реальности. Следовательно, литература делает теоретически чувствительным к: 1) **условиям**, которые влияют на переживания; 2) **стратегиям** принятия мер в связи с переживаниями (поскольку лечение делают меня больным, я попробую диету Gerson, или какое-то другое средство и забуду о традиционной медицине); 3) **следствиям** того, что это за переживания. (О людях, лечившихся по методу Symington, у которых, тем не менее, развились метастазы, иногда рассказывали, или они сами убеждали себя в том, что думали недостаточно позитивно.) Литература также дает идею **процесса** или изменения во времени и **вариации** в типах

переживаний в зависимости от выборов, которые делает больной. Наконец, литература направляет нас к **отбору** целого ряда ситуаций.

Выбирая правильную литературу в тандеме с проведением анализа, можно многое узнать о более широких и более узких условиях, влияющих на феномен. Как говорит Ансельм Страусс, «библиотека подобна множеству голосов, говорящих с вами. Все, что вам следует делать, это слушать». **Конечно, любые категории, гипотезы и тому подобное, порожденные литературой, должны проверяться реальными (первичными) данными.** Взаимосвязь чтения и анализа литературы, а затем выход в поле для верификации ее реальностью, может дать в результате интегративную картину и углубить ценность понятий в теории.

Неспециальная литература

Неспециальная литература включает письма, биографии, дневники, сообщения, видеозаписи, газеты и множество других материалов. Хотя они обычно не используются как источники данных в количественных исследованиях, тем не менее, в проектах по методу *обоснованной теории*, они играют существенную роль. Они могут использоваться как первичные данные, особенно в исторических и биографических исследованиях. В большинстве исследований они являются важными источниками данных, дополняя более обычные интервью и наблюдения. Например, можно узнать многое об организации, ее структуре и о том, как она функционирует (что невозможно увидеть непосредственно в наблюдениях или интервью) посредством изучения сообщений, корреспонденции и мемуара.

Неспециальная литература может использоваться для всех тех же целей, что и специальная литература. Однако имеется одна дополнительная особенность. Поскольку часто бывает трудно установить подлинность и достоверность некоторых документов, биографий и т. п., очень важно перепроверить их, если возможно, по другим источникам данных, таким как интервью или наблюдение. Или, если вы изучаете историю жизни, то вам придется читать множество биографий и других документов, письма например, и тщательно исследовать подобие и различия между ними.

Выводы

Каждый тип литературы используется по-разному и определенным образом, производя разного рода шкалы данных (о личных историях или организационных событиях, например), или исследовательские выводы или теоретические формулировки. Изобретательные исследователи, помимо использования обычной специальной литературы,

иногда пользуются разными другими типами опубликованных и неопубликованных материалов, чтобы дополнить свои интервью и полевые наблюдения.

Можно использовать все виды литературы до начала проекта, как для осмысления, так и для того, чтобы сдвинуть проект с начальной точки. Можно их использовать и во время самого исследования, способствуя его продвижению. Следует также разыскивать в литературе (но не только специальной) во время самого исследования фактическую взаимосвязь чтения литературы и анализа данных. Таким образом, в сущности, мы читаем и используем опубликованные материалы на протяжении всех фаз исследования. Мы напоминаем вам, что категории и их взаимосвязи должны быть проверены вашими первичными данными. Вы можете использовать все типы литературы, которые считаете подходящими, но нужно соблюдать осторожность, чтобы не оказаться в плену какого-либо из них.

Часть II

ПРОЦЕДУРЫ КОДИРОВАНИЯ

Мы перешли теперь к самой сути книги, главам об анализе или кодировании, как его еще называют. Кодирование представляет собой операции, посредством которых данные разделяют, концептуализируют и снова соединяют по-новому. Это центральный процесс, благодаря которому из данных строятся теории.

Что же такое особенное происходит в процессе кодирования, когда мы создаем *обоснованную теорию*? Что делает ее отличной от других методов анализа? Как мы сказали во вводных главах, ее цели шире, чем просто дать возможность исследователю выделить некоторые темы, или разработать описательную теоретическую рамку неплотно сплетенных понятий. Подытожим то, что мы сказали раньше. Аналитические процедуры *обоснованной теории* разрабатываются для того, чтобы:

- (1) Скорее построить теорию, чем просто проверить ее.
- (2) Придать исследовательскому процессу строгость, необходимую для того, чтобы сделать теорию «хорошей» науки.
- (3) Помочь аналитику преодолеть предубеждения и допущения, которые он принес в исследование, и те, которые могут проявиться в процессе исследования.
- (4) Обеспечить обоснование, достичь плотности, развить чувствительность и интеграцию, необходимые для образования ценной, плотно соединенной объяснительной теории, непосредственно приближенной к реальности, которую она представляет.

Чтобы достичь этих целей, требуется поддержание баланса между свойствами творчества, точности, настойчивости и, сверх того, теоретической чувствительности. Мы согласны, что это странная комбинация качеств, но именно они присутствуют в любых сделанных открытиях, великих и малых. Хотя обычно начинающий не может рассчитывать на «великие» открытия, тем не менее, достаточно упорный труд и настойчивость помогут ему сделать вклад в сферу своих интересов. Что мы намерены дать, так это ряд техник, чтобы помочь вам, аналитику, использовать **ваши творческие способности** и развить еще больше

теоретическую чувствительность, которой, возможно, вы уже обладаете. Выполнить эту трудную работу предстоит именно вам.

Анализ в *обоснованной теории* состоит из трех основных типов кодирования. Они таковы: а) открытое кодирование; б) осевое кодирование; в) избирательное кодирование. Каждый из них будет описан в последующих главах, наряду с главами о технике повышения теоретической чувствительности и процессе раскрытия данных. Последняя аналитическая глава (глава 10) стягивает все аналитические главы в рамку, которую мы называем *матрицей условий*. В сущности, она является аналитической рамкой для *обоснованной теории*.

Здесь мы хотим подчеркнуть, что границы между типами кодирования искусственные. Различные типы кодирования не обязательно привязаны к определенным этапам исследования. В одной кодировочной сессии вы можете быстро и без смущения перемещаться от одной формы кодирования к другой, особенно между открытым и осевым кодированием. Хотя эти две формы кодирования вероятнее всего происходят на ранних фазах проекта, они могут происходить и в конце. Это случается потому, что во время избирательного кодирования почти всегда обнаруживаются какие-то понятия, которые остались слабо разработанными или неинтегрированными. В это время, однако, и открытое, и осевое кодирование выполняют, подчиняя цели избирательного кодирования. Они также по-разному «чувствуют себя» в этом контексте.

Другое важное положение, которое следует выполнять здесь, состоит в том, чтобы сбор и анализ данных были плотно переплетенными процессами, которые должны сменять друг друга, поскольку анализ направляет выборку данных, (В главе 11, посвященной теоретической выборке, об этом будет сказано больше.) Мы не будем акцентировать внимание на самом процессе сбора данных, так как он подробно обсуждается во многих превосходных книгах, посвященных полевым исследованиям.

Прежде чем приступить к обсуждению кодирования, мы хотели бы высказать четыре важных соображения.

(1) Проведение анализа данных является фактически их интерпретацией и для этого есть хорошее основание. Как говорит философ науки Diesing (1971, p. 14):

действительно, научное знание по большей части представляет собой скорее изобретение или развитие, чем имитацию. Понятия, гипотезы и теории не находятся в реальности в готовом виде, но должны быть сконструированы.

(2) Во-вторых, выстраивая перед вами эти процедуры и техники, мы вовсе *не* имеем в виду слепое следование им. Вновь процитируем Diesing (1971, p. 14):

Процедуры не являются ни механическими, ни автоматическими, ни создают алгоритм, гарантирующий дать результаты. Предпочтительно применять их гибко, в соответствии с обстоятельствами; их порядок может меняться, и альтернативы применяются на каждом шагу.

(3) Фактически, одна общая техника, которая является центральной для всех кодировочных процедур и которая помогает обеспечить их гибкое использование — это **постановка вопросов**. Вы должны ставить вопросы на всем протяжении вашего исследовательского проекта. Когда вы прочитаете следующие главы, вы увидите, как много вопросов задается об изучаемых феноменах, об их различных свойствах, измерениях, компонентах парадигмы и так далее, что если бы по тем или иным причинам вы желали сохранить их следы, то вам было бы трудно сделать это. Потому что их так много и они так различны. Их много, потому что подлинно творческий исследователь *должен* задавать вопросы. Они различны, потому что каждая кодировочная процедура в методологии *обоснованной теории* требует различных типов и диапазонов вопросов. (Вы сможете увидеть иллюстрацию этого в следующих главах.) Поскольку некоторые процедуры более характерны для ранних или для поздних этапов исследовательского проекта, типы задаваемых вопросов будут также несколько отличаться в зависимости от фазы исследования. Поэтому обратите особое внимание на то, как этими вопросами усеяны страницы этих глав, и сами практикуйтесь в постановке этих аналитических вопросов. Так как они являются **аналитическими** вопросами, то они, вероятно, будут плодотворными вопросами — то есть, **плодотворными** для самого анализа.

(4) Мы строго рекомендуем, чтобы после чтения глав по кодированию (быстро, если хотите), вы **изучали каждую весьма детально**. Эти главы (5–10) охватывают основные аналитические процедуры и их логику. Необходимо понять каждую процедуру, прежде чем переходить к следующей, иначе общее понимание их будет менее надежным, чем вы бы хотели. Однажды усвоенные и **примененные**, они станут действительно эффективными исследовательскими инструментами.

5

Открытое кодирование

Определение терминов

Понятия: Понятийные ярлыки, отнесенные к отдельным происшествиям, случаям, событиям и другим примерам феноменов.

Категория: Раскрытие категорий происходит в процессе классификации понятий. Когда понятия сравнивают одно с другим и они кажутся относящимися к подобным феноменам, их группируют в более высокий порядок. Более абстрактное понятие называют категорией

Кодирование: Процесс анализа данных.

Кодировочные записи: Продукты кодирования, один из типов аналитических «памяток».

Открытое кодирование: Процесс разбивки, исследования, сравнения, концептуализации и категоризации данных.

Свойства: [Являются] качествами или характеристиками, относящимися к категории

Измерения: [Указывают на] местоположение свойств вдоль континуума.

Выделение независимых измерений свойства: Процесс разбивки свойства на его измерения

Наука не может существовать без *понятий*. Почему они так необходимы? Потому что самым актом называния феноменов мы фиксируем непрерывность внимания к ним. Когда наше внимание фиксировано, мы можем начать исследовать эти феномены и ставить вопросы относительно них (теперь, конечно, маркированных как понятия). Такие вопросы не только описывают то, что мы видим, но и в форме *предположений* (гипотез) указывают, как феномены могут быть связаны друг с другом. Предположения допускают дедуктивные выводы, которые по очереди направляют сбор данных, ведущий к дальнейшей индукции и предварительной проверке предположений. В конце коммуникация между исследователями, включающая жизненно важную взаимосвязь дискуссии и споров, необходимую для углубления развития науки, становится возможной благодаря *точному определению понятий и их*

взаимосвязей, выраженных в форме предположений. (Эти положения подробно обсуждаются Blumer, 1969, p. 153–182.)

Что ж, все вышеупомянутое должно быть выполнено посредством *открытого кодирования*? Открытое кодирование является той частью анализа, которая имеет отношение конкретно к называнию и категоризации феноменов путем тщательного исследования данных. Без этого первого основного аналитического шага не может происходить остальной анализ и последующая коммуникация. Во время открытого кодирования данные разбивают на отдельные части, тщательно исследуют, сравнивают по подобию и различиям, ставят вопросы о феноменах. И все это отражается в данных. Благодаря этому процессу как свои собственные, так и другие допущения о феноменах подвергаются сомнению или тщательно исследуются, ведя к новым открытиям.

Процедуры

В процессе кодирования две аналитические процедуры являются основными, хотя их характер в каждом типе кодирования изменяется. Первая процедура относится к *проведению сравнений*, вторая — к *постановке вопросов*. Действительно, *обоснованная теория* часто описывается в литературе, как «непрерывный сравнительный метод анализа» (Glaser & Strauss, 1967, p. 101–116). Эти две процедуры в проектах по методу *обоснованной теории* помогают придать понятиям точность и конкретность. Давайте взглянем, как эти две процедуры используются в открытом кодировании для достижения целей концептуализации и категоризации данных. Эти процессы не маркируются в ходе нашего продвижения. Вы должны внимательно наблюдать, чтобы видеть, как мы их используем. Обсуждение этих техник см.: Glaser (1978, p. 56–72), Glaser and Strauss (1987, pp. 106–107) and Strauss (1987, p. 58–64).

Наклеивание ярлыков на феномены

Мы уже высказывались о том, почему понятия являются основными единицами анализа в методе *обоснованной теории*. «Сырые» данные можно принимать во внимание, но их нельзя связать или свободно говорить о них. **Поэтому концептуализация данных становится первым шагом в анализе.** Под разделением и концептуализацией мы подразумеваем разбивку на части наблюдения, предложения, параграфа, как и присвоение каждому отдельному случаю, идее, или событию названия, чего-то, что за ним стоит или что представляет феномен. Но как же нам это делать? Мы задаем вопросы о каждом, например: Что это такое? Что он собой представляет? Мы сравниваем случай со случаем по мере продвижения с тем, чтобы одинаковым феноменам можно было дать одинаковые названия. Иначе мы бы завели слишком много имен и запутались в них!

Давайте здесь остановимся и рассмотрим пример. Предположим, вы находитесь в довольно дорогом, но популярном ресторане. Ресторан имеет три уровня. На первом уровне расположен бар, на втором — небольшой обеденный зал, на третьем — главный обеденный зал и кухня. Кухня открыта, так что вы можете видеть, что там происходит. Вино, ликеры, соответствующие рюмки и бокалы для обслуживания также имеются в распоряжении на этом третьем уровне. Пока вы ждете своего ужина, вы замечаете даму в красном. По-видимому, она просто стоит в кухне, но здравый смысл вам подсказывает, что ресторан не платит деньги даме в красном лишь за то, чтобы стоять здесь, особенно в кухне, загруженной работой. Ваше любопытство задето, поэтому вы решаете провести индуктивный анализ, чтобы видеть, сможете ли вы определить, в чем заключается ее работа. (Теоретик, работающий по методу *обоснованной теории*, остается им всегда).

Вы отмечаете, что она внимательно осматривает площадь кухни, **рабочее место**, фиксируя в уме, что там происходит. *Вы задаете себе вопрос, что она здесь делает?* Затем вы присваиваете ярлык ее занятию — **наблюдение**. Наблюдение за чем? За **работой кухни**.

Далее, кто-то входит и задает ей вопрос. Она отвечает. Это действие иное, чем наблюдение, поэтому *вы кодируете его* как **передачу информации**.

Кажется, она замечает все. Вы называете это **внимательностью**.

Ваша дама в красном к кому-то подходит и что-то ему говорит. Поскольку это событие также включает информацию, которая передается дальше, *вы также наклеиваете на него ярлык* **передача информации**.

Несмотря на то, что она находится в центре всей этой деятельности, она, по-видимому, не нарушает ее. *Чтобы описать этот феномен*, вы используете термин **ненавязчивость**.

Она поворачивается и быстро, спокойно проходит, **расторопность**, в обеденный зал, и таким же образом продолжает **наблюдать** за происходящим.

По-видимому, она отслеживает все и всех, **мониторинг**. Но мониторинг чего? Будучи проникательным наблюдателем, вы замечаете, что она осуществляет мониторинг **качества** обслуживания, как официант взаимодействует и отвечает клиенту; **время обслуживания**, сколько времени проходит между посадкой клиента, заказом и подачей пищи, какова **реакция клиента и его удовлетворенность** обслуживанием.

Официант приходит с заказом для большого вечера, она идет ему на помощь, **предоставление помощи**.

Женщина выглядит знающей и компетентной в том, что она делает, **опытной**.

Она подходит к стене возле кухни и рассматривает что-то, похожее на перечень, **сбор информации**.

Спускается метрдотель, они разговаривают некоторое время и осматривают помещение в поисках свободных столов, по-видимому, оценивая, на каком этапе трапезы находятся сидящие клиенты: **обмен мнениями**.

Этого примера должно быть для вас достаточно, чтобы понять, что мы подразумеваем под наклеиванием ярлыков на феномены. Нередко начинающие исследователи скорее суммируют, чем *концептуализируют* данные. То есть, они просто кратко повторяют суть фразы или предложения, но пока в описательной форме. Например, вместо использования такого термина как **обмен мнениями** для описания последнего случая, они могут сказать что-то вроде «сидела и разговаривала с метрдотелем». Или используют такие термины, как «изучала перечень», «пошла в обеденный зал» и «не нарушала». Изобретение подобных фраз не даст вам понятие, с которым можно работать. Вы можете видеть лишь из этой первоначальной кодировочной сессии, что концептуально более эффективно работать с таким термином, как «сбор информации», чем с «изучала перечень». Такой ярлык, как **сбор информации**, можно наклеить на десять разных случаев или событий — на ее вопрос к одному из шефов, проверку количества чистых стаканов, вызов поставщика продуктов и так далее.

Распознавание категорий

В ходе исследования мы можем прийти до дюжины, даже сотни понятийных ярлыков. (Нередко начинающие студенты приходят на учебный семинар со списком понятий на трех-четырех машинописных страницах.) Эти понятия должны быть также сгруппированы, подобное с подобным, иначе мы оказались бы в положении старой леди с множеством детей (понятий), и не знали бы, что с ними делать (и точно так иногда в этом вопросе чувствуют себя студенты).

После того как мы идентифицировали в данных отдельные феномены, мы можем начать группировать вокруг них понятия для того, чтобы сократить число единиц, с которыми нам придется работать. Процесс группировки понятий, относящихся, по-видимому, к одинаковым феноменам, называется *категоризацией*. (Заметьте здесь, что мы говорим «по-видимому». Это происходит потому, что в этот момент любые предлагаемые связи рассматриваются еще предварительно. Мы будем говорить об этом больше, когда перейдем к главе 7 «Осевое кодирование»). Феномен, который представляет категорию, получает концептуальное (понятийное) название, однако это название должно быть более абстрактным, нежели то, которое дается понятиям, сгруппированным под ней. Категории имеют концептуальную значимость, так как они способны объединять вокруг себя другие группы понятий или субкатегорий.

Мы еще не ответили на вопрос о характере работы дамы в красном, так что вернемся к нашему примеру. Одновременно поговорим о кате-

горях. Есть различные пути подхода к процессу категоризации. Так, по мере продвижения в нашем процессе наклеивания ярлыков, мы можем брать каждое понятие и спрашивать, к какому классу феноменов оно кажется принадлежащим? Подобно оно или отлично от предшествующего или последующего? Или, мы можем вернуться назад, рассмотреть наблюдение в целом, держа в уме множество понятий, затем сказать: По-видимому, здесь что-то происходит? Используя тот или другой метод, мы достигли бы такого же умозаключения. Мы лишь проиллюстрируем второй подход, так как наша цель состоит не в том, чтобы обсуждать сейчас различные способы категоризации, а в том, чтобы выяснить, *что* влечет за собой процесс категоризации.

Например, мы можем взять понятие **мониторинг** и спросить: Почему она проводит мониторинг транспортного потока? Удовлетворенности клиентов? Качества обслуживания? Затрат времени? Для той же, или для другой цели, чем наблюдение, которое она проводила в кухне? Или обмен мнениями с метрдотелем? Что означает быть опытной в проведении мониторинга? Здесь мы могли бы заключить, что мониторинг, обмен мнениями и наблюдение — все это, по-видимому, имеет отношение к одному и тому же предмету — **работе**, которой она занимается для того, чтобы **оценивать и поддерживать процесс работы**. Однако есть особый вид работы — сервировка стола в ресторане. Мы можем маркировать ярлыками все понятия, имеющие отношение к работе как: **типы работы по определению ценности работы и поддержанию ее течения**. Но понятие **опыт** не совсем подходит под этот заголовок. Если мы сравним его с ненавязчивостью и внимательностью, то он подойдет. Поэтому эти три понятия можно сгруппировать под заголовком *свойства* или качества. Но чьи свойства и качества? Ответом будет: Человека, хорошо оценивающего и поддерживающего течение работы. Но эта длинная фраза слишком громоздка, так что нам придется дать ее работе лучшее наименование. Поскольку работа, по-видимому, связана с поддержанием потока работы в ресторане и поскольку работа относится к пище, мы можем назвать ее исполнителя **пищевым оркестровщиком**. В этом случае внимательность, ненавязчивость и опыт становятся «свойствами» или «условиями» хорошего ресторанного пищевого оркестровщика. Свойства или условия относятся к другому, но родственному классу феноменов. Таким образом, у нас теперь есть категория (Пищевой Оркестровщик) и две субкатегории (Типы работы по определению ценности работы и поддержанию ее течения; а также Условия, необходимые для того, чтобы быть хорошим Пищевым Оркестровщиком). Вспомните, что в начале этой главы мы дали определение «категории». Предлагаем вам вернуться и записать его снова в свете предыдущих параграфов.

Теперь название фактической работы дамы будет, конечно, не «ресторанный пищевой оркестровщик», но что-то достаточно близкое для нас. Она больше не мистическая дама в красном. В своем воображе-

нии мы классифицировали ее, дав ей рабочее название, но мы мало знаем о ее задачах и свойствах, которые требуются, чтобы выполнять их. (В самом деле, множество исследований родилось только из подобных случайных наблюдений или обсуждений, которые становятся более серьезными, интенсивными и систематическими, когда наблюдатель или слушатель решает: «Это действительно достойно изучения, или по крайней мере может быть довольно забавно.») Если бы мы проводили реальное исследование по методу *обоснованной теории*, то не могли бы ограничиться здесь лишь первоначальными наблюдениями и кодированием. (Хотя если вашей целью будет только выделение тем, то вы вполне можете на этом остановиться.) Вы стремитесь к большему, нежели просто перечень понятий или даже их группировка. В конечном счете, категории должны быть аналитически разработаны исследователем. Однако, прежде чем продолжить, мы хотели бы кратко рассмотреть, как категории получают свои названия.

Называние категории

Как категории получают свои названия? В рассмотренном выше примере наименование категории «хороший оркестровщик» было собственным изобретением исследователя. Откуда приходит большинство названий — от ВАС! Название, которое вы выбираете, как правило, таково, что кажется наиболее логически связанным с понятием, которое оно представляет. Оно должно быть достаточно живым и красочным, чтобы быстро напомнить, к чему оно относится. Но оно должно быть более абстрактным, чем то понятие, которое обозначает. Не перегружайте себя, выбирая правильное название, по крайней мере, вначале. Позднее, если вы придете к более подходящему названию, то сможете изменить первоначальное. *Важно назвать категорию*, с тем чтобы вы могли ее запомнить, осмыслить, и более всего начать аналитически разрабатывать.

Некоторые названия могут быть почерпнуты из общего фонда понятий, который образовался у вас в результате чтения по вашей дисциплине и профессии (См. главу 4). Прежде чем мы начнем обсуждать эти типы понятий, которые происходят из литературы, давайте поговорим о наших собственных понятиях. По мере продвижения в кодировании, вы можете заметить и назвать феномен, который является более абстрактным или кажется таковым, чтобы включить его в число других понятий. Проиллюстрируем: Предположим, вы изучаете детей в игре и уже закодировали свои наблюдения, используя такие термины, как «присвоение», «припрятывание», «уклонение» и «отказ в поддержке». Вы думаете затем о следующем инциденте и о том, когда вы скажете: «Что это, и с каким феноменом это связано?» Затем вы ответите: «Со стратегией уклонения от дележа игрушки». Здесь вы, возможно, скажете: «О, действительно, все они являются стратегиями уклонения

от дележа игрушки!». Поэтому вы группируете присвоение, припрятывание, уклонение, отказ в поддержке и что-то еще, относящееся к делу, под одним этим заголовком.

Однако, вы можете заимствовать название также из специальной литературы, например, такие термины как «усталость сиделки», «переживание болезни» или «потеря статуса». Такие понятия имеют некоторые преимущества, поскольку они нагружены аналитическим смыслом и сами по себе могут быть уже весьма хорошо разработаны. Используя их, вы можете не только дополнить ваше собственное исследование, но и внести вклад в разработку понятий, имеющих интерес и значение для вашей дисциплины или профессии.

С другой стороны, мы должны напомнить вам снова, что *использование заимствованных понятий может принести серьезный ущерб*. Заимствованные понятия часто приносят с собой широко распространенные значения и ассоциации. Как вышеупомянутые, так и другие понятия, такие как «стигма», «образ тела» и «когнитивный диссонанс», вполне хорошие слова. Но люди, читающие вашу теорию, будут ожидать, что вы дадите их определения стандартными способами, или будут вкладывать эти значения в вашу работу. Вы также можете быть необъективны по отношению к ним, наложить эти стандартные значения на тот материал, с которым вы работаете, по сути дела, прекращая исследование вместо того, чтобы начать его. Поэтому вы, конечно, можете использовать понятия из литературы, но делайте это осторожно и будьте точны в отношении их значений.

Другим важным источником названий являются слова и фразы, использованные самими информантами, настолько меткие, что сразу привлекают к себе ваше внимание. Эти термины называются *коды «in vivo»*. (Glaser, 1978, p. 70; Strauss, 1987, p. 33). Приведем еще одну иллюстрацию. Действие происходит в больничном отделении, где мы проводим изучение старших сестер. Обсуждая стратегию и методику отделения с исследователем, старшая сестра, указывая на одну из LVN (лицензированных профессиональных сестер) отделения, говорит: «Она является носителем традиции отделения». Старшая сестра продолжает объяснять, что эта особая сестра LVN несет ответственность за посвящение новых сотрудников в традиции, правила и стратегию отделения. Она действует как лицо, которое проводит правила в жизнь, делая замечания и выговоры всякий раз, когда замечает, что они нарушены. Теперь термин «носитель традиции» является прекрасным названием категории. Он меткий, наводит на размышления и суммирует все то, что сказала старшая сестра об этой медсестре. Используя этот термин, мы не просто будем иметь хороший термин, но, как и в случаях с другими категориями, затем продолжим разрабатывать эту категорию, начиная с перечня ее свойств. Например, носительница традиции посвящает но-

вых сотрудников в традиции больничного отделения и занимает видное положение, как ответственная за проведение правил в жизнь.

Развитие категорий с точки зрения их свойств и измерений

Когда вы начинаете развивать категорию, вы делаете это сначала в терминах ее *свойств*, в которых затем могут быть *выделены измерения*. Вспомните, что в разделе определений этой главы мы сказали, что свойства являются характеристиками или атрибутами категории, и что *измерения* показывают местоположения свойства вдоль континуума. Процесс открытого кодирования стимулирует обнаружение не только категорий, но также их свойств и измерений.

Свойства и измерения важно распознавать и систематически развивать, так как они формируют основу для образования связей между категориями и *субкатегориями*. Впоследствии и между более важными категориями. Поэтому для развития *обоснованной теории* понимание природы свойств и измерений, а также их взаимосвязей, является необходимой задачей для понимания, в свою очередь, всех аналитических процедур.

Как указывалось выше, свойства являются атрибутами или характеристиками феномена (категории). Давайте посмотрим на категорию «цвет». Ее свойства включают: оттенок, тон, интенсивность и т. д. В каждом из этих свойств могут быть выделены аналитические измерения (координатные оси). То есть, они изменяются вдоль континуумов. Таким образом, цвет может изменяться в интенсивности от высокой до низкой; в оттенке — от более темного до более светлого, и так далее.

Свойства, перечисленные выше, являются *общими свойствами* цвета. Они могут принадлежать цвету безотносительно к ситуации, в которой находится цвет. Знание таких общих свойств категории важно тем, что они дают вам целую шкалу измерений, по которым категория может изменяться. Каждый раз, когда в данных появляется случай категории, его можно расположить где-то вдоль *измерительной шкалы аналитических измерений (dimensional range)*. Поэтому каждый конкретный случай одного и того же общего свойства (такого, как цвет) будет иметь другое местоположение на шкале измерений. Таким образом, каждая категория имеет несколько общих свойств, и каждое свойство изменяется по всей шкале измерений. В сущности, это дает каждому появлению категории особый *профиль измерений*. Некоторые из этих профилей могут быть сгруппированы, чтобы дать вам *паттерн*. Профиль измерений представляет *конкретные свойства* феномена при данном наборе условий.

Например, подумайте о проявлении цвета в различных типах цветов. Каждый раз, когда появляется цветок, мы можем наряду с общими свойствами, отмеченными раньше, классифицировать его цвет: его тон, оттенок и интенсивность. Это делается с точки зрения того, где

расположен этот цветок вдоль континуума измерений каждого общего свойства, придавая тем самым определенные свойства (или профиль цвета) каждому цветку. Затем мы, если пожелаем, можем сгруппировать цветы в соответствии с конкретными профилями цвета, которые они демонстрируют. Эта группировка происходит безотносительно к типу цветка (будь то анютины глазки, пионы, или петунии). В одной группе мы могли бы иметь цветы темного оттенка, низкой интенсивности, или среднего тона. В другой группе цветов — светлый оттенок, высокую интенсивность и верхнюю границу тона.

Любое свойство, конечно, будет иметь субсвойства. В каждом из них поочередно, если этого потребует анализ, могут быть также выделены измерения. Например, одним из свойств цветка является его «цвет». Цвет, в свою очередь, может иметь много субсвойств, например, оттенок, тон, интенсивность и так далее. Другое свойство цветов — размер. Он также может распадаться на субсвойства, например, вес, ширина и толщина.

Давайте вернемся к нашему первому примеру — нашей даме в красном — и применим здесь то, что мы узнали о свойствах и измерениях. В нашей первой кодировочной сессии мы раскрыли категорию **пищевой оркестровщик**. Эта категория придает цель и смысл присутствию в ресторане нашей дамы в красном, в отличие от клиента ресторана, который также может быть одет в красное. Одна из субкатегорий категории **пищевой оркестровщик** связана с выполнением определенных **типов работы**, а именно с процессами наблюдения, мониторинга, оказания помощи и так далее. Фактически, эти последние представляют собой расчленение субкатегории **типы работы**. Теперь каждый из этих типов обладает свойствами, в которых могут быть выделены измерения. В каждом случае выполнения типа работы мы можем придать конкретность этому случаю, рассмотрев частоту выполнения, продолжительность, то, как проводилась работа, кто еще был вовлечен, когда она была выполнена и так далее.

Возьмем тип работы, который мы назвали **наблюдение**. Для каждого случая наблюдения мы можем обозначить его **частоту**. Частоту можно классифицировать с помощью вопроса: Как часто она наблюдает этот зал в отличие от другого: часто — никогда? Наблюдение обладает также свойством **степени**. Снова в каждом случае мы отмечаем, наблюдает ли она один зал больше, чем другой? Кроме того, наблюдение имеет свойство **интенсивности**. Интенсивность наблюдения за залом — высокая или низкая — и меняется ли она со временем? Еще одно свойство — **длительность** наблюдения. Наблюдает ли она какой-то зал долгое или короткое время?

Мы можем сделать то же самое с **передачей информации**. Одно из ее свойств — **количество информации**. Передает ли она мало или много информации в каждом случае? Другое свойство — **способ передачи**. Как

это делается — письменно или устно, громко или тихо, открыто или скрыто?

Вы можете видеть, как процесс выделения измерений из свойства позволяет нам придать конкретность работе дамы в красном. Если бы нашей задачей было изучение ресторанных пищевых оркестровщиков, то мы стремились бы выяснить конкретные характеристики каждого хорошего пищевого оркестровщика и каждого вида работы, которую он или она делает.

Графически можно было бы представить свойства и измерения таким образом:

<i>Категория</i>	<i>Свойства</i>	<i>Шкала измерений</i>	
		<i>(применяется к каждому случаю)</i>	
наблюдение	частота	часто	никогда
	степень	больше	меньше
	интенсивность	высокая	низкая
	длительность	продолжительная	краткая

Во время анализа свойства часто обнаруживаются в формах их измерений (размерностей) или конкретных свойств, относящихся к данному случаю феномена. В таких случаях они возвращают к общим свойствам. Например, можно услышать, как студент говорит: «Я провожу все свое время в учебе». Слово «все» является непосредственно ключевым. Это измерения **времени**, являющегося общим свойством или характеристикой учебного процесса, который может изменяться по затратам времени от максимума до нуля. (При желании мы можем рассмотреть это более подробно, например, подразделить время на такие его субсвойства, как количество и тип, и также выделить в них измерения).

Вариации способов открытого кодирования

Существует несколько различных подходов к процессу открытого кодирования. Можно начать анализ первого интервью и наблюдения с **построчного анализа**. Это подразумевает внимательное рассмотрение фразы за фразой, и, иногда, даже отдельных слов. Возможно, это самый детализированный тип анализа, но и самый плодотворный. (Правда, и самый утомительный, если занимает слишком много сессий. Однако в начале исследования, так же как в начале изучения процедуры кодирования, его применение может быть очень волнующим именно потому, что он так плодотворен.) Создание категорий на ранней стадии путем построчного анализа важно, потому что категории становятся, к тому же, основой вашей теоретической выборки. Они сообщают вам, на чем фокусировать внимание в следующем интервью или участке наблюдения, дают вам некую идею того, куда вы можете пойти, чтобы найти примеры феномена, к которому относится категория. Например, построчный анализ может направить вас к сравнению первого ресторана

с другим, в котором много клиентов, но он не так хорошо обустроен. Возможно, там нет «пищевого оркестровщика», чтобы наблюдать, что происходит с пищей и обслуживанием в наиболее напряженные обеденные часы.

Можно проводить кодирование также по **предложениям или параграфам**. Здесь вы можете спросить: Какова главная идея, выявленная в этом предложении или параграфе (интервью, полевой записи, или документе)? Дайте ей название. Затем вернитесь и сделайте более подробный анализ этого понятия. Этот подход к кодированию может использоваться в любое время, но особенно полезен, когда вы уже определили несколько категорий и теперь хотите кодировать в окрестности.

Третий путь заключается в том, чтобы брать **весь документ**, наблюдение, интервью и спрашивать: По-видимому, здесь что-то происходит? Что делает этот документ таким же или отличным от предыдущего, который я кодировал? Ответив на эти вопросы, вы можете вернуться к данным и конкретно анализировать их по подобию или по различиям.

Ведение кодировочных записей

Первоначальные названия для понятий часто записываются прямо на интервью, полевых записях, или других документах. Категории и понятия, относящиеся к ним, затем берут со страниц как *кодировочные записи*. Это еще один из типов аналитических «памяток». (Они обсуждаются в главе 12.) Существует много разных особых способов такой записи, и каждый исследователь может найти метод, который его или ее больше всего устраивает.

Кодирование забавная вещь, не правда ли? Вы просто никогда не знаете, с чем можете неожиданно столкнуться. Но лучшее все же впереди. Теперь мы перейдем к следующей главе, где будем обсуждать техники, которые вы сможете использовать во время открытого кодирования для усиления вашей теоретической чувствительности.

Выводы

Понятия являются основными строительными блоками теории. Открытое кодирование в методе *обоснованной теории* является аналитическим процессом, посредством которого понятия идентифицируются и разворачиваются, с точки зрения их свойств и измерений. Основные аналитические процедуры, с помощью которых оно выполняется, таковы: постановка вопросов о данных, проведение сравнений по подобию и различиям каждого случая, события и других примеров феноменов. Подобные события и случаи маркируют ярлыками и группируют, чтобы сформировать категории.

6

Техники для усиления теоретической чувствительности

Вплоть до настоящего момента, в нашей дискуссии об анализе мы оперировали лишь данными наблюдения (то, что мы наблюдали в ресторане). Вы можете продолжать таким же образом, *кодируя лишь то, что вы видите*. Заметьте, мы сказали: «лишь то, что вы видите». К сожалению, исследователи часто не видят многого из того, что имеется, так как приступают к аналитическим сессиям с определенным грузом предположений, опытом, погружением в литературу. О, вы говорите «не я!». Проблема в том, что вы не всегда осознаете, насколько этот груз окрашивает вашу интерпретацию событий, пока кто-нибудь другой не укажет на это.

Возьмем пример. Предположим, вы едете через парк в будний день около 9.30 утра и видите двух грязных, неряшливо одетых, небритых мужчин. Они сидят на парковой скамейке, выпивая из чего-то похожего на винную бутылку, вложенную в коричневый бумажный пакет. Какова ваша непосредственная реакция на эту сцену? Двое бездомных пьяниц опять выпивают. Возможно! Но, может быть, эта реакция близка к участию, дружбе, форме взаимодействия, способу выживания, одиночеству, разбитым мечтам. Мы никогда не узнаем это до тех пор, пока не рассмотрим то, что находится под покровом очевидного.

Не то чтобы наши предположения, опыт и знания были обязательно плохи сами по себе. Помните, раньше мы сказали, что они полезны для развития теоретической чувствительности. Мы именно должны подвергать сомнению наши предположения, копаться в нашем опыте, и, помимо того, смотреть литературу, если стремимся обнаружить феномены и добыть новые теоретические формулировки.

Чтобы распознать теорию в данных, нам потребуются теоретическая чувствительность, способность «видеть» с аналитической глубиной, что в них содержится. На более поздней стадии исследовательского проекта теоретическая чувствительность развивается от работы с самим материалом. Но на ранних аналитических этапах мы нуждаемся в техниках подготовки нашего мышления к восприятию изучаемых феноменов.

Техники, которые мы намерены представить, были разработаны специально для того, чтобы способствовать использованию опыта и знаний в интересах наилучшего видения. Мы еще и еще раз подчеркиваем, что эти техники представляют ценность как для начинающих, так и для опытных исследователей. Поскольку они используются на протяжении всего исследовательского процесса, в каждом из типов кодирования, мы обсудим их здесь.

Эти техники разработаны для того, чтобы:

- (1) Вывести ваше мышление за границы, как специальной литературы, так и личного опыта.
- (2) Помочь вам мыслить о явлениях нестандартно.
- (3) Стимулировать процесс индукции.
- (4) Обратить ваше внимание на то, что нельзя принимать без доказательств данные, с которыми вы работаете.
- (5) Позволить разъяснить или опровергнуть допущения, сделанные людьми, фигурирующими в данных.
- (6) Помочь вам услышать, что люди говорят, а что они, возможно, имеют в виду.
- (7) Удержать вас от погони за «неотшлифованными алмазами» при изучении данных.
- (8) Форсировать постановку вопросов и получение предварительных (неокончательных) ответов.
- (9) Предоставить возможность продуктивного наклеивания ярлыков, хотя, возможно, временных.
- (10) Сделать возможным исследование или разъяснение вероятных значений понятий.
- (11) Раскрыть свойства и выделить аналитически независимые измерения в данных.

Польза постановки вопросов

Цель постановки вопросов заключается в том, чтобы раскрыть данные, осмыслить потенциальные категории, их свойства и измерения. Они помогают вам ставить вопросы более точно в последующих интервью или при чтении литературы, относящейся к делу. Мы не подразумеваем, что эти вопросы формулируют, что «действительно» содержится в этих данных, скорее мы направляем к тому, что мог бы сообщить нам следующий сбор и анализ данных, если бы мы знали, какие вопросы следует задавать.

Есть некоторые общие вопросы о данных, которые могут быть заданы вполне произвольно. Каждый вопрос, вероятно, призван стимулировать ряд более конкретных и связывающих вопросов, которые,

в свою очередь, ведут к разработке категорий, свойств и их измерений. Основные вопросы таковы: **Кто? Когда? Где? Что? Как? Сколько? Почему?**

Давайте здесь остановимся и применим вопросы к ситуации с тем, чтобы вы могли видеть, что мы имеем в виду. Предположим, вы изучаете, как больные артритом справляются со своей болью. Вы разложили перед собой свои интервью и читаете цитату, которая приведена ниже. Но помните, что фокус вашего анализа именно на том, как больные артритом справляются со своей болью. Естественно, чтобы сделать это, вы должны понимать значение для них этой боли и даже болезни, поскольку это играет большую роль в том, как люди ведут себя в таких условиях. Вопросы, которые вы задаете, помогут вам получить эту информацию. Вот фрагмент интервью с женщиной:

Облегчение боли — это главная проблема, когда у вас артрит. Временами боль усиливается, а когда становится по-настоящему плохо, ох! Вам так скверно, что не хочется вылезать из постели. А лекарства, которые вы принимаете, дают только временное или частичное облегчение.

Из этих данных очевидно следующее. Они говорят нам, что боль является для нее проблемой: **переживание боли**. Мы узнаем, что ее боль имеет свойство изменяться в **интенсивности** от сильной до умеренной. При условии сильной боли имеются два следствия: ее двигательная активность ограничена, **ограничение активности**; она остается в постели, **привязанность к постели**. Из данных также следует, что она использует лекарства, чтобы облегчить свою боль. **Облегчение боли**, еще одна категория. **Самостоятельный прием лекарств** — это стратегия для облегчения боли. **Облегчение боли** имеет два свойства: **длительность** (временное) и **степень** (частичное).

Посмотрим, что мы здесь имеем. У нас две категории: **Переживание Боли** и **Облегчение Боли**. Эти две категории возникли из нашего первоначального кодирования. Они являются категориями, поскольку, как вы можете видеть, другие понятия (субкатегории) могут быть отнесены к ним как свойства, условия, следствия и стратегии. Неплохо для нескольких минут анализа.

Мы могли бы продолжить в том же духе, кодируя каждое интервью. Полные надежд, мы бы дальше разрабатывали эти категории и новые, которые также появятся. Но это может быть долгим и утомительным процессом, и много ли мы извлечем из данных, будет зависеть в значительной степени именно от нашей теоретической чувствительности. Теперь давайте посмотрим, как мы могли бы усилить нашу восприимчивость, применяя наш перечень вопросов к избранной нами области изучения. Мы будем применять вопросы не обязательно к этой конкретной больной артритом, но **вообще к людям, больным**

артритом. Заметьте, для того чтобы сформулировать подвопросы под каждым важным заголовком, вы должны привлечь и свой личный, и профессиональный опыт, если вы имеете таковой, а также специальную литературу. Но мы используем все эти источники свободно, ассоциативно и творчески.

Кто обеспечивает облегчение боли людям, страдающим артритом? Всегда они сами или кто-нибудь еще мог бы это обеспечить? Например, всегда ли они идут на прием к доктору, в клинику, в пункт оказания скорой помощи, чтобы получить облегчение? Обеспечивают ли другие лица, не врачи, источник облегчения боли, например, физиотерапевты, которые используют водные процедуры, или показывают больным те положения, движения тела или виды движений, которые уменьшают напряжение на больных участках? А как насчет технических специалистов, которые могли бы обучить их методам биологической обратной связи для уменьшения боли? Или духовных наставников, которые могли бы обучить медитации?

Что дает облегчение? В данном случае - лекарства, а что еще могут делать люди, испытывающие боль? Пробовать разные положения? Медитацию? Не шевелиться? Тепло? Спокойные виды деятельности, такие как чтение или просмотр телепередач, которые могут отвлечь ум от боли? Какие новейшие формы терапии обсуждаются в специальной литературе? Есть ли какие-нибудь специальные клиники или другие места, целью которых является обучение людей тому, как справляться с болью?

Как боль переносится и как с ней справляться? Насколько необходимо облегчение? Все люди испытывают боль одинаково? Если нет, то в чем проявляются эти различия? Что имеет в виду больная артритом, когда говорит, что боль интенсивная? Она более интенсивна, когда женщина устала или не устала, когда расстроена или не расстроена, подавлена или не подавлена? Она справляется с болью, жалуясь или не жалуясь, двигаясь или не двигаясь, самостоятельно получая облегчение, обращаясь за помощью куда-то еще? Как другие люди справляются со своей болью? Она очень нуждается в облегчении или нет?

Когда боль появляется и когда начинается облегчение? Боль сильнее утром или ночью? Более интенсивная после движения или во время движения? Больная принимает лекарство до движения, при первых признаках боли, или ждет, когда боль усилится? Пробует ли она другие методы облегчения до того, как примет свое лекарство?

Почему важно облегчение боли? Что происходит, если не облегчать боль? Какое влияние это окажет на ее уровень активности, ее взгляды на жизнь? Как она воспринимает артрит как таковой и течение болезни в будущем?

Есть также ряд *временных* вопросов, которые можно здесь поставить: *частота, длительность, скорость, хронометраж*. Давайте посмо-

трим, что произойдет, если мы приложим их к придуманной нами ситуации.

Частота? Как часто следует облегчать боль? Каждый час, каждый день? Предсказуема ли боль и последующее облегчение?

Длительность? Как долго длится боль? Как долго длится облегчение? Есть ли что-то такое, что в сочетании со средствами по облегчению боли продлит или сократит болеутоляющий эффект?

Скорость? Насколько быстро или медленно достигается облегчение? Насколько быстро или медленно оно исчезает, внезапно, постепенно?

Хронометраж? Болеутоляющие средства даются в определенное время дня? Сколько времени должно пройти до получения следующей дозы? Если лечение включает упражнения, сколько времени это занимает?

Можно также задавать вопросы *пространственного* типа: Сколько места занимает специальное оборудование? Является ли его хранение проблемой? Вопросы *технологического* типа, например: Какие типы специального оборудования необходимы? Требуется ли специальные навыки, чтобы использовать его? Каковы его размеры, стоимость, мобильность (передвижные средства лечения)? Теперь вы понимаете, что должны размышлять намного больше, чем когда вы впервые начали обдумывать данные о боли. Все ответы на поставленные вопросы не могут быть в фактических данных, которыми вы располагаете, но не стоит беспокоиться на этот счет. Это пригодится вам для проработки вопросов к следующим интервью и аналитическим сессиям. При этом вы не обязательно до конца пройдете список, задавая все эти вопросы. Многие ответы придут в следующих интервью, вам даже не придется задавать вопросы, только на этот раз вы «услышите их», если можно так выразиться. Вы будете смотреть на ваши данные с их точки зрения, улавливая намеки, больше вникая в детали. К тому же, вы будете гораздо восприимчивее, исследуя данные во время следующих аналитических сессий, и задавая эти типы вопросов о данных. Если ответы не обнаружены, то необходимо спросить: «С кем еще я могу поговорить, чтобы получить эти ответы?» (Не забывайте то, что вы изучили раньше, что ваши ответы будут концептуализированы и сгруппированы в категории, их свойства и измерения, как указано выше.)

Анализ слова, фразы, выражения

Далее мы покажем вам, что не обязательно нужен целый параграф или список вопросов, чтобы «раскрыть» данные. Это можно сделать с помощью выражения, фразы, а иногда даже отдельного слова.

Анализ слова, фразы или выражения является особо ценным упражнением, потому что он может обучить вас, как ставить вопросы о возможных значениях, будь то предполагаемых, или подразумеваемых, слов говорящего и тех, кто его или ее окружает. Он может также помочь выявить ваши собственные допущения о том, что говорится, и заставить вас исследовать их или сомневаться в них. Это упражнение может быть бесценно даже для опытных аналитиков, как шахматный гамбитный дебют, потому что даже они приносят с собой на аналитические семинары свои предубеждения и перспективы.

Обычно он или она приписывает словам значения, происходящие из общего употребления или опыта. Мы часто полагаем, что, так как обычно мы ведем и ощущаем себя определенным образом, то, конечно, и респондент имеет в виду под этими словами то же самое. Это мнение не обязательно правильно. Возьмите слово — любое слово — и спросите людей, что оно означает для них. Слово «красный» — хороший пример. Один человек может сказать: «бык, помада для губ, кровь». Другой может ответить: «страсть». Возможно, для вас это означает любимое платье, розу, эффектный спортивный автомобиль, а может, и ничего из перечисленного. В качестве упражнения мы предлагаем вам перечислить все мысли, которые приходят в голову, когда вы думаете о слове «красный». Не поразительно ли это! Красный — это гораздо больше, чем цвет. Красный обладает настроением, чувством, ощущением, текстурой, запахом, действием — все это включено в него. Эти ассоциации происходят из значений, которые выработались у нас в связи с этим словом за годы, будь то по личным или культурным причинам.

Процедура здесь заключается в том, чтобы сначала бегло просмотреть весь документ или, по крайней мере, пару страниц, затем вернуться к любому слову, фразе или выражению, которое поразило вас как значительное, важное или интересное. Этот текст должен быть таким, чтобы вам захотелось осмыслить его глубже. Затем составьте список всех его возможных значений, от самых вероятных до самых невероятных.

Чтобы показать вам, как вы можете использовать эту технику, мы проиллюстрируем, как она, с целью раскрытия анализа данных одной студентки, использовалась на исследовательском семинаре.

Действие происходит в классной комнате. Студентка интересуется изучением проблемы нетрудоспособности. Ей нужна помощь при анализе интервью, проведенного с молодым инвалидом. Слово из его интервью, которое выбрано для работы на семинаре — *когда (ones)*. Оно было взято в фразе «Когда я нахожусь в душе» («*Ones I'm in the shower*»).

П = Преподаватель

С = Студент (любой студент)

- П. Если известен контекст действия интервьюируемого, то что может означать *когда*?
- С. Мужчина чувствовал себя **независимым**, когда он был в душе. *Следствие*.
- П. Где еще он мог бы чувствовать себя независимым, когда он там находился?
- С. В постели и в инвалидном кресле.
- П. Где он мог бы чувствовать себя **зависимым**, когда он там находился? Другое *следствие*, но относящееся к изменению деятельности.
- С. Когда столкнулся с необходимостью преодолеть лестничный пролет.
- П. Что еще может значить «когда»?
- С. *Условие* для того, что может произойти далее в деятельности интервьюируемого.
- С. Окончание одного действия и начало следующего. Идея **фазности** или **последовательности** действия.
- П. Возьмем другую ситуацию, где присутствует слово «когда», и сравним ее с этой. Возможно, такое сравнение породит другие потенциальные значения этого слова. Ситуация происходит на гоночном треке. Некто говорит: «Когда стартовый пистолет выстрелил, я забыл все месяцы изнурительной тренировки.»
- С. Скорости движения на всех этапах действия. *Свойство* времени и идея *Процесса*.
- С. Подготовка, предшествующая «когда». *Условие* тренировки или подготовки, которое включено до того, как деятельность может произойти.
- С. Усилие интервьюируемого в подходе к «когда». *Свойство* усилия и *следствие* достижения.

Класс в течение часа продолжал обсуждать слово «когда», исследуя возможные значения, поднимая вопросы и называя феномены, ни один из которых не был навязан этим словом. То есть, никто не подразумевал, что любое из возможных значений, развитых из этой сессии, обязательно применимо к этому конкретному инвалиду или этому примеру деятельности. Что упражнение должно было дать студентке, так это возможный спектр значений, которые могут ассоциироваться со словом «когда», тем самым, делая ее более восприимчивой к тому, что она может обнаружить при анализе этого и других интервью.

Опять-таки, обратите внимание на то, как одно слово может заключать в себе целый ряд значений. Заметьте также, что мы не очень отклонились от исследуемой ситуации и придерживались нашего анализа слова «когда», имеющего отношение к деятельности. Но даже

в этом примере размышление об отдельном слове послужило поводом к рассмотрению процесса, условий, следствий, вариаций и тому подобного, которые могут быть применены в будущих размышлениях студентки о деятельности и инвалидах.

Чтобы избежать повторов, мы не будем давать примеры применения этой техники к фразам или выражениям. Достаточно сказать, что можно получить большой аналитический материал, применяя к нему ту же самую процедуру. Такой значительный потенциал содержится, например, в выражении: «Первая серия противоракового курса лечения не дала результатов». Можно начать с вопроса, какие возможные значения могут ассоциироваться с каждым словом (фразой) в отдельности, затем вместе. Рак, лечение, затем противораковый курс лечения и фраза «первая серия». Поскольку мы сосредоточились теперь на этих словах (и возможных категориях, вытекающих из нашего анализа), то мы, вероятно, спросим наших респондентов, не могут ли они сказать, какое именно значение эти слова имеют для них. Это противоречит распространенному толкованию их значений в интервью с замалчиванием недостатков. Это часто делается, так как значения легко присваиваются в то время, когда человек говорит. **До тех пор пока мы не валидизировали возможные значения** во время интеракции с говорящими или не научились задаваться вопросом, какие значения различные аналитически характерные термины имеют для наших респондентов, мы ограничиваем потенциальное развитие нашей теории.

Дальнейший анализ путем сравнений

В главе об открытом кодировании мы отметили, что проведение сравнений было существенно для идентификации и категоризации понятий. Теперь мы продолжим обсуждение использования сравнений, но на этот раз в качестве стимула для теоретической чувствительности.

Цель сравнений, о которых мы говорим здесь, аналогична другим техникам, которые мы обсуждали. Они должны помочь вам прорваться через допущения, а также раскрыть конкретные измерения. Заметьте, чтобы делать эти сравнения, вы должны привлечь личные и профессиональные знания, а также специальную литературу.

Техника сальто

Предположим, вы изучаете компьютерную индустрию. Вы читаете первые несколько страниц ваших полевых записей и отмечаете, что IBM — гигант в данной области. Действительно, он доминирует в этой индустрии. Теперь вы можете поинтересоваться, что означает доминирование с точки зрения индустрии в целом, каковы следствия для

тактик цен и продаж конкурентов, для их защитных маневров и организации их производства? Но ответов на эти вопросы, по-видимому, нет в ваших текущих данных. Вы пристально разглядываете данные, но в голове пусто. Ничего не приходит в голову.

Когда это происходит, вы можете преодолеть ваш умственный паралич с помощью техники сальто. То есть, переворачивая понятие доминирования с ног на голову и представляя совершенно противоположное: Индустрия, в которой не господствует какая-либо одна компания, а такая, где влияние или власть широко распределяется по всей индустрии (как в производстве одежды или строительной индустрии). Здесь вы проводите сравнение *крайних значений одного измерения* этой индустрии: *от самого высокого до нулевого*.

Теперь, когда вы вернетесь к полевой работе или просмотру опубликованных материалов, вы будете более сосредоточены и более вероятно, что заметите свойства и измерения, которые, возможно, упустили бы, если бы не сделали это небольшое упражнение. **Упражнение должно помочь вам также думать о данных скорее в аналитическом, чем в описательном плане, создавать предварительные формулировки категорий и их свойств, размышлять о генеративных вопросах.**

Дальше мы покажем эту технику в действии еще на одном примере. На этот раз область нашего интереса — **Тело**. Мы решили изучать тело через мир поднятия тяжестей. Мы сделали этот конкретный выбор, потому что у нас был некоторый опыт по подъему тяжестей, легкий доступ к местам наблюдений и к потенциальным респондентам, поскольку, может быть, иногда трудно получить доступ и наблюдать людей в незнакомых областях. Однако мы должны сознавать, что наше знакомство с областью исследования может мешать нашему анализу из-за излишней сосредоточенности на наблюдаемой реальности как таковой.

Для начала мы провели несколько часов в гимнастическом зале, наблюдая и делая заметки о том, что мы наблюдали однажды вечером. Тем же вечером, позднее, проводя анализ, мы пришли к следующим категориям: телесная сила, бодишейпинг (придание формы телу), мониторинг тела, тренировка тела, движение тела. Все это субкатегории более крупной категории, которую на этом этапе мы называем «Укрепление Тела». Теперь мы решили взять одну из субкатегорий, **телесную силу**, и раскрываем ее, чтобы обнаружить потенциальные свойства и измерения, которые можно отнести к ней. Мы исследуем наши данные, но не появляется ничего подлинно интересного. Мы упорствуем. Так, мы решаем размышлять о спорте, в котором телесная сила не существенна или только минимальна, например, о ловле форели. Мы проведем сравнение ловли форели с поднятием тяжестей.

Итак, что поражает нас в ловле форели? Человек практически любого возраста, от 4 до 85 лет, может ловить форель. **Возраст** в этом

случае может иметь значение, если рассматривать штангистов с точки зрения силы. Что еще поражает нас в ловле форели? Она происходит на открытом воздухе – **Место**. Это еще один фактор для исследования. Он может иметь отношение к поднятию тяжестей вообще, но не обязательно к силе. Продолжим. Вы обычно ловите форель не руками, а нуждаетесь в **специальном оборудовании**. Оно требуется вам также и для поднятия тяжестей. Но теперь необходимо спросить, какая связь силы с оборудованием? Последнее используется, чтобы укрепить силу? Как? Чем больше сила, тем больше вес (через посредство оборудования), который вы можете поднять. Ловля форели обычно не **опасна** до тех пор, пока вы не упали в воду, не умея плавать. Иметь слишком много или слишком мало силы может быть опасно, если использовать оборудование? В каких отношениях? Что происходит, если вы считаете, что у вас больше силы, чем вы имеете в действительности? Ловля форели обычно происходит ранним утром или в дневное **время**. А как обстоит дело с поднятием тяжестей? Существуют ли различные периоды дня, недели, месяца, когда телесная сила человека увеличивается или ослабевает и по какой причине?

Вместо проведения сравнений с совершенно иным видом спорта, мы можем сделать такое сальто. Мы можем сравнить 250-фунтового мужчину-штангиста со 100-фунтовой женщиной-штангисткой. Посмотрим, что мы получим из этого сравнения. Мужчина имеет больше **силы**, чем женщина, что доказывается величиной веса, который он поднимает. Хм, откуда берется его сила? У него больше мускулов, больше масса тела. Верно, но почему? Отчасти сила связана с различиями во **внутренних регуляторах тела**, гормональными различиями между мужчинами и женщинами. В таком случае, могут ли мужчины принимать дополнительные гормоны как условие для наращивания своей силы? А женщины могут? Поскольку это мужские гормоны, то какие **следствия** могут быть для женщин, принимающих стероиды, чтобы прибавить силу? А какие следствия для мужчин? **Законно** ли принимать стероиды? Если нет, то почему? Как они в этом случае их приобретают?

Помимо принятия гормонов, как еще могли бы женщины увеличить свою силу? На начальной стадии мужчины, имеющие 250 фунтов, окажут им **помощь** в поднятии тяжестей. Тогда с течением времени и практикой, они сами могут постепенно развить в себе способность поднимать большие тяжести, пока это не очень превышает их **телесную способность**. Прибегают ли мужчины иногда к помощи других мужчин или женщин? Если да, то это говорит нам, что поднятие тяжестей имеет временами **интерактивный компонент**. Всегда, иногда, когда именно? Какие еще **стратегии** могут использовать мужчины и женщины для увеличения своей силы — концентрацию, психологическую установку, настоятельные советы других?

Даже из этого краткого примера вы можете видеть, как приняв субкатегорию **телесная сила** и используя технику сальто, чтобы думать в сравнительном плане, мы раскрыли наш анализ. Мы поставили вопросы, чтобы следовать им в дальнейших наблюдениях и интервью. Мы также разработали потенциальные субкатегории телесной силы и измерения, которые к ним относятся, направляющие в свою очередь к стратегиям, которые можно использовать для увеличения телесной силы. Мы также связали некоторые потенциальные следствия с использованием этих стратегий. Держа это в уме, мы можем теперь вернуться к нашим полевым записям и наблюдениям с большей восприимчивостью к теме, чем прежде. Затем мы можем снова вернуться в поле, чтобы проверить наши гипотезы. Для того чтобы раскрыть другие категории (бодишейпинг, тренировка тела, мониторинг тела и т. д.), мы можем использовать эту или другие техники, которые уже обсуждались.

Систематическое сравнение двух или более феноменов

Рассмотрим теперь другую проблему. Допустим, что мы приступили к нашему анализу **тела**, будучи уже погруженными в специальную литературу. Фактически мы находились под большим впечатлением нескольких исследований «телесного образа». Даже не осознавая, мы позволили этим исследованиям окрасить наш подход к анализу данных. Хотя и не очевидная для нас, эта предвзятость может быть замечена коллегами или членами диссертационного совета. Если они обратят на это внимание, мы будем удивлены и сконфужены. Возьмите другую ситуацию. Мы настолько привыкли рассматривать проблемы определенным образом, что если этот старый образ мыслей не позволяет нам раскрыть причины проблем, которые мы видим, то мы ходим вокруг да около, и, кажется, не сможем вырваться из него.

Что мы можем сделать, чтобы вырваться из наших паттернов мышления, сохраняя в то же время из прочитанного или нашего опыта то, что важно? **Использование систематических сравнений на ранней стадии нашего анализа — один из путей.** Посмотрим, как он работает.

Возьмите то, что вы знаете о телесном образе из литературы и вашего собственного опыта и начните кодировать этот феномен систематически, именно так, как вы уже научились к этому моменту. Вы должны получить несколько понятий, категорий и свойств.

Теперь возьмите одну из этих категорий, скажем, вес. Исследовательская литература говорит вам, что как превышение веса, так и недостаток веса является одним из условий, которые негативно влияют на телесный образ. Можно начать с того, что мы называем *близкое сравнение*, скажем, сравнивая женщину с избыточным весом с другой женщиной нормального веса, и, к тому же, физически привлекательной. Мы будем задавать вопросы, систематически выявляя подобию

и различия между двумя женщинами. Например: Что происходит, когда физически привлекательная женщина идет по улице, особенно если она одета в облегающее платье? Люди могут оборачиваться, чтобы взглянуть на нее одобрительно. Все люди? Ну, некоторые мужчины, возможно, и некоторые женщины. Как еще они могли бы посмотреть на нее? Некоторые мужчины могли бы посмотреть на нее чувственным взглядом или, по крайней мере, с одобрением. Некоторые женщины могли бы взглянуть на нее с восхищением или с отвращением.

Передаются ли той женщине, когда она прогуливается по улице, эти чувства? То есть, как бы она узнала, что другие думают или чувствуют? Как могло бы повлиять на ее телесный образ понимание того, что мужчина смотрит на нее восхищенно? Чувственно? Означает ли это, что восхищение женщины означает для нее то же, что и восхищение мужчины? (Эти вопросы помогут вам начать думать о том, «при каких условиях» развивается телесный образ, а также думать об интерактивном компоненте, включенном в его развитие.)

Теперь мы можем спросить себя: Как смотрят люди на женщину с избыточным весом, прогуливающуюся по улице в облегающем платье? Они смотрят на нее одобрительно или с отвращением? При каких условиях они могли бы смотреть на нее восхищенно? С помощью каких стратегий они могли бы передать свои чувства? Какие следствия может иметь каждая из стратегий для ее телесного образа? Более или менее вероятно, что она носила бы облегающее платье, если бы осознавала, о чем они думают? Возможно, она носит такое облегающее платье, потому что не заботится о том, что думают о ней люди и что фактически она довольна своим телом? Почему эта женщина может чувствовать себя таким образом, в то время как другие люди с избыточным весом не могут? Эти вопросы наталкивают вас на мысль о том, что, возможно, не все женщины с избыточным весом имеют плохой телесный образ. С этим пониманием вы можете вернуться в поле и интервьюировать женщин, чтобы выяснить причины. Затем вы можете систематически сравнивать ответы женщин с плохим и с хорошим телесным образом.

Если бы нам нужно было подойти к какой-нибудь женщине, чтобы попросить ее указаний, о чем бы вы считали наиболее удобным спрашивать? Почему? Какие сообщения передали бы ваше состояние комфорта или дискомфорта? На каких частях тела может спрашивающий фокусировать внимание, спрашивая указаний? Попробуйте различные варианты и составьте список потенциальных следствий, которые они могли бы иметь для телесного образа. Итак, как бы вы себя чувствовали, если бы физически привлекательная женщина отвергла ваш вопрос как попытку приставания, в то время как женщина с избыточным весом постаралась бы во что бы то стало ответить вам? В этом случае как можно передать это женщинам? Эти вопросы позволяют вам рассматривать

все виды возможных следствий обладания избыточным весом, причем некоторые из этих следствий не обязательно будут негативными. Эти следствия обратной связи, конечно, вы примете во внимание, когда будете развивать эту категорию телесного образа.

Направим наше творчество на то, чтобы мысленно представить себе ситуацию с участием этих двух женщин, которая, возможно, полностью противоположна ожидаемой нами, и зададим несколько вопросов об этой ситуации. На сцене — телевизионное шоу «игра в свидания». За ширмой находится мужчина. После того, как он услышал ответы на свои вопросы двух возможных кандидаток на свидание, он думает, что хотел бы назначить свидание той, которую зовут Анни. Он не проявил интереса к Джоан. Аудитория посмеивается и не одобряет его выбор. Когда он встречается с Джоан, то видит, на что реагирует аудитория. Джоан физически привлекательна. Очень! Но он вспоминает, что ее ответы на вопросы были глупыми и, по-видимому, она не очень интересна. С другой стороны, Анни, оказывается, имеет избыточный вес. После первого шока мужчина оказывается вполне довольным своим выбором. Анни, по-видимому, вполне довольна собой, яркая индивидуальность, и любит танцевать. Она, конечно, не соответствует нашему стереотипу женщины, имеющей невзрачный телесный образ.

Теперь мы должны остановиться и спросить почему? Откуда берутся наши стереотипы? Это наш образ или их образ, который мы переносим на этих женщин? И может ли привлекательная женщина иметь плохой телесный образ? Почему? Имеет ли это все отношение к размерам тела? Как телесный образ передается другим? Задаваясь такими вопросами и следуя затем через сбор и анализ данных, вы вскоре переносите ваше внимание от специальной литературы по телесному образу к раскрытию других возможностей, которым будете следовать. Хотя в конце вы можете придти к тем же заключениям, что и в литературе, **ваши теоретические объяснения будут гораздо более плотными, потому что ваши вопросы сдвинули вас со стандартных путей мышления, позволили исследовать другие пути мысли и надежно обеспечили новые проникновения в проблему.**

Крайние сравнения

Прежде чем закрыть этот раздел, мы кратко остановимся на применении *крайних сравнений*. Проводя сравнения, аналитики обычно стремятся быть как можно ближе к своей предметной области, возможно из опасения, что, делая крайние сравнения, не смогут изучить что-то, относящееся к их области. Это предположение *неверно*. Вернемся к нашему исследованию штангистов. На этот раз мы хотим поразмышлять об оборудовании и бодибилдинге. Чтобы получить вопросы и категории относительно связи между ними, мы решаем провести сравнение

между поднятием тяжестей и игрой на скрипке. Но чему может научить нас последнее относительно оборудования и бодибилдинга? Давайте разберемся.

Скрипачи нуждаются в оборудовании. Те, кто занимаются бодибилдингом, тоже нуждаются в оборудовании. Скрипачи могут носить свое оборудование с собой. Часть оборудования для бодибилдинга тоже можно носить с собой, другое — слишком тяжело для этого, то есть свойство **портативности**. Что представляют собой гимнастические залы? Все они стационарны или существуют портативные залы? Кто пользуется такими залами? Есть ли у скрипачей струны, которые могут порваться? Оборудование для бодибилдинга тоже может сломаться, то есть свойство **хрупкости**? Что происходит ночью, если оборудование выходит из строя? Будете ли вы продолжать тренировку в гимнастическом зале, в котором всегда ломается оборудование? Существуют производства, которые изготавливают и ремонтируют скрипки. Должны также существовать предприятия, которые изготавливают и ремонтируют оборудование по поднятию тяжестей. Теперь мы остановимся на некоторых макроусловиях, **производствах**, которые изготавливают и обслуживают оборудование. Что это такое? Как обстоит дело с состоянием технологии и так далее? Оборудование, которое скрипач использует, обычно принадлежит ему или ей. Штангист может быть собственником своего оборудования, но может использовать и еще чье-то оборудование. Это приводит нас не только к свойству **собственности**, но и к постановке таких вопросов как: Кому принадлежит оборудование? Что это означает с точки зрения места тренировки штангистов? Какого рода оборудование по поднятию тяжестей может принадлежать одному человеку? При каких условиях он может использовать его дома? При каких условиях он может пойти в гимнастический зал, чтобы воспользоваться им? У скрипачей обычно есть учителя. Есть ли у штангистов учителя, которые демонстрируют, как надо использовать оборудование? У штангистов есть **тренеры**. Кто они? Какие квалификации они имеют? При каких условиях можно воспользоваться услугами тренера? При каких условиях можно обойтись без тренера? Все ли нуждаются в тренере, чтобы научиться поднимать тяжести? Какие другие роли кроме демонстрации использования оборудования, выполняют тренеры?

Как видите, возможности, которые открываются благодаря использованию сравнений, бесконечны. Однако нам нет необходимости делать сравнения часами, это следует делать лишь до тех пор, пока мы не освободимся от всего, что блокирует наше мышление, или не получим перечень свойств и измерений, которому будем следовать. Затем мы можем вернуться к нашим данным, но на этот раз готовыми делать новые открытия, потому что мы стали несколько проницательнее относительно того, что «действительно есть на странице» или должно быть там.

Размахивание красным флагом

Существует еще одна техника, к которой мы хотим перейти, прежде чем завершить эту главу. Она называется «размахивание красным флагом». Эта техника также предназначена для того, чтобы помочь аналитику видеть в данных не только очевидное. Допущения, основанные на культурных перспективах, бывает особенно трудно признать, потому что люди, относящие себя к одному и тому же культурному наследию, большей частью, думают одинаковым образом, так что никто, вероятно, не усомнится в том, что вы разделяете эти допущения.

Например, одна из наших студенток изучала использование в клинике переводчиков из Азии. Излагая случай, студентка объяснила, что иногда вызывают мужчин-переводчиков для того, чтобы перевести клиентам-женщинам. Использование мужчин в этих случаях проблематично, потому что некоторые вопросы, такие как половые и женские гинекологические проблемы, рассматривают очень чувствительные области, и поэтому они никогда не обсуждаются в смешанной компании. Преподаватель спросил: «Эти области никогда не обсуждаются?» Студентка повторила: «Никогда». Преподаватель начал изменять условия. «В условиях, когда жизнь женщины находится под угрозой, эти вопросы будут подниматься?» «О, нет!» — ответила студентка, — «они являются табу». Но преподаватель по своему опыту знал, что все культуры имеют чувствительные области, но имеют также и способы их регулирования, и что при определенных условиях можно не принимать во внимание эти табу или найти способы обойти их. Студентка в действительности тоже это знала, но она была так погружена в данные, с которыми имела дело, что и не задавалась этим вопросом. Если бы студентка предпочла и дальше скорее принимать очевидное, нежели сомневаться в нем, то она бы упустила суть проблемы, каким образом в разных азиатских культурах разрешаются деликатные ситуации с использованием переводчиков, что было, конечно, важной частью ее анализа.

Обратите внимание на существенный момент: Вы должны стать очень восприимчивы к определенным словам и фразам. Таким, как: «Никогда», «Всегда», «Это невозможно сделать таким образом», «Никто не знает, каким способом это сделать», «Нет необходимости это обсуждать». Каждый раз, когда вы слышите такие слова и фразы, вы должны размахивать красным флагом — воображаемым флагом, конечно.

Эти слова и фразы должны быть сигналами для более внимательного рассмотрения. Что здесь происходит? Что значит *никогда*? Или *всегда*? Почему это так? *Никогда*, при каких условиях? Как выдерживается это состояние *никогда*? Каковы его последствия? Что происходит, если *никогда* не выдерживается? То есть, если какой-то бедный невежественный субъект, что бы ему или ей ни предложили, *никогда* этого

не делает? Существуют ли определенные стратегии, чтобы обойти это *никогда*? Как происходило культурное формирование людей, не задающихся вопросами или принимающих все на веру, чтобы верить в *никогда*? Действуют ли люди таким образом, не веря в это? Или верят в это, но не действуют таким образом?

Аналитическая проблема здесь заключается в том, чтобы никогда ничего не принимать на веру. В тот момент, когда вы это делаете, вы исключаете многие возможности, которые могут дать ключ к ответу на одну из ваших исследовательских проблем.

Проблемы и тревоги

В течение многих лет мы наблюдали, что студенты иногда испытывают тревогу относительно того, как использовать эти техники. Важно обсудить эти опасения, так как это может касаться и вас.

(1) Студенты часто испытывают благоговейный страх, наблюдая, как работают эти техники в классе. Они думают, что преподаватель обладает некоей магической способностью, которую они никогда не смогут воспроизвести. Подобно магу, он манипулирует данными, превращая их в теорию.

(2) Студенты часто так поглощены данными, с которыми они имеют дело, данные так зачаровывают их, что они не могут сами освободиться. Они, по-видимому, забывают, что когда-либо изучали техники, позднее удивляются, почему они не могут увидеть в данных ничего, кроме того же самого, что и прежде, тех же старых вещей. В итоге они приходят к нам со словами: «Помогите мне выбраться из этой аналитической колеи».

(3) Иногда студенты боятся применять техники систематически, потому что они думают, что в этом случае они каким-то образом повлияют на данные, навязывая то, чего там не было. Они опасаются, что действительно не смогут узнать что-то относящееся к их предметной области, если слишком далеко отклонятся от данных.

(4) Студенты часто не уверены в том, как и когда использовать техники. Они беспокоятся, что им придется использовать их в каждом интервью и в каждой аналитической сессии.

Ответим на эти опасения. Во-первых, уверяем вас, способность применять эти техники не связана ни с какой магией. Вы тоже сможете превратить данные в плодотворные теоретические идеи после того, как научитесь применять эти техники. Все это дается терпением, большой практикой и верой в свои способности к обучению. Во-вторых, техники нужно использовать, если вы хотите «раскрыть» и высвободить данные, каковы бы ни были ваши творческие способности и теоретическая

чувствительность. Если вы не примените их, ваши открытия будут минимальны, а ваши теории концептуально бедны и плохо обоснованы

В-третьих, никогда ничего не навязывайте данным. Это означает, что первоначально любые понятия, категории или гипотезы, которые появятся в результате применения этих творческих процедур, будут рассматриваться как предварительные. Они предназначены для того, чтобы повысить чувствительность исследователя к распознаванию того, что надо искать. Они созданы для того, чтобы освободить мышление и пробудить чувствительность. Идеи, которые развиваются благодаря использованию этих техник, никогда не следует смешивать с данными; они представляют собой только гипотетические возможности, которые всегда должны поддерживаться фактическими данными.

В-четвертых, техники должны использоваться только как помощь анализу, а не в каждой полевой записи или интервью. Они особенно полезны, когда вы анализируете первые интервью, полевые наблюдения и документы, потому что помогают «видеть», что содержится в данных. Даже здесь они не должны использоваться в связи с каждым словом, фразой или параграфом. Позднее, в анализе, техники также очень полезны, если вас что-то сдерживает, вы озадачены или не уверены в том, куда дальше идти в вашем анализе или сборе данных. **Они являются эффективными инструментами. Однако, как и все инструменты, они требуют изучения, как и когда их применять. Но применяйте их!** Экспериментируйте с ними и открывайте ваши собственные способы их плодотворного применения для ваших конкретных целей. Помните также, что пока мы вводим применение этих процедур в связи с открытым кодированием, но их применение точно так же важно во время осевого и даже избирательного кодирования, если у вас наступит аналитический застой.

Хотя ваше намерение состоит в том, чтобы делать серьезную аналитическую работу с помощью этих техник, и если даже обучение их искусному и свободному применению может быть тяжким трудом, все же нет оснований считать, что это не может быть удовольствием. Повидимому, можно в шутку сказать «расслабьтесь и наслаждайтесь», но, по крайней мере, не смешивайте серьезность работы с удовольствием, которое вы можете получить от нее.

Выводы

Каждый из нас приносит в анализ данных свои предубеждения, допущения, шаблоны мышления, знания, приобретенные из личного опыта и прочитанного в книгах. Они могут блокировать наше видение того, что значимо в данных, или препятствовать в продвижении

от описательного к теоретическому уровню анализа. Существуют определенные техники, которые можно использовать, чтобы предотвратить или разрешить эти проблемы. Они включают: постановку вопросов; анализ отдельного слова, фразы, или выражения; процедуру сальто; проведение сравнений, как близких, так и крайних; и размахивание красным флагом. Все это требует практики, чем больше, тем лучше, и творческого воображения.

Действительно, ваше творческое воображение, вполне вероятно, будет совершенствоваться благодаря усердным упражнениям в этих техниках. Вначале вы можете также практиковаться на чьих-нибудь данных или на любом документе, даже журнальной статье, поскольку можете обнаружить, что это психологически легче, нежели сталкиваться со своими собственными данными. Но помните, что применение этих техник необходимо до тех пор, пока вы не обнаружите, что их использование стало для вас более или менее автоматическим.

Кроме того, будет полезно для вашего изучения этих техник, если ближе к концу аналитической сессии вы пересмотрите шаги, предпринятые во время сессии при анализе данных. Это повысит ваше осознание того, как вы использовали процедуры и с какими результатами. Парадоксально, но подобный случающийся время от времени пересмотр ведет, в конечном счете, к менее напряженному и более естественному применению процедур.

Осевое кодирование

Определение терминов

Осевое кодирование: Ряд процедур, с помощью которых данные после открытого кодирования соединяют по-новому, устанавливая связи между категориями. Это делается с помощью парадигмы кодирования, включающей условия, контекст, стратегии действия/взаимодействия и следствия.

Каузальные условия: События, происшествия, случаи, которые ведут к появлению или развитию феномена.

Феномен (Явление): Центральная идея, событие, происшествие, случай, в связи с которым и для управления которым предпринимается ряд действий или взаимодействий.

Контекст: Определенный ряд свойств феномена, который показывает местоположения событий или происшествий, относящихся к феномену, вдоль измерительной шкалы. Контекст означает определенный ряд условий, в рамках которого принимаются стратегии действий/взаимодействий.

Промежуточные условия: Структурные условия, влияющие на стратегии действия/взаимодействия, относящиеся к какому-либо феномену. Они поддерживают или ограничивают стратегии, принятые в рамках определенного контекста.

Действие/взаимодействие: Стратегии, предназначенные для того, чтобы справиться с некоторым явлением, управлять им, совершать его, реагировать на него при определенном наборе воспринимаемых условий.

Следствия: Итоги или результаты действия и взаимодействия.

Открытое кодирование разделяет данные на фракции и позволяет идентифицировать некоторые категории, их свойства и местоположения свойств (как сказано в главе 5). Осевое кодирование соединяет эти данные по-новому, устанавливая связи между категорией и ее суб-категориями. Здесь мы говорим не о связывании нескольких основных категорий для создания охватывающих теоретических формулировок (см. главу 8), а о развитии того, что станет, в конечном счете, одной из нескольких основных категорий. Другими словами, мы все же заинтересованы в развитии категории, но в развитии на более высоком уровне, чем свойства и измерения.

В осевом кодировании наше внимание сосредоточено на точном определении категории (*феномена*) с точки зрения *условий*, которые способствуют ее появлению; *контекста* (определенного ряда свойств), в который она вплетена; *стратегий* действия/взаимодействия, с помощью которых она реализуется и управляется; *следствий* этих стратегий.

Эти конкретизирующие характеристики категории придают ей точность, поэтому мы обозначаем их как субкатегории. В сущности, они тоже являются категориями, но так как мы соотносим их с категорией в некоей форме связи, мы добавляем приставку «суб».

Вы помните, что в главе о технике повышения теоретической чувствительности (глава 6), в некоторых примерах анализа, мы использовали такие термины, как «условия», «стратегии», «следствия». В то время как мы кодировали, эти термины возникали, показывая нам, что как только мы разбиваем данные на части в открытом кодировании, мы совершенно естественно начинаем соединять их в форме связей. Хотя открытое и осевое кодирование являются разными аналитическими процедурами, исследователь, занимаясь текущим анализом, поочередно обращается к обоим моделям.

Прежде чем мы начнем обсуждать, как происходит подробное обозначение (спецификация) категории в процессе осевого кодирования, нам бы хотелось рассмотреть следующие вопросы.

(1) Во время открытого кодирования идентифицируется много разных категорий. Некоторые из них относятся к определенным феноменам, например боль, управление болью, телесная сила, телесный образ. Другие категории относятся к условиям, которые связывают с этими феноменами. Третьи категории обозначают действующие/взаимодействующие стратегии, применяемые для того, чтобы управлять феноменом, справляться с ним, реагировать на него. Наконец, некоторые категории относятся к следствиям действия/взаимодействия, опять-таки в связи с определенным феноменом.

(2) Реальные концептуальные ярлыки, отнесенные к категориям, не обязательно указывают, обозначает ли категория условие, стратегию или следствие. Вам предстоит идентифицировать их как таковые. Например, понятие **облегчение боли** никоим образом не содержит в своем названии термин *следствие*. Тем не менее, в некоторых примерах (в зависимости от фокуса проекта), облегчение боли может быть следствием действия, принятого для облегчения боли. Условия, стратегии и следствия не обязательно произносятся как таковые в интервью или документах, которые мы анализируем, хотя случай или событие может неявно предполагать их. Рассмотрите следующую фразу: «Когда я испытываю (условие) артритную боль (феномен), я принимаю аспирин (стратегия). Спустя некоторое время я чувствую себя лучше

(следствие)». Обратите внимание на то, как мы отчетливо проговорили характерные элементы парадигмы.

(3) Каждая категория, будь то феномен, обозначающий категорию, или одна из ее точно определенных субкатегорий, имеет свойства. Можно выделить в них аналитические измерения, чтобы дать категории более подробное определение. Например, субкатегория «облегчение боли» (следствие) имеет такие общие свойства, как длительность, степень, потенциал для причинения побочных следствий и так далее, которые будут конкретными для каждого случая. В то же время феномен «артритная боль» имеет такие общие свойства, как степень, длительность и интенсивность, опять-таки, они конкретны для каждого случая. При кодировании документа о боли (или любом другом феномене) для каждого события или случая может быть дано точно обозначенное местоположение свойств. Это местоположение в пространстве аналитических измерений существенно для интеграции теории (см. главу 8 об избирательном кодировании).

(4) В осевом кодировании субкатегории связаны со своими категориями через так называемую *модель парадигмы*. Об этой модели и о том, как она используется для связывания субкатегорий с категорией в осевом кодировании, мы будем говорить в дальнейшем изложении.

Модель парадигмы

В *обоснованной теории* мы связываем субкатегории с категорией рядом связей, обозначающих каузальные условия, феномен, контекст, промежуточные условия, стратегии действия/взаимодействия и следствия. В очень упрощенном виде эта модель выглядит таким образом:

- (A) Каузальные условия \rightarrow (B) Феномен \rightarrow
 (C) Контекст \rightarrow (D) Промежуточные условия \rightarrow
 (E) Стратегии действия/взаимодействия \rightarrow
 (F) Следствия.

Применение этой модели даст вам возможность систематически осмысливать данные и связывать их очень сложными способами. Теперь, когда вы столкнетесь с определенными жизненными ситуациями, вы автоматически будете опираться на каузальную модель (что-то случилось вследствие этой причины или условия), чтобы объяснить себе и другим, почему это могло случиться. Имея продолжительную практику, вы легко сможете научиться думать на языке более сложной модели парадигмы. До тех пор пока вы не пользуетесь этой моделью, ваш анализ по методу *обоснованной теории* будет недостаточно плотным и точным.

Прежде чем перейти к механике того, как категории связываются между собой посредством парадигмы, объясним каждый из ее характерных элементов более основательно.

Феномен

Это центральная идея, событие, случай, в связи с которым и для управления которым предпринимается ряд действий или взаимодействий. Мы идентифицируем феномен, задавая такие вопросы, как: К чему относятся эти данные? Относительно чего происходит все действие/взаимодействие? (подробнее см. главу 5.)

Каузальные условия

Этот термин направляет к событиям или случаям, которые ведут к появлению или развитию феномена. Например, если нас интересует феномен боли, то мы можем обнаружить, что перелом ноги или заболевание артритом могут вызывать боль. Такие случаи являются причиной боли или вызывают переживание боли. Используя модель парадигмы, событие боли можно представить в виде следующей диаграммы:

<i>Каузальное условие</i>	→	<i>Феномен</i>
Перелом ноги или артрит		боль

В действительности, единичное каузальное условие редко вызывает феномен. Вспомните, что мы рассматриваем боль в связи со сломанной ногой. Имеются свойства этой сломанной ноги (и лица, которому она принадлежит), которые сходятся воедино, чтобы привести к этой боли. Теперь мы должны описать перелом конкретно, то есть идентифицировать его свойства и местоположение его аналитических измерений по всей линии этих свойств. Мы можем сказать, что имеется больше, чем один перелом — два (количество трещин), и что один из переломов скорее сложный, чем простой (тип перелома). Далее, лицо, пострадавшее от перелома, не находится ни в бессознательном, ни в параплегическом (паралич конечностей. — Т. В.) состоянии, так что нервная система не повреждена и функционирует нормально (степень чувствительности). Мы можем также рассмотреть, определенные свойства и аналитические измерения боли, которые действительно следует объяснять, исходя из конкретных измерений каузальных условий. Например, можно ожидать, что при множестве трещин, сложном переломе и высокой чувствительности в ноге, интенсивность боли будет высокой. Что касается длительности боли, то мы можем сказать, что она продолжительна. Теперь наша диаграмма выглядит так:

<i>Каузальное условие</i>	→	<i>Феномен</i>
сломанная нога		боль
<i>Свойства сломанной ноги</i>		<i>Конкретные измерения боли</i>
Множественные трещины		интенсивность высокая
Сложный перелом		длительность продолжительная
Наличие чувствительности		местоположение нижняя часть ноги

Вы можете подумать, что перелом ноги или артрит сами по себе являются феноменами. Совершенно верно. Но помните, что в центре нашего внимания боль, а не артрит или перелом. И то и другое интересует нас лишь как условие этой боли и как возможность объяснить величину, тип, длительность и другие измерения боли, обращаясь к конкретным свойствам каузального условия. Здесь важно указать, что каузальным условием может быть любое событие, (например, определенное поведение, что-то сказанное, что-то сделанное), так же как и случайное событие. Все это зависит от ситуации.

Каузальные условия, или предшествующие условия, как их иногда называют, часто обозначаются в данных такими терминами, как: «когда», «в то время как», «поскольку», «потому что», «обусловлено», «по причине». Даже если такие указатели отсутствуют, вы часто можете определить местоположение каузальных условий, сфокусировав свое внимание на феномене и систематически обращаясь к просмотру ваших данных об этих событиях, происшествиях или случаях, которые, по-видимому, ему предшествовали.

Контекст

Контекст означает определенный ряд свойств феномена, обозначающий местоположение событий или случаев, относящихся к феномену, вдоль измерительной шкалы. (См. главу 5 повторно, если это вам неясно.) Одновременно контекст также означает определенный ряд условий, в рамках которого принимаются стратегии действия/взаимодействия для управления определенным феноменом, его реализации и реагирования на него. Именно контекст мы описываем, когда говорим: «При условии интенсивной боли большой длительности мы принимаем такие-то меры по ее контролю».

Чтобы разъяснить этот пункт, вернемся к нашему примеру сломанной ноги. Сломанная нога ведет к боли. Зная только это, как мы уже сказали, трудно лечить. Чтобы лечить боль, мы должны знать специфику случая так же хорошо, как и саму боль. Относительно сломанной ноги мы хотим знать точно: **когда** она была сломана, **как**, количество трещин, **типы** трещин, есть ли **чувствительность** в ноге или нет и так далее. Что касается боли, то мы хотим знать о ее **траектории**, или течении во времени; а также о ее **длительности**, ее **точном местоположении**, ее **интенсивности** и так далее.

Теперь мы можем сказать: При специфических условиях (а) в начале болевой траектории; (б) интенсивной боли; (в) относительно краткой длительности; (г) локализованной вдоль длинной кости нижней части ноги, в этом случае мы принимаем эти меры, чтобы уменьшить боль.

Теперь наша диаграмма боли выглядит таким образом:

<i>Каузальное условие</i>	→	<i>Феномен</i>
сломанная нога		боль
<i>Свойства сломанной ноги</i>		<i>Конкретные измерения боли</i>
Множественные трещины		интенсивность высокая
Сложный перелом		длительность продолжительная
Наличие чувствительности		местоположение нижняя часть ноги
Сломана два часа назад		траектория начальная
Падение на обледеленой улице		получил помощь вскоре

Контекст менеджмента боли

В условиях, где боль:

продолжительная, высокой интенсивности, локализована в нижней части ноги, в начале траектории, и где вскоре была получена помощь, в этом случае:

Промежуточные условия

Теперь мы переходим к другому ряду условий, связанных с изучаемым нами феноменом (категорией). Сначала мы говорили о каузальных условиях, затем упоминали контекст, который представляет конкретные свойства феномена и одновременно ряд условий, влияющих на действие/взаимодействие. Теперь мы говорим о *промежуточных условиях*. Что это такое? Вы можете представлять их как *более широкий структурный контекст*, относящийся к феномену. Эти условия действуют, чтобы поддерживать или ограничивать стратегии действия/взаимодействия, принятые в рамках определенного контекста. Они также должны быть управляемыми. В качестве примера промежуточных условий рассмотрим следующую иллюстрацию. Вы больны и нуждаетесь в данной медицинской технологии, как средстве лечения, но оно может быть получено только в отдаленном медицинском центре. Для того чтобы вам каким-то образом получить это средство, придется совершить поездку. Другими словами, вы не можете немедленно действовать, чтобы получить средство лечения, вы должны преодолеть расстояние.

Промежуточные условия являются широкими и общими условиями, касающимися стратегий действия/взаимодействия. Эти условия включают: время, пространство, культуру, экономический статус, технологический статус, карьеру, историю и личную биографию. (Более подробно об этих условиях, а также о включении их в анализ сказано в главе 10.) Они колеблются по степени удаленности от ситуации или близости к ней. Вернемся к нашему примеру сломанной ноги, чтобы увидеть,

как эти особые условия работают, для того чтобы поддерживать или ограничивать действие/взаимодействие.

Предположим, нога была сломана, когда он или она был скорее в лесу, чем в городе, и скорее один, нежели с кем-то. Эти условия могут включать разницу во времени, которое прошло, прежде чем он получил медицинскую помощь и облегчение боли. Кроме того, имеют значение такие биографические характеристики, как возраст человека, наличие других заболеваний или условий, переживание боли в прошлом, а также идеологии и философии отношения к боли и ее лечению, как со стороны индивида, так и тех, кто его лечит. Кроме того, имеются технологические характеристики, такие как процедуры и средства лечения, применяющиеся для менеджмента боли, знание об их применении, существующем оборудовании и так далее.

Мы можем продолжить перечисление промежуточных условий, но сказанного выше достаточно для разъяснения вопроса. Не все условия будут применимы к каждой ситуации. Именно вам как аналитику предстоит идентифицировать, какие из них следует применить к ситуации и вплести в анализ с тем, чтобы показать, как они поддерживают или ограничивают действие/взаимодействие и когда соответствуют характеру управления действием/взаимодействием.

Стратегии действия/взаимодействия

Обоснованная теория — это метод построения теории, ориентированный на действие/взаимодействие. Вне зависимости от того, изучаются ли индивиды, группы или коллективы, существует действие/взаимодействие, которое направлено на то, чтобы справиться с феноменом, управлять им, реализовать его, реагировать на него, так как он существует в контексте или в определенном ряду воспринимаемых условий. Интерактивный компонент направлен на взаимодействие с собой и другими.

Действие/взаимодействие имеет определенные свойства. Во-первых, оно **процессуальное**, развивающееся по своей природе. Поэтому его можно изучать с точки зрения следствий, с точки зрения движения или изменения во времени. (См. главу 9.) Во-вторых, действие/взаимодействие, о котором мы говорим, **целевое, целеориентированное**, выполняется по какой-то причине — в ответ или для управления феноменом. Поэтому оно происходит посредством *стратегий* и тактик. Действие/взаимодействие не всегда является целевым, оно может быть рефлексивным в некоторых случаях. Так, действие/взаимодействие может быть принято для целей, не связанных с исследуемым феноменом, однако иметь следствия для этого феномена. Скажем, вы изучаете самоуважение у детей. Ребенок проливает стакан молока на пол. Мать, только что закончившая скрести пол и уставшая, кричит на ребенка за то, что он пролил молоко. Самоуважение ребенка страдает, так как

при этом присутствуют несколько его друзей, хотя это и не входило в намерения матери. В-третьих, **неудавшееся действие/взаимодействие** точно так же важно искать, как в том случае, когда действие/взаимодействие действительно предпринято или происходит. Другими словами, если бы кто-то в какой-либо ситуации должен был что-то делать или просто делал, но не сделал, то мы должны спросить, почему? В-четвертых, как мы упоминали ранее, всегда существуют *промежуточные условия* поддерживающие или ограничивающие действие/взаимодействие. Эти условия должны быть также раскрыты.

Если еще раз вернуться к нашей диаграмме боли, то в этот момент она должна выглядеть таким образом:

<i>Каузальное условие</i>	→	<i>Феномен</i>	
сломанная нога		боль	
<i>Свойства сломанной ноги</i>		<i>Определенные измерения боли</i>	
Множественные трещины		интенсивность	высокая
Сложный перелом		длительность	продолжительная
Ощущение {боли}			
присутствует		локализация	нижняя часть ноги
Сломана 2 часа назад		траектория	начало
Падение в лесу		получена помощь	долгое ожидание
		потенциал последствий	высокий

Контекст управления болью

В условиях, когда боль

интенсивная, продолжительная, локализована в нижней части ноги, в начале траектории, при долгом ожидании помощи и высоком потенциале последствий, тогда

Стратегии управления болью

Наложить шину

Идти за скорой помощью

Содержать человека в тепле

Промежуточные условия

Недостаток подготовки в оказании первой помощи

Отсутствие одеяла

Долгий путь для получения помощи

Что касается условий, то имеются определенные сигналы в ваших данных, которые указывают на стратегии. Это глаголы или причастия, ориентированные на действие. Они рассказывают вам, что кто-то делает или что-то говорит, реагируя на феномен. Например, если бы кто-то должен был изучать ход работы больничного подразделения и роль старшей сестры в поддержании его работы, то мы могли бы видеть в наших данных следующее:

Когда происходят тяжелые конфликты среди персонала ночной смены и конфликты начинают мешать выполнению работы, тогда я при-

хожу ночью и в течение некоторого времени работаю с этой сменой, чтобы дать оценку происходящему

Здесь мы имеем феномен (ход работы), прерываемый конфликтом (контекст), и старшую сестру, которая приходит **работать** в вечернюю смену с тем, чтобы **оценить** происходящее (стратегические действия, принятые в ответ на прерванный ход работы).

Следствия

Действие и взаимодействие, принятые в ответ или для управления феноменом, имеют определенные *результаты* или *следствия*. Их не всегда можно предсказать или рассчитать. Неспособность предпринять действие/взаимодействие также имеет результаты или *следствия*. В *обоснованной теории* прослеживание этих следствий также важно.

Следствия могут быть для людей, мест или фактов. Следствиями могут быть случаи или события, например, обострение болезни из-за неправильного соблюдения режима. Они могут принимать форму ответных действий/взаимодействий, как в случае, если кто-то требует от вас сделать что-то, то ваша ответная стратегия состоит в том, чтобы сделать это плохо или не делать совсем. Следствия могут быть фактическими или потенциальными, происходить в настоящем или в будущем. Следствия одного ряда действий могут стать частью условий (в качестве контекста или промежуточных условий), влияющих на следующий ряд действий/взаимодействий, происходящих в одной последовательности — или даже частью условий, следующих в совсем иной последовательности. Поэтому, **следствия действия/взаимодействия в один момент времени могут стать частью условий в другой момент времени**.

Теперь, чтобы закончить наш пример с ситуацией боли в сломанной ноге, мы можем сказать, что одним из следствий принятия действия для смягчения боли является облегчение (субкатегория). Облегчение боли также будет иметь свой перечень свойств, как мы сказали раньше, которые, относительно этой конкретной ситуации, могут быть расположены вдоль одного интервала измерений. В нашем примере сломанной ноги, если бы мы были в лесу и с друзьями, и они, умея оказывать первую помощь, положили ногу на ровную поверхность, наложили шину и пошли за помощью, то следствием этих стратегий управления болью могло бы стать ее смягчение. Однако, если человек оказался один и вынужден был ожидать какого-нибудь прохожего, то это не могло облегчить боль. В самом деле, если вскоре никто не проходил мимо, то потенциально человек мог впасть в болевой шок и стресс. Увеличение интенсивности боли и/или получение шока может повлиять на стратегии управления болью, принятые в следующей последовательности действий, скажем, если человек найден.

Соединение и развитие категорий посредством парадигмы

Соединение и развитие категорий происходит через посредство основных аналитических процедур, представленных в главе 5, а именно, через постановку вопросов и проведение сравнений. Реальный процесс осевого кодирования посредством этих процедур довольно сложный. Это сложно, потому что анализ фактически выполняется с помощью четырех различных аналитических шагов почти одновременно. Они таковы: а) *гипотетическое связывание субкатегорий с категорией посредством формулировок, обозначающих характер взаимосвязей между ними и феноменом* — каузальных условий, контекста, промежуточных условий, стратегий действия/ взаимодействия, следствий, б) *верификация* этих гипотез фактическими данными, в) *непрерывный поиск свойств* категорий и субкатегорий и *местоположений измерений* в данных (событий, случаев и так далее), указывающих на них, г) начало исследования *вариации* в феноменах путем сравнения каждой категории и ее субкатегорий по различным паттернам, обнаруженным путем сравнения местоположений измерений для каждого случая данных. В осевом кодировании сравнения, которые проводятся, и вопросы, которые задаются, относятся к шагам, перечисленным ранее.

Связывание субкатегорий с категорией

Характер вопросов, которые мы задаем в осевом кодировании, действительно указывает на тип взаимосвязи. Например, когда мы сравниваем одну категорию с другой, мы можем поставить вопрос: Связана ли категория **Облегчение Боли** с категорией **Боль** как следствие стратегий, принятых для облегчения этой боли? Заметьте здесь, что мы не говорим ни об определенных случаях или событиях, которые кодируются, ни об определенных свойствах или измерениях. Скорее, мы ставим вопросы с точки зрения самих концептуальных ярлыков и как одна категория может быть связана с другой. Если мы видели, что люди, страдающие артритом, использовали определенные стратегии для облегчения своей боли, то можем поставить вопрос: «В условиях Боли какие стратегии они используют для Менеджмента Боли?», тем самым связывая две категории.

Верификация формулировок данными

Имея в виду такие вопросы, связывающие категории, мы затем возвращаемся к нашим данным и ищем свидетельства — случаи и события, которые поддерживают или опровергают наши вопросы. Мы рассмотрим каждое из наших интервью, документов и тому подобное и рассмотрим, что делают люди с артритом, когда испытывают боль. Если наши вопросы поддерживаются данными, то мы можем

изменить вопрос на формулировку взаимосвязи, в качестве гипотезы, и сказать: «В условиях боли больные артритом используют стратегии Менеджмента Боли». И: «Когда больные артритом используют стратегии менеджмента, тогда они получают Облегчение Боли». Обратите внимание, что в этих формулировках нет конкретности, так как они являются просто широкими общими формулировками.

В то время, когда мы разыскиваем в данных доказательства, чтобы верифицировать наши формулировки связей, мы ищем также примеры, когда они могут не поддерживаться. Мы ожидаем в каждом рассмотренном интервью или документе, где человек жалуется на артритную боль, что он или она в действительности что-то делает в связи с ней и что действие приносит облегчение. Но выполнение чего-то и получение облегчения — неподходящие формулировки. Другими словами, некоторые люди могут ничего не делать, тем не менее, получают облегчение. Одни могут ждать какое-то время, другие могут что-то делать в предчувствии боли. Иные, возможно, ждут так долго, чтобы что-нибудь сделать, что когда они делают, то не получают облегчения боли. Все эти примеры уточняют наши первоначальные вопросы и формулировки связи. **Они не обязательно отрицают** наши вопросы или формулировки, или опровергают их, скорее **они добавляют вариацию и глубину понимания**. Проводя исследования по методу *обоснованной теории*, важно находить доказательства различий и вариации, равно как и обнаруживать свидетельства, поддерживающие наши первоначальные вопросы и формулировки. Негативные или альтернативные случаи говорят нам, что чем-то этот пример отличается. В этом случае мы должны включиться и тщательно рассмотреть, что это может быть. **Проследивание этих различий добавляет плотность и вариативность в нашу теорию.**

Дальнейшее развитие категорий и субкатегорий с точки зрения их свойств и местоположений измерений

В то время как мы исследуем наши данные, разыскивая свидетельства, поддерживающие наши вопросы и формулировки отношений, а также альтернативы к ним, мы продолжаем наблюдать свидетельства других свойств категорий и местоположения измерений каждого случая, который мы кодируем. Например, в отношении субкатегории облегчение боли мы бы хотели знать, что существуют и другие свойства, кроме тех, которые мы уже обнаружили во время открытого кодирования. И когда мы сравниваем каждое происшествие, мы хотим знать, где могут быть расположены измерения каждого свойства. Мы снова стремимся к точному определению, стараясь расположить и конкретно обозначить точное местоположение каждого события в данных. Это придает нашей теории концептуальную плотность и помогает нам обнаружить как можно больше вариаций. Будьте осторожны! Исследователь несет от-

ветственность за установление баланса между достаточным и излишним рвением в развитии плотности. (См. главу 11 о теоретической выборке.) Можно продолжать этот аналитический процесс бесконечно. Идея заключается в том, чтобы создать теорию, обладающую концептуальной плотностью, точностью и достаточной теоретической вариативностью, применимую ко множеству различных случаев, относящихся к любому данному феномену.

Соединение категорий на уровне аналитических измерений

Позднее, обсуждая избирательное кодирование (глава 8), мы покажем, как соединятся вместе все наиболее важные категории (помните, что мы можем иметь 5 или 6 категорий, каждая из которых развивалась с точки зрения ее субкатегорий). Но именно здесь, в осевом кодировании, реально начинается процесс соединения. В то время когда мы проводим наш анализ, мы обозначаем паттерны в наших данных с точки зрения местоположений измерений событий, случаев, касающихся свойства феномена. Другими словами, мы отмечаем различия между способами менеджмента боли у людей с интенсивной длительной болью в противоположность тем, кто испытывает умеренную непродолжительную боль. Или различия в облегчении боли, когда меры по ее облегчению (стратегии облегчения боли) принимаются в ее предчувствии, или когда траектория боли впервые начинается, в противоположность тому, когда меры принимаются позднее, и боль продолжается в течение некоторого времени. Разыскивание и обозначение этих паттернов очень важно и обеспечивает основу для избирательного кодирования.

Чтобы усложнить картину, добавим следующее. Когда вы работаете с данными, вы замечаете, как кластеры определенных свойств условий, стратегий и результатов, относящихся к феномену, взаимодействуют друг с другом, чтобы вызвать еще и другие различия. Например, вы можете отметить, что когда боль интенсивная и длительная, тогда меры для облегчения боли не действуют, и что со временем, обнаружив это, люди могут модифицировать свои стратегии, чтобы осуществить меры в более ранней точке траектории боли и получить на этот раз лучшие результаты. Такие изменения указывают на процесс или движение в данных. Хотя понятие процесса будет дано позднее, в главе 9, важно отметить такие изменения на раннем этапе.

Сложность

Если эти процедуры, техники и шаги в осевом кодировании кажутся чрезвычайно сложными, то помните, что и действительность, увы, сложна. К тому же, когда вы действительно кодируете данные, то

многое из того, что описано выше, происходит автоматически. Важно сознавать, что вы делаете это в соответствии с процедурой с тем, чтобы вы могли делать это целенаправленно. Развивая *обоснованную теорию*, мы пытаемся уловить сложность и движение в реальном мире, насколько это возможно, зная в то же время, что никогда не сможем охватить все. Помните, что для нас не имеет значение количество, хотя мы ищем доказательства, чтобы поддержать и уточнить наши формулировки связей относительно данных. **Открытие и подробное обозначение различий, так же как и сходства, между категориями и внутри категорий исключительно важно и находится в сердцевине обоснованной теории.**

Движение между индуктивным и дедуктивным мышлением

Как вы вероятно заметили, во время кодирования мы постоянно движемся между индуктивным и дедуктивным мышлением. То есть, мы дедуктивно предполагаем формулировки связей или возможные свойства и их измерения, работая с данными, затем фактически пытаемся верифицировать то, что мы вывели дедуктивно, сравнивая один случай с другим. **Имеется постоянная взаимосвязь между предположением и проверкой.** Это движение между дедуктивным и индуктивным мышлением и есть то, что делает нашу теорию обоснованной!

Например, во время кодирования мы можем видеть случай менеджмента боли и предположить, что следствием условий интенсивной боли будет принятие мер для ее облегчения. Затем мы проверяем каждый случай интенсивной боли, с которым сталкиваемся в данных, с тем, чтобы определить, так ли это, верифицируя индуктивно то, что мы предположили дедуктивно. Или мы можем читать интервью и столкнуться с такой формулировкой, как «когда я утром встаю (условие) и мои суставы окостеневшие и болезненные (феномен), то прежде чем встать, я сажусь на край кровати и медленно и осторожно (стратегии) двигаю каждым суставом. Потом, когда я встаю, движение становится менее неловким и менее болезненным» (следствия). Здесь условия, стратегии и следствия подробно обозначены для нас. Мы заметили их в данных сами. Однако одного случая недостаточно для подтверждения ряда связей, свойств или измерений. Предпочтительнее, чтобы **предполагаемые нами связи поддерживались данными снова и снова**, хотя детали могут различаться. То есть, скорее кто-то может сказать: «Прежде чем я пойду за покупками и на большую прогулку», нежели «Когда я встаю утром». Или скорее «медленно двигаю суставами», нежели «Я принимаю аспирин, чтобы уменьшить боль». Выход за покупками еще один пример условия, которое вызывает боль, тогда как прием аспирина это

превентивная стратегия менеджмента боли. Тем не менее конкретные случаи различаются.

Понятия и взаимосвязи, добытые путем дедуктивного мышления, следует вновь и вновь верифицировать фактическими данными. Первоначально их считают предварительными и если они не поддерживаются, то их отбрасывают. **В окончательном виде ваша теория будет ограничена теми категориями, их свойствами, измерениями и формулировками взаимосвязей, которые есть в фактически собранных данных** — отбрасывается не то, что вам кажется недостоверным, а то, что не прошло проверки. Мы строим *обоснованную теорию*, а именно целенаправленное обоснование или процесс верификации отличает этот способ построения теории от многих других способов. Это не означает, что вы не можете также проверить эти взаимосвязи количественными методами позднее или даже сразу. Это значит, что при построении теории вы должны собрать достаточно данных для повторного обоснования ваших категорий и их взаимосвязей. То, что вы не можете обнаружить в ваших данных, становится одним из ограничений вашего исследования. Другими словами, либо вы не собрали достаточно информации, не вышли к нужным людям, местам и так далее. Либо, возможно, ваши формулировки отношений не вполне верны и нужен пересмотр, чтобы привести их в соответствие с данными, над которыми вы работаете.

Прослеживание взаимосвязей

Иногда во время кодирования вы сталкиваетесь с тем, что является, по-видимому, стратегией, условием или следствием. Если вы идентифицируете событие или случай как таковой, вы можете вернуться к сквозному просмотру данных, чтобы определить местоположение феномена, к которому он, по-видимому, относится, а также другие условия, которые, по-видимому, относятся к этой ситуации. Вы можете обнаружить, какие стратегии помимо этой одной используются и с какими последствиями. Лучше целенаправленное прослеживание взаимосвязей, чем ожидание столкновения с ними в данных. Это делает ваш анализ более систематизированным, к тому же он будет происходить быстрее.

Использование минирамок и других записывающих техник

К настоящему моменту вас, возможно, интересует лишь то, как сохранить следы всех продуктов вашего анализа. Мы не будем входить в детали написания аналитических «памяток» и диаграмм, которые

будут обсуждаться в главе 12, а сейчас несколько предварительных рекомендаций.

Одной из техник для сохранения следов анализа является применение *минирамков*. Они порой представляют собой весьма сложные диаграммы, в которых показываются кратчайшие пути взаимодействия субкатегорий друг с другом и с категорией, к которой они относятся. Например:

Фаза 1

Боль

неизвестная причина
новый тип
интенсивная
краткая длительность
повторная
с довольно длинными интервалами
в одной части тела

вы оцениваете → решили «выждать»
может быть,
пройдет (на основании
прошлого опыта)

Феномен

Характерные свойства
которые определяют
Контекст менеджмента боли

Стратегия менеджмента

Фаза 2

Боль возвращается

все вышеуказанные свойства
вы переоцениваете ситуацию
и решаете принять аспирин

Феномен

Стратегия менеджмента

Фаза 3

Боль возвращается снова

менее интенсивная
с более длинными интервалами

Вы оцениваете ситуацию и принимаете
меньше аспирин

Феномен

Характерные свойства
которые определяют
Контекст менеджмента боли
Стратегия

Фаза 4

Боль возвращается еще раз

очень интенсивная
распространяется на другие части тела
длится дольше

Вы переоцениваете ситуацию
Идете ко врачу
Его или ее
специальная оценка
(включая проверки)
Операция!

Феномен

Характерные свойства
которые определяют
Контекст менеджмента боли
Стратегии

Другая техника использует *логические диаграммы*, как мы делали на протяжении всей этой главы, наполняя связи, свойства и интервалы измерений по мере продвижения вперед.

В этом случае, вы также можете просто сформулировать взаимосвязи в *аналитической памяти*, возможно, заглавными буквами и жирным шрифтом, рядом с примерами (напечатанными ниже и мелким шрифтом) из данных, которые либо направляют к этой формулировке отношений, либо обеспечивают поддерживающее свидетельство.

Выводы

Осевое кодирование является процессом связывания субкатегории с категорией. Это сложный процесс индуктивного и дедуктивного мышления, включающий в себя несколько ступеней. Они выполняются в открытом кодировании, путем проведения сравнений и постановки вопросов. Однако, в осевом кодировании использование этих процедур является более фокусированным и приспособленным к обнаружению и связыванию категорий, с точки зрения модели парадигмы. То есть, мы развиваем каждую категорию (феномен), с точки зрения каузальных условий, которые ее вызывают; точного местоположения измерений этого феномена, с точки зрения его свойств и контекста; стратегий действия/взаимодействия применяемых для того, чтобы справиться с этим феноменом; управлять им; реагировать на него в свете этого контекста и следствий любого действия/взаимодействия, которое принято. Далее, в осевом кодировании мы продолжаем искать дополнительные свойства каждой категории и отмечать местоположение измерений для каждого случая, происшествия или события.

Мы полагаем, что те, чьи проекты включают лишь тематический анализ или развитие понятий, могут считать здесь чтение этой книги завершенным. Вы, вероятно, уже достаточно освоили процедуры *обоснованной теории* применительно к этим альтернативным целям. Если же вас интересует разработка теории, продолжайте читать!

8

Избирательное кодирование

Определение терминов

История: Описательный рассказ (нарратив) о центральном феномене исследования.

Линия истории: Концептуализация [описательной] истории о центральной категории [исследовательского проекта].

Избирательное кодирование: Процесс избрания центральной категории, во время которого происходит систематическое связывание центральной категории с другими категориями, валидизация этих связей и наполнение категорий, требующих дальнейшего совершенствования и развития.

Центральная категория: Центральный феномен, вокруг которого объединяются все другие категории.

После некоторого периода (возможно, месяцев) сбора и анализа данных перед вами встает задача интегрировать ваши категории для формулирования *обоснованной теории!* Мы закончили эту фразу восклицательным знаком для того, чтобы подчеркнуть растерянность, переживаемую многими исследователями, достигшими этого этапа своего проекта. Интегрирование материалов — это задача, которую находят трудной даже опытные исследователи. Как писал в личной переписке Пол Аткинсон, соавтор блестящего учебника по полевым исследованиям (Hammersley & Atkinson, 1983):

Этот аспект — собрать все это вместе — одна из самых трудных вещей, не правда ли? Не говоря уже о том, как фактически достичь этого, трудно ввести правильное сочетание (а) веры в то, что это может и будет достигнуто; (b) признания того, что это должно быть разработано, и отнюдь не на основе романтического вдохновения; (c) что это не похоже на решение головоломки или математической проблемы, но должно быть создано; (d) что вы не можете всегда складывать в одну версию, и что любой проект может дать несколько разных способов свести это вместе.

Аткинсон имеет в виду, что окончательная интеграция является сложным процессом, но конечно, это может быть сделано. В этой главе мы предложим вам несколько направляющих линий, чтобы помочь взять это последнее препятствие между созданием списка понятий и рождением теории. **Интеграция не очень значительно отличается от осевого кодирования. Просто она выполняется на более высоком, более абстрактном уровне анализа.**

В осевом кодировании вы создавали основу для избирательного кодирования. Теперь у вас есть категории, разработанные с точки зрения их характерных свойств, измерений и взаимодействующих парадигматических связей, которые придают категориям полноту и плотность. К тому же, вам следует начать фиксировать возможные связи между более важными категориями вдоль линий их свойств и измерений. Далее, вы, вероятно, начали формулировать какую-то концепцию, о чем все ваше исследование. В конце концов, люди спрашивали вас в течение нескольких месяцев: Что вы изучаете и каковы ваши результаты? Несомненно, какие-то выводы вами сделаны, если не на бумаге, то в уме. Вопрос заключается в том, как вы берете то, что находится в «сыром» виде и, надеясь, что это есть в ваших диаграммах и аналитических «памятках» (см. главу 12), систематически развиваете это в картину реальности, которая концептуальна, понятна и, сверх всего, обоснована?

Это выполняется в несколько ступеней. Первая ступень включает выявление *линии истории*. Вторая ступень состоит в *связывании второстепенных категорий с центральной категорией* посредством *парадигмы*. Третья - включает *связывание категорий на уровне измерений*. Четвертая - заключается в *валидации этих связей* данными. Пятая и последняя ступень состоит в *наполнении категорий*, которые, возможно, нуждаются в дальнейшем совершенствовании и/или развитии. Здесь важно понять, что эти ступени не обязательно следуют друг за другом в линейной последовательности и что они не разграничиваются в практической работе. Именно в объяснительных целях мы проводим между ними различие. **В реальности переходят от одной ступени к другой, туда и обратно.**

Чтобы помочь пониманию процесса интеграции, будут использованы данные исследования, проведенного одним из авторов (Corbin), для иллюстрации этих процедурных шагов. Как вы увидите — исследование относительно несложное. В фокусе исследования — менеджмент беременности, осложненной хроническими болезнями. 20 женщин были отобраны в качестве субъектов исследования в конце первого или в начале второго триместра (трехмесячного срока беременности. — Т. В.); наблюдение за ними проводилось до истечения шести недель после родов. С каждой женщиной были запланированы четыре-пять структу-

рированных интервью. По одному интервью планировалось на каждый триместр беременности. Одно — в пределах той недели, когда произошли роды, а последнее — через шесть недель после родов. Кроме того, исследовательница делала наблюдения во время каждого предродового визита и в это время проводила с женщинами неформальные интервью. Если во время интервью или наблюдения присутствовали их супруги, их также наблюдали и интервьюировали. К тому же, по возможности, исследовательница также сопровождала женщин на особые проверочные процедуры, которые они проходили в связи с беременностью. В выборке было представлено множество различных заболеваний, включая диабет, сердечные и почечные заболевания, туберкулез кожи и гипертония. У некоторых женщин сочетались такие хронические заболевания, как диабет и болезнь почек. У одной женщины была пересаженная почка. Следует добавить, что исследователя с самого начала интересовало, главным образом, насколько хроническая болезнь может повысить риск беременности. Она понятия не имела, что сами женщины играют такую активную роль в управлении рисками беременности. Когда она начала понимать это, ее медико-клиническая перспектива сменилась на более открытое и менее предвзятое видение исследователя (Corbin, 1987).

Выявление линии истории

Чтобы достичь интеграции, необходимо сначала сформулировать и ответственно подойти к определению линии истории. По определению (см. выше), линия истории есть концептуализация описательной истории о центральном феномене исследования. (В процессе анализа он станет центральной категорией.) Иногда бывает трудно выполнить задачу по отношению к линии истории, потому что так погружаешься в данные, что не один, а все феномены кажутся выдающимися. Ниже мы будем обсуждать процедуры для выполнения этой задачи. Помните основные техники выполнения сравнений и постановки вопросов о данных.

Идентификация истории

Один из путей начать интеграцию состоит в том, чтобы сесть за *формулирование* либо на пишущей машинке, либо с карандашом и бумагой, и записать в нескольких предложениях суть вашей *истории*. Спросите себя, что в этой области исследования кажется наиболее поразительным? Что считать главной проблемой? Важно ограничить ваш ответ *лишь немногими предложениями*, так как здесь детали лишь

запутают проблему. Вы просто хотите сделать **общий описательный обзор** истории. Используем пример беременных женщин, страдающих хроническими заболеваниями. Когда пришло время интегрировать категории, исследовательница записала аналитическую памятку, которая выглядела таким образом:

Главная история, по-видимому, о том, как женщины с беременностью, осложненной хроническими заболеваниями, управляют рисками, которые они осознают как сопряженные с их беременностью. О каждой беременности/болезни можно сказать, что она имела нормальное течение, указывая на управляемые риски; или аномальное течение, указывая на неуправляемые риски. Женщины управляют воспринимаемыми рисками, чтобы иметь здорового ребенка. По-видимому, этот желаемый результат является главной силой, побуждающей их делать все необходимое для минимизации рисков. Однако они не являются пассивными реципиентами медицинской помощи, но играют очень важную роль в процессе менеджмента рисков. Они не только ответственны за мониторинг своей болезни и беременности дома, но также очень активно выполняют решения относительно режимов, которым им предписано следовать. В связи с этим они обсуждают, какой вред может быть для ребенка от таких процедур, как амниоцентез, или от приема больших доз определенных медикаментов во время беременности. Они осторожно взвешивают риски и составляют свои собственные суждения о том, как правильно поступить. Если они думают, что доктор не прав, то делают то, что им (женщинам) следует делать.

В данном примере именно управление «факторами риска», сопряженными с беременностью/болезнью, рассматривалось как первостепенная проблема. Мотивацией такой активной управляющей роли было чрезвычайное желание иметь здорового ребенка. Причиной, по которой исследовательница предпочла сфокусировать свое внимание именно на управлении рисками, было то, что этот феномен устойчиво прошел в каждом интервью и наблюдении. Каждая женщина говорила о желании иметь здорового ребенка, несмотря на риски, и о стремлении сделать все необходимое для достижения этой цели.

Движение от описания к концептуализации: линия истории

Полезно и, вероятно, необходимо использовать описание («историю»), для того чтобы изложить мысли на бумаге. Все же, так как вы поставили себе задачу относительно истории, то вам необходимо перейти от описания к концептуализации, то есть к *линии истории*. Пришло время рассказать историю **аналитически**. Это означает, точно так же как в открытом и осевом кодировании, что центральному феномену следует

дать название (и в качестве категории он будет последовательно соотноситься с другими категориями). Здесь вы можете сначала взглянуть на ваш перечень категорий, чтобы определить, достаточно ли абстрактна одна из них, чтобы охватить все, что было описано в истории. Иногда у вас уже есть такая категория. Теперь она становится *центральной категорией*. В другой раз ни одна категория не кажется достаточно широкой, чтобы охватить все. Что вы тогда делаете? Ответ заключается в том, что вы должны дать название центральному феномену.

В указанном выше примере исследователь имел много категорий, но ни одной достаточно широкой, чтобы охватить главную идею управления риском для защиты развивающегося внутриутробного плода. По-видимому, каждая категория описывала часть, но не феномены в целом. После долгого обдумывания был выбран термин «Защитное Управление» в качестве центральной категории. *Управление* подразумевает предпринимаемые матерями действия по контролю рисков, сопряженных с беременностью. *Защитное* указывает, что эти действия носили защитный характер. (Было бы интересно найти негативные случаи — женщин, которые не предпринимают защитные действия — но таких не нашли во время этого исследования). Грамматическая форма, которую принимает центральная категория, может быть различной. Это может быть существительное, например, траектория, работа, сознание, умирание. Это может быть также сочетание прилагательного и причастия, как Защитное Управление¹⁾, либо сочетание причастия и существительного, например, Становящаяся Матерью и Живущий с Артритом. Выбор за аналитиком. Единственное требование состоит в том, чтобы концептуальный ярлык соответствовал истории, которую он представляет.

Проведение выбора между двумя или более выдающимися феноменами

Иногда два феномена в данных поражают исследователя как одинаково значительные и интересные. **Весьма важно, однако, сделать выбор между ними**, чтобы достичь компактной интеграции и плотной разработки категорий, требуемых в *обоснованной теории*. Полностью вывести две центральные категории, затем интегрировать и описать их ясно и точно очень трудно. Это трудно даже в том случае, если имеется опыт

¹⁾ В английском оригинале эта категория называется «Protective Governing». В некоторых случаях трудно подобрать русский перевод, который бы совпадал с оригиналом и по смыслу, и по частям речи. Учитывая эту трудность, в «Словаре терминов» в конце книги даны параллельно английские названия категорий и других авторских терминов, и соответствующие им переводы на русском языке. (Т. В.)

и в исследовании, и в письменном изложении. (По существу, он или она конструировал (а) бы и писал (а) о двух разных, но связанных теориях.) **Способ подхода к этой проблеме заключается в том, чтобы выбрать один феномен, связать с ним другую категорию, как вспомогательную, а затем описать это как одну теорию.** Потом, в другом докладе или монографии, вы можете приняться за вторую идею и сделать то же самое.

Например, в исследовании авторов возникли два значительных феномена. Каждым из них было бы интересно заняться и написать о каждом из них. Один феномен — ход клинического заболевания и его менеджмент, проведенный супружеской четой. Другой феномен — влияние физических недостатков на биографии людей. Когда пришло время интегрировать исследование, мы решили сосредоточиться на ходе болезни и ее менеджменте. Биография сохранилась как второстепенная идея, как действующий феномен, как условие менеджмента, и сам, в свою очередь, находящийся под влиянием менеджмента. В будущей публикации физические недостатки и их влияние на биографию будут поставлены в центре внимания. Хроническая болезнь и ее менеджмент — в этом случае будут рассматриваться как ряд условий, влияющих как на степень физических недостатков, так и на менеджмент биографии в связи с этим недостатком.

Что, если я не смогу определить линию истории?

Иногда исследователи являются также практикующими специалистами, которые проводят исследования в области своей практики. В этом случае они обнаруживают, что им трудно в достаточной степени дистанцироваться от своих материалов, чтобы дать адекватное описание и концептуализацию линии истории, и, таким образом, выбрать центральную категорию. Здесь помогает получение консультации более опытного исследователя, преподавателя или коллеги. Кого-то, кто может выслушать и помочь все это рассортировать. Консультант может задать такие вопросы, как: Какие феномены снова и снова отражаются в ваших данных? Дайте мне резюме ваших результатов. Какое ценное сообщение в этой области исследования вы хотите передать другим? Что вы считаете важным в этой области и почему? (В качестве примера подобной консультативной сессии преподавателя и студента см.: (Strauss, 1987, p. 166)

Определение свойств и измерений центральной категории

Подобно другим категориям, *центральная категория* должна разрабатываться с точки зрения ее свойств. Если вы излагаете историю

правильно, то вдобавок к центральной категории **история должна показать также и ее свойства.**

Возвращаясь к примеру по теме беременности: были идентифицированы два наиболее важных свойства и их измерения. Это были «воспринимаемые риски», которые изменялись в интервале измерений от высокого до низкого. Имелись два источника рисков, беременность и болезнь, каждая усложняла другую, и каждая имела свое течение. О каждой беременности и болезни можно было бы сказать, что она протекает нормально, т. е. проходит таким образом, как это должно быть, потому что риски ограничивались. Или могла иметь аномальное течение, указывая на какие-то нарушения, потому что факторы риска не контролировались. Графически свойства и интервал их измерений выглядят таким образом:

<i>Свойство</i>	<i>Интервал измерений</i>	
воспринимаемые риски	низкие	высокие
течение беременности-болезни	нормальное	аномальное

После того как свойства центральной категории идентифицированы, **следующий шаг состоит в том, чтобы связать с ней другие категории,** тем самым, делая их *второстепенными категориями.* Однако прежде чем продолжить нашу дискуссию, рассмотрим два вопроса относительно центральной категории.

Первый вопрос — должна или нет, центральная категория быть «основным психосоциальным процессом» (Glaser, 1978, с. 100: см. также главу 9, в которой «процесс» обсуждается подробно). Ответом будет — нет. *Обоснованная теория* это модель, ориентированная на действие. Следовательно, теория каким-то образом должна показывать действие и изменение или причины для небольшого или минимального изменения. Но сама по себе центральная категория не должна быть процессом, и еще менее основным психосоциальным процессом, хотя это, конечно, может быть. (См. также главу 11 о «процессе».)

Припомните из нашего обсуждения линии истории, что вопрос о центральном феномене является решающим для исследования. **Центральный феномен находится в сердцевине процесса интеграции.** Он служит цементом, необходимым для скрепления и надлежащего поддержания вместе всех компонентов теории. После того как мы определили феномен и назвали его в качестве центральной категории, мы проходим все остальные процедурные шаги, описанные в этой главе. Но анализ сфокусирован именно на феномене, который является центральной категорией исследователя.

Например, понятие «осознание» (Glaser & Strauss, 1965) — это существительное, которое высказывается об особом типе феномена, то есть о различных типах осознания в X пространстве. Книга, в которой

анализируется этот феномен, показывает действие и изменение, тем самым, внося в анализ процесс, так же как и все элементы парадигмы. Он (феномен) говорит о том, как различные типы осознания (контекст) возникают (условия действия/взаимодействия), как они поддерживаются (стратегии), как они изменяются (процесс), и что это означает для тех, кто включен в него (следствия). Однако в самой книге «осознание» — это понятие, вокруг которого организована книга.

Второй вопрос касается критериев выбора центральной категории. Критерии должны соответствовать феномену и описывать феномен, для которого они установлены. Поэтому критерии должны быть достаточно широкими, чтобы охватывать и связывать другие и второстепенные категории. Центральная категория должна быть как солнце, которое находится со своими планетами в упорядоченных и систематизированных отношениях.

Связывание других категорий с центральной категорией

Связывание категорий с центральной категорией проводится посредством парадигмы — условий, контекста, стратегий, следствий. Как отмечалось ранее, названия, данные категориям не обязательно включают эти парадигмальные термины. Таким образом, проблема состоит в том, чтобы идентифицировать, какая категория какую часть парадигмы обозначает. В сущности, благодаря этой идентификации они выстраиваются как субкатегории в парадигмальной взаимосвязи. Упрощенно аналитическое упорядочение выглядит таким образом: А (условия) направляет к Б (феномен), который направляет к В (контекст), который, в свою очередь, направляет к Г (действие/взаимодействие, включая стратегии), которые затем направляет к Д (следствия).

Теперь мы оставим в стороне детали, касающиеся каждой субкатегории, и ограничимся работой с самими категориями. Помните, что в действительности связывание категорий друг с другом гораздо сложнее, это не просто причина, направляющая к следствию из-за наличия промежуточного ряда условий, вступающих в силу в различные моменты времени (см. в главах 7 и 10 обсуждение промежуточных условий). Именно эти промежуточные условия объясняют, почему один человек имеет определенный результат или выбирает определенный ряд стратегий, в то время как другой нет. Поэтому так важно идентифицировать и связывать эти условия с другими категориями.

Возвращение к истории

Каким образом категории выстраиваются и перестраиваются в границах их парадигмальной взаимосвязи, чтобы адекватно соответствовать линии истории? Чтобы показать это, вернемся снова к нашей истории. Только на этот раз немного больше наполним ее описательными деталями. Теперь наша история о беременных женщинах, страдающих хроническими заболеваниями, будет выглядеть так:

Наличие хронического заболевания изменяет характер беременности, добавляя элемент риска, которого не было бы в другом случае. Именно взаимодействие между болезнью и беременностью создает факторы риска. Двадцать-тридцать лет тому назад женщины при таких условиях, как наличие диабета, болезни почек и туберкулеза кожи, бывали очень счастливы, если им удавалось родить живого ребенка. Кроме того, их собственное здоровье к тому моменту, когда они достигали возраста деторождения, было в такой опасности, что они были счастливы даже тем, что способны забеременеть и/или сохранить беременность. Сегодня многие хронические болезни могут излечиваться и оставаться под контролем, в огромной степени улучшая здоровье женщин в детородном возрасте. Хотя такая беременность еще требует особого подхода, современная технология уже реально увеличила шансы женщин на рождение живого и здорового ребенка и обеспечивает средство подхода к определенным неонатальным проблемам, которые могут появиться после рождения ребенка. Естественно, чем серьезнее болезнь и чем труднее держать ее под контролем, тем больше связанные с ней риски. К тому же, в течении беременности существуют определенные моменты, которые кажутся медицинскому персоналу более опасными, нежели другие. Например, для диабетиков тридцать седьмая неделя является, по-видимому, поворотным пунктом, поэтому мониторинг команды здоровья с этого момента усиливается.

Интересно отметить, как женщины приходят к **определению уровня риска**. Они собирают данные из множества источников, получая информацию от своих докторов и медсестер. Но они, к тому же, опираются на свой собственный прошлый опыт и опыт других, связанный с болезнью и беременностью. Они также бдительно относятся к своему утробному плоду, интерпретируя его движения, и объясняют его ощутимый рост с точки зрения своих собственных увеличивающихся размеров. Они также проводят **мониторинг** своего физического самочувствия. Все это дает им информацию для собственной оценки уровня риска.

Другой важной характеристикой является то, что женщины, как и члены группы медиков, **взвешивают** различные риски, сопряженные с различными предложенными средствами. Они взвешивают риски не только для ребенка, но и для себя и других (**поддержание баланса**).

Если женщины считают, что определенная дозировка лекарства слишком высока или слишком низка, так что это повредит ребенку, то они либо обсуждают со своими докторами изменение лечения, либо меняют его сами. Или, если они считают, что средство лечения, которое они получают, неподходящее, то пытаются обсудить его замену. Если эти переговоры безуспешны, то они даже оставляют больницу вопреки совету медиков, чтобы спасти своих детей и самих себя. Кроме того, женщины взвешивают риски различных режимов и средств лечения для жизнедеятельности своих семей. Для женщины с двумя другими маленькими детьми очень трудно отдыхать каждый день. Если у нее нет никого, кто мог бы присмотреть за ее детьми, то она не сможет отдыхать.

Менеджмент является совместной функцией, разделяемой между женщинами и группой медиков. Включаясь в систему охраны здоровья, эти женщины делегируют часть функции управления своим терапевтам, а именно ту часть, которая включает диагностику и определение средств лечения. Фактически лечение проводится женщинами (и их супругами) дома, конечно до тех пор, пока они не нуждаются в госпитализации. Их стратегии менеджмента, так же как и стратегии их врачей, нацелены на **контролирование** рисков. Некоторые стратегии направлены на контролирование физических рисков вреда для ребенка и матери, некоторые на контроль психологического страха, сопряженного с физическими рисками. Отец ребенка также играет заметную, но менее очевидную роль в процессе менеджмента. Его роль больше поддерживающая. Когда только возможно, отцы приходят вместе со своими женами на предродовые проверки. Они почти всегда приходят сюда, если могут уйти с работы, или когда женщина подвергается особой процедуре, или нуждается в госпитализации, или должна принимать другие важные решения. Результаты контролирующих стратегий меняются. Если течение болезни и беременности проходит нормально, риски сдерживаются, то цель иметь здорового ребенка достигнута. Иногда риски не удавалось сдерживать. Несмотря на напряженный труд команды медиков и женщины, беременность дестабилизировалась из-за болезни или болезнь вызывала акушерские осложнения. Один ребенок умер из-за осложнений вскоре после родов. Другим детям временно был предоставлен интенсивный уход медсестер, и, в конечном счете, они были выписаны из больницы в хорошем состоянии. Все женщины были уверены, что их дети, действительно, особенные, потому что они так много испытали, чтобы иметь их. Кроме того, некоторые пары почувствовали, что опыт заставил их сблизиться благодаря тому, что они многое пережили вместе.

Используя такую историю как путеводную нить, аналитик может начать **выстраивать и перестраивать категории с точки зрения пара-**

дигмы до тех пор, пока не окажется, что они соответствуют истории и обеспечивают ее аналитическую версию. В противном случае категории останутся лишь перечнем проблем. Вот иллюстрация такого упорядочения. В процессе изучения беременности возникли категории: Факторы Риска (источники рисков), Контекст Риска, Желание иметь Здорового Ребенка, Оценивание, Поддержание Баланса, Контролирование (совместный процесс управления), Результат (ограничение риска). Были еще две заметные категории. Они стали свойствами центрального понятия **Защитное Управление**, который однажды уже был идентифицирован. Помните, это были свойства: **уровень воспринимаемого риска и течение беременности/болезни**.

В конечном счете Факторы Риска (интерактивный эффект беременности и болезни) рассматривались как образующие условия риска, которые ведут к необходимости особого типа управления, названного Защитное Управление. Контекст Риска идентифицировался как *контекст*, направляющий к действию. Он показывал, где вдоль континуума риска женщина поместила себя и видела она или нет, что ее беременность и болезнь протекают, каждая из них, по своему соответствующему курсу. Здесь, как и в осевом кодировании, Контекст Риска был образован посредством взаимодействия свойств Защитного Управления. Контекст изменялся в соответствии с интервалом *измерений* или возможной комбинации воспринимаемого уровня риска и течения беременности/болезни. Оценивание (действие) рассматривалось как *условие, промежуточное* между феноменом Защитного Управления и Контекстом Риска. Потому что оценивание информации стало средством, при помощи которого женщины определяли свою беременность как уровень рисков. Им приходилось собирать информацию о своих специфических факторах риска, и точность собранной информации была основана на уровне знаний, опыте прошлой беременности, интерпретации событий, которые происходили во время предродовых проверок и так далее.

Контролирование стало термином для обозначения *стратегий* женщин, используемых для управления как физическими, так и психологическими рисками, которые они связывали со своей беременностью. (Хотя контролирование – это процесс менеджмента, в котором участвуют как медицинская бригада, так и женщины. Ниже мы будем говорить только о действиях женщин). Мотивация и поддержание баланса рассматривались как характерные условия, промежуточные между контекстом риска и контролированием, поскольку возможности выбора средств лечения всегда уравновешивались их желанием иметь здорового ребенка. (Для них были, конечно, открыты возможности выбора, встроенные в это поддержание баланса. То есть, доступность технологии, знания их врачей о ней, плюс многие другие промежуточные

условия, например, опыт болезни.) Контролирующие действия были, в сущности, результатом этого процесса поддержания баланса. Категория Результат Сдерживания Рисков стала эквивалентом *следствий* или конечным результатом этих контролирующих стратегий. Иными словами, ограничение факторов риска беременности/болезни, в конечном счете, приводило к рождению здорового ребенка. Графически аналитическая диаграмма выглядит таким образом:

Факторы Риска, сопряженные с беременностью + Хроническая болезнь → направляет к Необходимости Защитного Управления

Как Защитное Управление осуществляется:

Оценивание направляет к Определению Контекстов Риска, которые изменяются через Мотивацию, Поддержание Баланса + Другие Промежуточные Условия → направляют к F Стратегиям Контролирования Рисков → которые затем дают результат в Сдерживании Рисков.

Это упорядочение категорий не было бы достигнуто без длительного осмысления. Местоположение некоторых элементов было очевидным. Например, нет сомнения, что контролирование является стратегией. Определить местоположения оценивания и поддержания баланса было, однако, труднее. Они обозначают действие, не будучи фактически стратегиями, которые контролируют результат, хотя и влияют на него. Вместе оценивание, балансирование и контролирование могут рассматриваться как средства, с помощью которых фактически осуществляется защитное управление в виде трехступенчатого процесса.

Изложение истории и ее последовательный порядок являются ключами к четкому упорядочению категорий. Если история рассказана точно, и логично, то упорядочение категорий не должно вызывать больших затруднений.

Трудность упорядочения категорий

Если на этапе сравнений в вашем исследовании вы еще испытываете затруднения, когда связываете ваши категории, то вам следует заново записать или заново рассказать вашу историю. Трудность интегрирования означает, что в логике вашего рассказа что-то неверно или упущено. Возможно, вам придется переписать его несколько раз до тех пор, пока вы не сделаете это правильно, и местоположение категорий приобретет для вас смысл.

Валидация взаимосвязей

Теперь можно записать гипотетическую формулировку взаимосвязей между категориями. Хотя и несколько сложно, формулировка

менеджмента беременности может выглядеть так: В условиях беременности, осложненной хронической болезнью, женщины предпринимают защитные действия, чтобы управлять воспринимаемыми рисками посредством оценивания уровня риска, поддержания баланса между своими возможностями выбора средств лечения и использованием совместного процесса управления, названного «контролированием» с тем, чтобы иметь возможность сдерживать риски и иметь здорового ребенка. Вооружившись такой формулировкой, можно вернуться к данным или в поле, чтобы валидизировать ее. Имеет ли формулировка силу для каждого субъекта исследования в широком смысле? Это было сделано в реальном исследовании, формулировка подтверждалась всякий раз. Но заметьте, что формулировка очень статична и в действительности не объясняет сложности и вариации, которые видит исследователь. И что теперь? Чтобы ответить на это, мы переходим к следующему этапу процесса интеграции.

Раскрытие паттернов

Во время осевого кодирования начинают отмечать определенные «паттерны» (повторяющиеся взаимосвязи между свойствами и измерениями категорий). Например, при изучении беременности исследователю стало очевидно, что восприятие женщинами рисков на протяжении беременности подвержено тенденции к изменению, в зависимости от обстоятельств беременности и болезни; и что когда изменялось их восприятие, изменялись их стратегии.

К тому же, в построении категорий во время осевого кодирования, естественно, происходит определенная интеграция. Возьмите например, категорию Оценивание. Когда мы спрашиваем, почему женщины постоянно оценивают [риски], мы автоматически отвечаем «вследствие рисков, источником которых является совместный эффект беременности и болезни». Таким образом, две категории, Оценивание и Факторы риска связываются, хотя даже в осевом кодировании предполагаемые взаимосвязи еще совсем расплывчатые.

Другими словами, уже существует ткань, сеть концептуальных взаимосвязей, хотя в такой степени неопределенная и запутанная, что позднее, во время избирательного кодирования, аналитику придется ее сортировать и совершенствовать. **Очень важно идентифицировать эти паттерны и соответственно группировать данные, так как именно это придает теории конкретность.** Потом он может сказать: При этих условиях (перечислив их) случится это, тогда как в других условиях вот что произойдет.

Систематизация и сплочение связей

Чтобы систематизировать и сплотить связи, мы применяем комбинацию индуктивного и дедуктивного мышления, при этом мы постоянно переходим от одной процедуры к другой, то задавая вопросы, то выдвигая гипотезы или проводя сравнения.

Из нашего обсуждения кодирования вам известно, что контекст это определенный ряд свойств феномена — условий, в которые включены действия. Вы также знаете, что в действительности контекст является систематизацией. Систематизацией чего? Свойств общего (генерального) феномена, упорядоченных в различных комбинациях вдоль интервалов измерений с целью формирования паттернов. (Эта последняя формулировка служит только для уточнения первоначального определения, данного и обсуждавшегося в главе 7.)

Чтобы увидеть, как это работает визуально, вернемся к нашему примеру Защитного Управления. Его свойства были идентифицированы, а именно: «восприятие рисков», которое может ранжироваться от высокого до низкого, и «течение» беременности/болезни, которое может ранжироваться от нормального до аномального. Они объединяются в различные паттерны, для того чтобы образовать контекст действия. При изучении беременности были идентифицированы четыре контекста. Вот они:

- (1) Нормальный контекст пониженного риска
- (2) Нормальный контекст повышенного риска
- (3) Аномальный некритический контекст
- (4) Аномальный критический контекст

Способы раскрытия этих комбинаций

Имеются несколько способов, с помощью которых можно раскрыть эти паттерны. **Комбинации могут возникать просто во время анализа.** После погружения в данные на месяцы не можешь не отметить различия или возникающие паттерны. Возможно, исследователь не сразу распознает все особенности этих паттернов, но у него появится ощущение различия. При изучении беременности исследователь отметил, что восприятия рисков со временем подвержены тенденции к изменению, соответственно обстоятельствам беременности и болезни. Когда исследователь теоретически чувствителен к этому изменению, он ищет в данных дополнительные доказательства формирования паттернов так же, как специфику почему, как и так далее.

Или, зная свойства центрального феномена, вы можете дедуктивно вывести различные комбинации. Таблица-четырёхчленка хорошо выполняет эту функцию.

Иногда вы случайно сталкиваетесь с различиями между паттернами. Во время кодирования вы замечаете в данных какое-то отличие и прослеживаете его с начала, чтобы сделать очевидным обнаруженное отличие. Или во время наблюдения у вас происходит внезапная вспышка интуиции, ускоренная вашими наблюдениями или чем-то, сказанным в интервью, и тогда связи, которые вы обдумывали неделями, становятся ясными. То же самое может случиться, когда вы говорите с коллегой или читаете соответствующую литературу, или даже когда вы едете по улице. Внезапная вспышка и «высшее состояние», которое часто сопровождает ее — это то, что *обоснованные теоретики* часто называют «радостью открытия». (Всегда мудро иметь карандаш и бумагу под рукой, чтобы бегло записать эти молниеносные аналитические озарения; Glaser, 1978, p. 58.) (Мы обсуждали эту процедуру в главе 7 Осевое кодирование.)

Группировка категорий

После того как исследователь идентифицировал различия в контексте, он может приступить к систематической группировке категорий. **Они группируются вдоль интервалов измерений их свойств в соответствии с обнаруженными паттернами. Эта группировка проводится опять-таки путем постановки вопросов и проведения сравнений.** Вернитесь снова к исследованию о беременных женщинах и осмыслите категорию Оценивание. Одним из свойств Оценивания было то, что оно было основано на Информации (Сигналах). То есть женщины следили за сигналами о характере факторов риска, поскольку составляли себе мнение, подходящее для них. Сигналы, в свою очередь, имели субсвойство — тип (сигнала). Тип сигнала подразделялся на физический, интерактивный, темпоральный (временной) и целевой. На этом этапе анализа данных следует задать вопрос: Как изменялись сигналы в соответствии с различными контекстами? Можно поставить вопрос иначе: Как различаются физический, интерактивный, темпоральный и целевой сигналы между нормальным контекстом/низкого риска и нормальным контекстом/повышенного риска? Как, в свою очередь, различаются сигналы между некритическим/аномальным контекстом и критическим/аномальным контекстом? Заметьте, что фактически мы проводим сравнения по потенциальным интервалам измерений. То есть, интерактивный, темпоральный, физический и целевой сигналы должны различаться по типу, интенсивности и так далее. Эти различия позволяют нам сочетать сигналы с различными контекстами.

В исследовании беременности не только Оценивание было проанализировано таким образом, но и Факторы Риска, Поддержание Баланса,

Контролирование, Результаты. В помощь анализу исследователь задавал следующие вопросы. Как факторы риска болезни и беременности различались в каждом из этих контекстов? Какими возможностями располагали женщины для поддержания баланса в каждом контексте, и как их желание иметь здорового ребенка влияло на решения, которые они принимали? Какую форму принял совместный менеджмент в каждом контексте в плане контролирующих стратегий? Как отличались результаты стратегий? При систематическом рассмотрении данных подобным образом отдельные части аналитической задачи, с которой неизбежно сталкивается исследователь, начинают складываться в единое целое. В этом случае данные связываются не только на широком концептуальном уровне, но также и на уровнях свойств и измерений каждой очень важной категории. Теперь у вас есть элементарное знание теории!

Обоснование теории

Валидизация теории данными завершает ее обоснование. Это делается посредством изложения теории в аналитических «памятках» либо в виде диаграммы, либо в виде нарратива. В этом случае формулировки взаимосвязей категорий в изменяющихся условиях контекстов становятся очевидными и окончательно валидируются данными. Опять-таки эти процедуры можно успешно описать, используя данные из исследования беременности.

Изложение теории

Если изложить теорию Защитного Управления нарративно, то на данном этапе это выглядело бы примерно следующим образом. (Многие детали были опущены.)

*Защитное Управление в условиях
нормального контекста пониженного риска*

Риски оцениваются как относительно низкие. Беременность и болезнь воспринимаются как протекающие нормально, вследствие стабильного курса рисков болезни и беременности. **Физический, Интерактивный, Темпоральный и Объективный Сигналы**, которые приводят женщин к этому **Оцениванию**, включают: малые и/или умеренные физические симптомы болезни, медицинские результаты тестов в «нормальном» интервале, сердцебиение и рост ребенка были нормальными, и наблюдалось движение плода. Женщины чувствовали себя «здоровыми» и верили, что «болезнь под контролем». Большинство из них находилось на ранней стадии беременности. В результате оценивания все женщины пришли к выводу, что **Проблема**, с которой они

столкнулись, заключается в том, чтобы сдерживать риск и сохранять нормальное течение болезни и беременности.

С точки зрения **Поддержания Баланса** они сознавали себя **Имеющими Выбор**, когда есть возможность выбора лечения. Одни могли прервать прием рискованных лекарств в это время. Другие, во всяком случае, могли снизить дозировки. Иные средства лечения — такие как отдых и диета — рассматривались гибко. Женщины делали то, что было необходимо в пределах того, что было приемлемо для них и жизнедеятельности их семей.

Совместный Менеджмент в этом контексте может быть описан как **Дополнительный Контроль** или разделенная ответственность между женщинами и группой медиков. Женщины воспринимали роль группы медиков как **Вспомогательную Поддержку**. Стабильность болезни/беременности и уверенность женщины в своей способности управлять ими были в ряду важных промежуточных условий, делающих возможным этот тип менеджмента. Контролирующие стратегии группы медиков можно описать как **Надзор за Благополучием Женщины и Внутриутробного Плода**. Надзор группы обычно проводился **В Пределах Ограничений**, обусловленных графиком занятости врачей, и потому не требовал столько времени и энергии персонала. Контролирующие стратегии женщин могут быть описаны как **Инвестирование в Здоровье Ребенка и Собственное Здоровье**. В осуществлении этого типа контроля были задействованы несколько тактик. Например, женщины более строго придерживались своего медицинского режима, чем когда не были беременны. Поскольку многие уже проходили лечение, чтобы контролировать свои болезни, то они были особенно осторожны, избегая потенциально тератогенических веществ, таких как кофе и алкоголь. Они перестали принимать лекарства, которые можно было легально приобрести без рецептов, например, аспирин, предпочитая мириться с дискомфортом от головной боли. Они совершенствовали свои диеты, потребляя больше овощей и увеличивая прием белков. Для того чтобы делать все это, потребовалась некоторая адаптация дома, но большинство женщин обнаружили, что их семьи склонны к сотрудничеству с ними. Женщины стали особенно наблюдательны, часто обсуждая с врачом сокращение дозировок медикаментов, выражая готовность больше отдыхать и так далее, если врач считал, что это могло бы помочь. Контролирующая стратегия супругов в этом контексте была описана как **Наблюдение за своей Инвестицией**. Тактика супругов по отношению к женам включала напоминания придерживаться режима, похвалы им за их усилия и участие в сборе информации об особых нуждах, сопутствующих беременности.

Женщины испытывали некоторые психологические страхи, **Логически Вытекающее Беспокойство** о результате, в то время когда они

находились в рамках контекста нормального течения низкого риска. Они посещали предродовые лекции, придумывали имена своим детям, воображали их появление, покупали одежду и выбирали мебель. Для того чтобы смягчить любые потенциальные страхи, которые у них могли быть, они использовали позитивное мышление и воображение.

Были случаи, когда **Восприятия Рисков Различались** у женщин и у группы медиков. Женщины оценивали риски выше или ниже, чем эти риски оценивались группой медиков. Когда подобное случалось, каждая сторона применяла стратегии и контрстратегии, пытаясь убедить другую сторону. Иногда они были успешными, иногда — нет (по особым аналитическим причинам). Все же именно восприятие рисков соответствующими сторонами направляло их действия, независимо от согласия другой стороны

Если контролирующие усилия были успешными, риски ограничивались, беременность и болезнь сохраняли нормальное течение. **Наградой** за их усилия были **Ограничение риска** и **Результат** — «здоровый» ребенок и мать. У женщин происходили вагинальные роды, на которые они возлагали надежды. Они хотели к тому же иметь шанс еще одной беременности. Непосредственно после родов и шесть недель спустя женщины выказывали сильную привязанность к своим младенцам.

Этот контекст низкого риска/нормального течения составляет определенный контраст по сравнению с другим контекстом, описанным ниже, для того чтобы показать различия аналитически.

Аномальное течение, некритический контекст

Риски оценивались как высокие, течение беременности/болезни как аномальное, болезнь или беременность протекали неудачно. Или что-то одно, или и то и другое больше не было стабильно. Медицинские или акушерские осложнения угрожали повлиять на результат, но состояние еще не оценивалось как критическое. Сигналы, которые привели женщин к такому **Оцениванию**, включали: рост таких медицинских симптомов, как затруднение дыхания или утомляемость, так что даже обычная деятельность стала доставлять им беспокойство. Другие сигналы были развитием таких родовспомогательных осложнений, как преждевременные схватки, кровотечение и преэклампсия. Или женщине сообщали, что рост ее ребенка неадекватен, что он мал «для срока беременности». Или по достижении тридцати семи недель бригада медицинской помощи усиливала свой мониторинг, включая использование дополнительных акушерских тестов. Правда были и позитивные симптомы, убеждающие женщин, что у них еще есть шанс родить здорового ребенка. Сильные сердечные тоны плода и нормальное количество движения плода были в числе успокаивающих сигналов, восстанавливающих уверенность. **Проблема**, как они видели ее теперь, заключалась

в том, чтобы держать болезнь/беременность под контролем, вернуть ее в нормальное русло, ограничить возможные риски.

В значительной степени женщины руководствовались желанием иметь здорового ребенка. **Поддержание Баланса** в этот момент было более сложным, потому что у них было меньше возможностей для выбора. Они вынуждены были идти на **Компромисс**. Иногда сохранение беременности означало принятие лечения, которое имело потенциальное побочное действие. Это был вопрос выбора наименее рискованного лечения. Кроме того, госпитализация часто означала риски для работы, школьного обучения других детей и так далее. Здесь женщинам также приходилось выбирать между благополучием ожидаемого ребенка и благополучием на работе и в семье. Хотя приоритет отдавали ребенку, решение поставить это на первое место часто давалось с трудом.

Совместный менеджмент в этих условиях был назван **Вверенный Контроль**. Нестабильность болезни и/или беременности и уверенность женщин в том, что группа медиков сможет ограничить риски, были промежуточными условиями, которые сделали возможным этот тип контроля. Группа медиков реагировала **Ростом своих Контролирующих Усилий**, с такими тактиками, как: более частые осмотры женщин, обсуждение с другими врачами, увеличение акушерских и медицинских тестов, изменение методов лечения, часто госпитализация, для того чтобы приобрести больший контроль менеджмента. Контролирующие стратегии женщин в это время были названы **Принятие Необходимых Мер**. Они усилили свой мониторинг симптомов, сообщая обо всех изменениях своим врачам. Они модифицировали свою деятельность по необходимости, даже если это означало временную госпитализацию или переезд к родственникам, которые могут позаботиться о них. Медицинский режим строго выдерживался. Ситуация дома часто накладывала ограничения на их усилия менеджмента. Если женщина не могла найти никого, кто бы заботился об ее другом маленьком отпрыске, то она не могла быть госпитализирована, однако должна была делать все возможное дома. С медицинской точки зрения, госпитализация рассматривалась как желательная, но в этих условиях была бы разрушительной для ее домашнего очага. Женщины использовали телефон, чтобы поддерживать связь между больницей и домом.

В трех случаях женщины чувствовали, что средства лечения, которые они получали в больнице, фактически увеличивали риски для ребенка и для нее самой. Если обсуждение изменения лечения оказывалось безуспешным, они прибегали к стратегии **Отмены Делегированного Контроля**, покидая больницу, «чтобы спасти своих детей» и себя.

Усилия менеджмента мужей в этом конкретном контексте были названы **Временным Опекунством**. Они должны были не только обеспечить дополнительную помощь своим беременным женам, но и временно

брать на себя обычную домашнюю работу женщин. В этом контексте **Логически Вытекающее Беспокойство** имело тенденцию к росту. Боясь, что не смогут иметь здорового ребенка, женщины использовали защитную стратегию **Воздержания** от подготовки приданого для своего ребенка до тех пор, пока риски удерживали их от этого.

Когда усилия менеджмента были успешными, течение беременности/болезни возвращалось к норме и риски сдерживались, давая, таким образом возможность женщинам достичь желаемых **Результатов**. Рождение здорового ребенка рассматривалось как **Фантастическое Облегчение**. Роды проходили и как вагинальные, и путем кесарева сечения. Два младенца были слишком маленькими относительно срока беременности. Некоторые женщины сделали выбор в пользу сохранения возможности беременности в будущем. Другие решили, что риски слишком велики. Хотя некоторые женщины эмоционально и физически воздерживались от приготовлений для ребенка во время беременности, все указывало на позитивную привязанность после рождения ребенка.

Создание и валидизация формулировок взаимосвязей

С различными аспектами теории, изложенными в форме аналитических «памяток», либо графически, либо нарративно, аналитик готов создавать формулировки взаимосвязей и валидизировать их данными. Это должны быть формулировки, обозначающие взаимосвязи между всеми вышеупомянутыми категориями так, как они изменялись в соответствии с контекстом. Эти взаимосвязи могут быть сопоставлены с данными, как для верификации формулировки, так и для поддержания различий между контекстами на уровне измерений.

Например, можно создать такие формулировки как: **Если** эти ... интерактивные, целевые, темпоральные и физические сигналы присутствуют, то женщины будут оценивать свою беременность как состояние пониженного риска нормального течения. **В условиях**, когда женщина осознает свою беременность как состояние пониженного риска и нормального течения и когда она чрезвычайно заинтересована в том, чтобы иметь здорового ребенка, **тогда** она будет использовать форму совместного менеджмента, который может быть описан как **Дополнительный Менеджмент**. **Если** дополнительный менеджмент проводится успешно, и риски сдерживаются, **то** женщины будут рожать здоровых детей.

Можно также создать такие формулировки: **Когда** женщины воспринимают свою беременность как состояние пониженного риска и нормального течения, **тогда** они будут делать приготовления для ребенка. Или, **когда** женщины воспринимают свою беременность как аномальное состояние, хотя и некритическое, **тогда** они будут отказываться от подготовки приданого для ребенка до тех пор, пока риск удерживает их от этого.

Такие формулировки затем проверяются в каждом случае, чтобы определить, подходят ли они или нет. **Кроме того, смотрят, подходят ли они в общем смысле и в большинстве случаев, но не обязательно именно в каждом отдельном случае.** Непрерывные модификации и изменения могут делаться в формулировках, пока все не будет соответствовать.

Что, если случай не подходит к теории?

Иногда сталкиваются с прототипическим случаем, таким, который точно соответствует паттерну. Однако обычно не бывает полного соответствия. Пытаются расположить случаи в наиболее подходящем контексте, используя критерий скорее **наилучшего**, нежели точного соответствия. Но не навязывают соответствие. Бывают случаи, которые, по-видимому, никуда не относятся. На это есть причины.

Некоторые случаи представляют **переходное состояние**, так как уже произошло или происходит некоторое изменение основных условий, направляющих к центральному феномену. Это изменение условий по очереди меняет свойства по всей линии измерений и контекст, ведущий к действию. В случаях, которые находятся в состоянии изменения или перехода, могут проявляться аспекты двух различных контекстов. Они лежат где-то посередине между двумя контекстами, реально не соответствуя ни одному из них. Один из способов учесть различие — ввести в теорию процесс. (Это будет обсуждаться в главе 10.)

Другое объяснение случая, который никуда не подходит, состоит в том, что **промежуточные условия** часто вступают в игру. Например, возможно, женщина чувствует, что девять месяцев постельного режима больше того, что она хочет делать, чтобы иметь здорового ребенка. Она может выбрать форму управления, которая меньше защищает ее плод, но больше защищает ее другие интересы. Это не обязательно отрицает теорию защитного управления или формулировки взаимосвязей между категориями. Скорее, это снова обозначает вариацию. Аналитик должен теперь **проследить по данным и попытаться определить, какие условия вызывают эту конкретную вариацию.** Когда они идентифицированы, их можно встроить в теорию.

Например, вернемся к приведенному выше случаю беременности в контексте нормального течения/пониженного риска. Заметьте, что имеется категория, которая названа **Когда Восприятия Различаются**. В некритическом контексте/аномального течения имеется другая категория, названная **Отмена Контроля**. Эти категории были введены, чтобы объяснить вариации в Совместном Менеджменте. Когда в контексте нормального течения/пониженного риска женщины считали уровни риска более низкими, чем группа практикующих врачей, тогда они не следовали предписанным режимам. Вместо этого они принимали свои собственные решения о том, что необходимо делать или

не делать. При аномальном течении/некритического контекста женщины использовали форму совместного менеджмента — вверенный контроль, означающий, что они передали значительную часть менеджмента практикующим врачам, соглашаясь обычно на госпитализацию, как форму лечения. Однако если они считали, что средство лечения было фактически вредно, то они отменяли контроль, обычно покидая больницу.

Что еще нужно сделать, так это **разделить индивидуальные истории на соответствующие части**. Самое правильное распределить их в несколько серий или по времени, даже если они разбросаны по нескольким интервью или наблюдениям. Например, в исследовании беременности из-за того, что уровни риска иногда радикально изменялись даже в течение нескольких дней в ответ на изменения состояния болезни/беременности, одно интервью могло содержать данные, подходящие для двух или более контекстов. Или в один момент будущая мать могла говорить о вверенном контроле, тогда как в следующий момент рассказывала, как отменила контроль, перескакивая взад и вперед между двумя контекстами. Аналитик должен рассортировать эти соответствующие части и не рассматривать каждую историю или интервью как единое целое. Помните, что мы анализируем события, происшествия, но не индивидуальные случаи как таковые.

Заполнение пробелов в категориях

Удовлетворенный тем, что теоретическая рамка выдерживает проверку, и что условия и процессы включаются и принимаются во внимание, **аналитик может затем вернуться к категориям и заполнить какую-либо пропущенную деталь**. Необходимо придать *концептуальную плотность* теории, а также увеличить *концептуальную точность*. Обычно это заполнение продолжается даже на этапе написания публикации по проекту, поскольку само изложение обнаруживает случайные небольшие пробелы в теоретической формулировке. (Мы обсуждаем это дальше в главе 13.)

Например, предположим, что в проекте по изучению беременности после классификации данных по определенным паттернам контекста рисков исследователь нашел, что категории и измерения, относящиеся к контексту пониженного риска/нормального течения, были хорошо разработаны. И наоборот, те, которые относятся к контексту повышенного риска/нормального течения, были слабо разработаны. В данной ситуации аналитик может вернуться в поле и специально собирать данные, чтобы заполнить пробелы в теоретической формулировке. Этот процесс заполнения может быть сделан по отношению к любой категории, которая кажется недостаточно разработанной.

На этом завершается наше обсуждение избирательного кодирования. Но мы снова напоминаем вам, что пять процедур, которым была посвящена эта глава, не должны применяться в порядке жесткой последовательности. Мы вынуждены писать о них последовательно с тем, чтобы вы могли лучше понять каждый ряд аналитических процедур. Когда вы станете опытнее в их использовании, тогда едва ли будете замечать, как вы двигаетесь взад и вперед между ними.

Выводы

Интегрирование всей проделанной в процессе исследования работы по интерпретации данных, вероятно, самая трудная задача. Над ней бьются даже опытные исследователи. Процедуры *обоснованной теории* в известной мере помогают интеграции. В этой главе мы рассмотрели действия, необходимые для того, чтобы правильно изложить историю, создавая четкую линию истории и переводя ее в *аналитическую историю*. Средоточием процедур является избрание центральной категории и связывание всех более важных категорий и с ней, и друг с другом. Мы также проиллюстрировали, как это делается, большим числом случаев.

Процесс

Определение терминов

Процесс: Соединение последовательностей действий/взаимодействий

Случайность: Непредвиденное/незапланированное событие, вызывающее изменение условий

Введение процесса в анализ является важной частью любого исследования по методу *обоснованной теории*. Под процессом мы подразумеваем связывание последовательностей действия/взаимодействия, когда они относятся к менеджменту, контролю, реакции на феномен. **Это соединение последовательностей выполняется путем записи:** а) изменения условий, влияющих на действие/взаимодействие с течением времени; б) ответного действия/взаимодействия на это изменение; в) следствий, являющихся результатом этого ответного действия/взаимодействия; г) описания того, как эти следствия становятся частью условий, влияющих на следующую последовательность действия/взаимодействия. Изменение может быть следствием запланированного действия/взаимодействия, но может иметь место и как результат *случайности*, непредвиденной и незапланированной относительно события, которое вызывает изменение условий.

«Процесс» — это трудноуловимый термин, который нелегко объяснить. И как таковой его не обязательно выделять в данных. Его обнаружение не влечет за собой определенный ряд процедур, наподобие тех, что обсуждались в главах 5–8. Однако процесс очень важен в данных, являясь частью любой эмпирической реальности. Знаешь, если он идет, чувствуешь его присутствие по тому, как изменилось действие/взаимодействие, хотя даже его и не видишь фактически как таковой.

Хотя это и трудно осознать начинающему аналитику, но процесс — это очень сильное аналитическое понятие. Так как именно термин **процесс** охватывает концептуализацию событий, объясняя, почему

распадаются рутины действий/взаимодействий, почему в ходе жизненных событий возникают проблемы и почему, когда мы оглядываемся на прошлое, то видим рост, развитие, движение. Может быть и другая крайность – отсутствие роста, скатывание назад, стагнацию. (Последние представляют собой отсутствие реакции на изменение условий, что так же важно понять, как и наличие реакции.)

Процесс в обоснованной теории

Обоснованная теория развивается динамично, когда процесс включен в анализ. Процесс — это способ дать жизнь данным посредством фотографирования действия/взаимодействия и связывания их для формирования последовательности или ряда (Рис. 9.1).

Чтобы охватить процесс аналитически, нужно показать развивающийся характер событий, отмечая, почему и как действие/взаимодействие в форме событий, действий, случаев — будет изменяться, оставаться неизменным, или регрессировать. Почему события развиваются в прогрессивном направлении, или, что дает возможность продолжать линию действия/взаимодействия перед лицом изменяющихся условий и с какими последствиями.

Во время чтения может прийти в голову такой вопрос: Если вы проводите анализ с помощью *обоснованной теории* так, как вас обучали делать в предыдущих главах, проследивая условия, действия, следствия, то не должен ли процесс возникнуть естественным образом? Ответом на этот вопрос будет: должен! Но пока аналитик не почувствует острую необходимость идентифицировать процесс, чтобы включить его в анализ, до тех пор это часто упускается или делается очень узко и ограничено. Аналитики могут обсуждать этапы или фазы, имеющие место в феномене, не отчитываясь или не объясняя вариацию скорости движения, или причины изменения направления движения, когда движение по восходящей сменяется на противоположное, или как их интерпретировать и с какими следствиями.

Чтобы понять, что мы подразумеваем под процессом, в дополнение к обычному подходу в исследованиях рассмотрим следующие примеры.

Сценарий 1

У вас свободное утро и вы думаете, что, пожалуй, удастся почитать журнал. Вы наталкиваетесь на статью, которая привлекает ваше внимание. Исследование касается стилей менеджмента. В статье говорится, что есть три основных типа менеджеров: включенный менеджер, независимый менеджер и контролирующий менеджер. Подробно рассказывается об условиях, при которых вы могли бы встретить каждый тип

Рис. 9.1. Процесс

менеджера, дается описание используемых ими интерактивных стратегий и перечисляются определенные следствия каждого стиля менеджмента в рабочей ситуации. Далее утверждается, что стили менеджмента не являются неизменными. Люди предпочитают часто менять стили, выбирая тот, который в данный момент кажется наиболее подходящим.

Анализ. В статье есть намек на процесс. В ней говорится, что менеджеры меняют стили. Но она недостаточно полная, так как мы не узнаем из нее о том, что происходит в случае замены контролирующего менеджера включенным менеджером. Или что происходит, что приводит включенного менеджера к тому, чтобы стать независимым? Или как контролирующий менеджер может выдерживать свою позицию перед лицом изменяющихся рабочих ситуаций. Например, если и когда контролирующий менеджер сталкивается с кем-то, кто не склонен подчиняться контролю. Но менеджер нуждается в этом человеке, ибо он или она единственный, кто обладает навыками, необходимыми для выполнения важной работы, а менеджер не может уволить его или ее. Как поступает контролирующий менеджер в этих условиях?

Сценарий 2

Еще одна статья привлекает ваше внимание. Она озаглавлена «Продвижение по служебной лестнице». В ней подробно описаны ступени продвижения менеджера к более высоким уровням менеджмента внутри организации. Кроме того, в статье обрисованы определенные индивидуальные и организационные условия, способствующие этому продвижению, используемые стратегии и некоторые следствия.

Анализ. Эта статья является улучшенным вариантом ранее обсуждавшейся с точки зрения введения процесса в картину. Она показывает движение, прогресс и объясняет, что его вызывает. Вы спросите: Что упущено? Картина неполная, ибо она недостаточно принимает во внимание вариацию. Это означает, что регулярность шагов или универсальная неизменность условий, жестко закрепляющая то, что

подразумевается под процессом, не имеют смысла. Или дается модель идеального продвижения без показа того, как этот идеал изменяется в зависимости от контекста. Относительно Сценария 2 можно задать, например такие вопросы: Все ли проходят ступени продвижения в одинаковом темпе? Или кто-то медленнее, а кто-то быстрее? Почему? Каждый ли, кто начинает движение по служебной лестнице, достигает вершины? Если нет, то почему? Где они останавливаются, откатываются назад, и почему? Какие и когда вступают в игру критические факторы, препятствующие, преграждающие и останавливающие продвижение вперед? Как изменение места и времени контекста влияет на скорость и степень прогресса?

Сценарий 3

Вы читаете третью статью. Она посвящена работе и разделению труда в организации. Вы изучаете работу организации и продолжаете читать. В статье говорится о разных типах работы в изучаемой организации, подробно разъясняется, кого назначают на должности и как назначенные люди выполняют работу, а также приводятся некоторые следствия.

Анализ. Довольно статичная картина работы в организациях, вы не находите? Чтобы оживить ее, ввести в картину процесс, что бы вы хотели знать? Границы разделения труда, жесткие они или гибкие? Границы работы всегда частично совпадают? При каких условиях один человек или группа могли бы выполнять порученные другим или непрописанные задачи? Что произойдет в результате этого?

Например, могла бы медсестра, работающая в пункте первой помощи или в отделении интенсивной терапии, в других условиях менее интенсивной медицинской работы выполнять задачи, которые обычно выполняют лица, назначенные на должности врачей или причастные к их сфере деятельности? Могла бы старшая сестра или супервайзер, обычно выполняющий административные задачи, взять сверх того и выполнить работу штатных медсестер во время забастовки?

Процесс — это вопрос степени

Как вы можете, вероятно, догадаться к настоящему моменту, наша концепция процесса больше, чем беглый намек на изменение, или простое описание фаз или этапов. Она подразумевает глубинное исследование и включение измененного действия/взаимодействия, поскольку оно изменяется с течением времени в ответ на изменения условий.

Все же, в какой степени необходимо объяснять процесс в вашем анализе? Это зависит от исследовательской ситуации, кроме того, от вашего времени, энергии, и исследовательского опыта. Практически вы никогда не сможете охватить все изменения и движения, которые происходят в действительности. Это было бы так поразительно. С другой стороны, **процесс следует объяснять в достаточной степени, чтобы дать читателю ощущение потока событий, происходящих с течением времени.**

Индуктивное и дедуктивное мышление

Дедуктивное и индуктивное мышление, как и любой аспект анализа, обсуждавшийся в этой книге, составляют значительную часть аналитического процесса. Например, могут быть моменты, когда аналитик не может немедленно обнаружить свидетельство процесса в данных. Либо он есть, но не распознан как таковой, либо недостаточно данных, чтобы его обнаружить. В этом случае аналитик может обратиться к дедуктивному мышлению и выдвинуть гипотезу потенциально возможного изменения ситуаций, затем вернуться к данным или к полевой ситуации и искать основания для того, чтобы поддержать, опровергнуть или модифицировать эту гипотезу.

Вернемся к нашему примеру менеджеров. Чтобы помочь выявить процесс в данных, исследователь может выдвинуть примерно такую гипотезу. Для того чтобы удерживать контроль в разных рабочих условиях, контролирующий менеджер будет вынужден изменять или усиливать его или ее действия/взаимодействия, иначе контроль может потерпеть неудачу. В этом случае исследователь будет интервьюировать и наблюдать контролирующих менеджеров в различных ситуациях, чтобы видеть, изменялись ли их действия и каким образом. Гипотезы в таком случае принимаются, изменяются, либо отвергаются в соответствии с фактами, найденными в полевых данных.

Процесс с точки зрения аналитика

Мы хотим остановиться еще на одном моменте, прежде чем перейти к механизму обнаружения процесса в данных. Процесс является **способом аналитика отчитаться или объяснить изменения.** Редко исследователь услышит от интервьюируемого или наблюдаемого человека ссылку на процесс как таковой. Маловероятно, чтобы вы услышали что-то вроде: «Это случилось в первой фазе, затем из-за того-то и того-то я перешел к 2-й фазе, затем процесс остановился из-за этих событий, поэтому я никогда не был способен дойти до 3-й фазы...»

Скорее можно услышать, но гораздо более вероятно столкнуться с такими словами менеджера сборочной линии:

Когда служащие начинают заваливать дело и производительность снижается, и мы не выдаем продукцию вовремя, тогда я вынужден занять твердую позицию и усилить строгий контроль до тех пор, пока они не придут в себя. Я не разрешаю никому рано уходить, увольняю людей, если они опаздывают, отменяю отпуска, откладываю пересмотры зарплаты и повышения. Позднее, когда мои служащие покажут мне, что они могут работать усердно и придерживаться положенных сроков, тогда я несколько ослабляю свой контроль и предоставлю им относительную свободу действий.

Анализ. Аналитик, чувствительный к идее процесса, представил бы его как изменение стиля менеджмента в ответ на условия. Он или она в связи с вышеупомянутым пассажем отметил (а) бы, что для того чтобы работа была выполнена в рамках запланированного периода времени, менеджер считает необходимым усилить контроль. Однако, если рабочие смогут уложиться в установленные предельные сроки, то менеджер может в некоторой степени ослабить свой контроль.

Механика процесса

Поскольку именно изменение условий приводит процесс в движение, то, чтобы понять механику процесса, который обнаруживается в ходе анализа, необходимо понять, что такое изменение. Какие формы оно принимает? Как и где его найти?

Что такое изменение?

Изменение отражается через посредство события, происшествия, обозначающего различие в чем-либо. В чем? Для нас, придерживающихся подхода *обоснованной теории*, оно является **изменением условий в такой степени, которая достаточна для того, чтобы вызвать соответствующее изменение стратегий действия/взаимодействия**, осуществляемых для удержания, приобретения или достижения желаемого результата в связи с изучаемым феноменом. Понятие изменяющихся условий вводит **время и движение** в анализ. Действие/взаимодействие изменяется, движется и отвечает на изменения условий, неизбежно происходящие с течением времени. Аналитик предпочитает показывать эти изменения, нежели застывшее во времени и пространстве действие/взаимодействие. Время, которое проходит между каждым изменением условий и соответствующим изменением действия/взаимодействия, составляющее часть последовательности или ряда, может быть моментом, неделей или более. Продолжительность или величина времени между частями последовательности не так важна, как концепция его течения или движения.

Вид и форма изменения

Изменение, как и любой феномен, может принимать разные формы. Оно может быть запланированным или незапланированным, большим или малым, происходить быстро или медленно. Изменение имеет свойства, а именно эти свойства придают ему **форму, вид и характер**. Некоторые его свойства и интервалы измерений, в рамках которых свойства могут изменяться, перечислены ниже.

В перечень включены не все свойства. Когда вы начнете размышлять об изменениях, вы сможете его дополнить.

<i>Свойства</i>	<i>Интервалы измерений</i>	
скорость	быстрая →	медленная
случай	запланированный →	незапланированный
вид	упорядоченный →	случайный
	поступательный →	непоступательный
направление	вперед →	назад
	вверх →	вниз
сфера	широкая →	узкая
степень влияния	большая →	малая
возможность контроля	высокая →	низкая

Таким образом, когда вы ищете или замечаете изменение в ваших данных, у вас может возникнуть желание проанализировать их с точки зрения вышеуказанных или других свойств, которые вы можете себе представить. Например, было ли его влияние большим или малым, быстро или медленно оно происходило и каково различие.

Как и где находят изменение, указывающее на процесс

Чтобы понять, как и где найти изменение, нужно вернуться к парадигме, обсуждавшейся впервые в главе 7, и исследовать, где в парадигмальной цепи может произойти изменение условий и что может случиться в результате этого изменения.

(1) Изменение может произойти в *ряде условий*, которые ведут к изучаемому феномену или вызывают его. Когда оно происходит, то может вызвать цепную реакцию, ведущую к изменению контекста и соответствующему изменению действия/взаимодействия для менеджмента, контроля или подхода к феномену в этом изменившемся контексте.

Вернемся к примеру, который мы обсуждали в главе 8, исследованию беременных женщин, страдающих хроническими болезнями. Когда болезнь (каузальное условие риска) в ходе беременности стала нестабильной, тогда степень рисков, воспринимаемых в сопряжении с беременностью, изменилась, в связи с этим сдвигая женщину из контекста

пониженного риска в контекст повышенного риска. Соответственно, ее действия/взаимодействия изменились с изменением восприятия риска.

(2) В любом из *промежуточных условий*, влияющих на действие/взаимодействие, может также произойти изменение. Оно также может привести к необходимости изменения или модификации действия, чтобы ограничить связанные с ним риски. Например, чем больше было доверие, которое хронически больная беременная женщина имела к способности своего врача ограничивать риски, тем с большей готовностью она должна была делегировать ему ответственность за менеджмент, особенно когда течение болезни или беременности воспринималось как аномальное. Однако если доверие было утрачено из-за того, что воспринималось ею как ошибка медицинского суждения, поставившего ее и/или ребенка под угрозу, то женщина отменяла, по крайней мере, временно, часть делегированной врачу ответственности за менеджмент.

(3) В этом случае также *следствия* предыдущего действия/взаимодействия в одной последовательности событий могут в порядке обратной связи либо: а) добавлять новые условия, либо б) изменять взаимодействие между уже существующими условиями. Таким образом, следствие действия в одной последовательности действий/взаимодействий в рамках одной серии, может стать условием, влияющим на связанное с ним действие/взаимодействие, принятое в следующей последовательности или в более позднее время. Это легко можно увидеть из обычного примера. Скажем, изучаемый феномен: «поведение в кризисе». Если человек успешно справляется с кризисом, можно ожидать, что приобретенный им опыт повлияет на его поведение в подобной кризисной ситуации в будущем.

Описание процесса

Существуют различные аналитические подходы к процессу. Мы идентифицировали два основных пути. Вы можете обдумать и другие. Один путь заключается в том, чтобы рассматривать процесс как поступательное движение, отраженное в фазах или этапах. Это обычный путь. Другой путь — рассматривать процесс как непоступательное движение, то есть как преднамеренные изменения действия/взаимодействия в ответ на изменения условий, но движение, которое не обязательно происходит по этапам или фазам. Пример каждого из них будет представлен ниже.

Процесс, концептуализированный как этапы или фазы

Чтобы показать изменение или движение во времени, аналитик может концептуализировать данные как шаги, фазы и этапы. Движение

может быть вперед, назад, вверх и вниз. Подобный подход к процессу особенно полезен в исследованиях, которые рассматривают такие события как развитие, социализация, трансформация, социальная мобильность, иммиграция и исторические события.

При таком подходе к процессу аналитику следует подробно объяснить условия и соответствующие действия, которые продвигают процесс. Также идентифицировать поворотные моменты, показать, как результат достижения или недостижения этих поворотных моментов запускает условия, влияющие на следующий ряд действий, принятых для продвижения процесса вперед. В дополнение к этому описанию аналитику следует объяснить вариацию движения на протяжении этих этапов и фаз. То есть, почему так происходит, что одни люди, группы и тому подобные медленно тащатся, другие проходят через эти этапы в ускоренном темпе, в то время как третьи сначала двигаются так быстро, а затем перестают расти. Или почему для некоторых людей или групп, действительно, лучше отступить или совсем не начинать, чем двигаться вперед.

Здесь будьте осторожны! Даже если центральной категории дано герундиальное окончание, которое подразумевает процесс или движение, (например, «менеджинг течения болезни», в отличие от простого названия «течение болезни», или «поддержание хода работы» вместо «течения работы», или «контролирование сознания умирающего» вместо «сознания умирающего»), то ее нужно рассматривать, как любой центральный феномен, и разрабатывать с точки зрения парадигмы.

Пример. Один из феноменов, который выявился в результате нашего исследования хронически больных, мы назвали «процесс возвращения» (Corbin & Strauss, 1988, 1991). Он определялся как процесс возврата к удовлетворительному образу жизни в пределах физических и умственных ограничений, накладываемых состоянием нетрудоспособности. Под «удовлетворительным образом жизни» мы подразумеваем, что человек учится: а) принимать и жить с тем, чего нельзя изменить; б) извлекать максимум из того, что осталось.

В этом примере слова «процесс возвращения» были приняты в качестве центральной категории. При этом, само «возвращение» рассматривалось как итог или следствие, вытекающее из того, что человек испытывает в процессе возвращения. Каузальным условием в нашем исследовании было условие физической или умственной нетрудоспособности, наложившее ограничения на возможность выполнять жизненные задачи. Нетрудоспособность имеет общие свойства, такие как: степень, длительность, протяженность и период проявления этих свойств в жизни человека. Данные свойства устанавливают границы, в пределах которых возможно возвращение (или итог процесса), то есть, в какой степени человек может выздороветь, как быстро и так далее. Но одни эти свойства не обязательно определяют итог, так как в игру так-

же могут вступить всевозможные промежуточные условия и повлиять на такие вещи, как характер реабилитационной программы или степень мотивации и поддержки.

Процесс возвращения как центральный феномен также имеет свойства. Одним из них является скорость, которая может колебаться в пределах от быстрой до замедленной или растянутой. Процесс возвращения имеет, кроме того, свойство степени, интервал измерений которой может изменяться от частичной до полной. Третье свойство — ход, который может быть концептуализирован как изменяющийся по этапам от: а) обнаружения ограничений; б) вступления на путь возвращения; в) ориентации на новые линии поведения; г) восхождения до максимума; до д) валидации.

Ход обозначает этапы, через которые следует двигаться вперед, чтобы добиться возвращения. Другие два свойства, скорость и степень, находясь во взаимодействии, придают очертания ходу и будут изменяться в соответствии с тем, насколько далеко и насколько прочно пойдет продвижение вперед. (Как мы сказали раньше, они отчасти определяются характером нетрудоспособности, и отчасти широким спектром потенциальных промежуточных условий, таких как степень мотивации.) Исходя из вариации скорости и прогресса, были идентифицированы четыре различные группы (контекста): быстрый и полный ход; быстрый и частичный ход; растянутый, но полный ход; и растянутый частичный ход. В этих паттернах были обнаружены дальнейшие вариации, а именно: а) превышение (выход за пределы приемлемого и жизнь в условиях нетрудоспособности осуществляя достойные физические и/или умственные действия); б) неудачная попытка начать новую жизнь (отступление в нетрудоспособность).

Движение через процесс возвращения совершалось посредством трех различных, но взаимосвязанных типов действий, а именно: а) исправление или улучшение физического состояния посредством выполнения медицинских задач; б) расширение пределов ограничений или увеличение дееспособности путем выполнения действий для реабилитационных задач; в) встраивание или включение нетрудоспособности в концепцию собственной личности путем решения социально/психологических задач. В рамках каждого этапа возвращения эти типы действий имели различные формы, значения и разделение труда. Например, в начале процесса, вероятно, наиболее важным является улучшение физического состояния, поэтому ударение делается на выполнении медицинских задач пациентом и медицинским персоналом. Позднее, при хорошем физическом состоянии, можно сдвинуть акцент на завершение социальных/психологических задач, хотя степень во всех трех типах действий может продолжаться изменяться на любом этапе.

Множество различных промежуточных условий вступает в игру внутри каждого обсуждаемого этапа, чтобы либо поддерживать, либо

ограничивать выполнение этих трех типов действий, таким образом, влияя на то, в какой степени и насколько прочно, или достиг ли каждый находящийся в процессе возвращения человек предела своих возможностей. Если условия были неблагоприятными, если прогресс должен был произойти, то люди, находившиеся под их влиянием, и те, кто их окружал, должны найти путь управления условиями. Например, если недостаток мотивации препятствовал прогрессу, то медицинский персонал или семья должны использовать интерактивные тактики, чтобы восстановить мотивацию. Если это не приносило успеха, то прогресс замедлялся или даже прекращался.

Потенциальные промежуточные условия в наших данных были признаны существенными, а именно: а) аспекты личности, утраченные из-за нетрудоспособности, рассматривались как биографически-значимые и достойные усилий, необходимых для того, чтобы выполнить действия возвращения; б) наличие ясных и реалистичных целей для потенциальных действий, с договоренностью о том, когда, где и как будут осуществляться действия, в) мобилизация сил для того, чтобы поставить и поддержать человека на пути возвращения; г) инициатор возвращения — тот, кто приведет процесс в движение; д) координатор возвращения — тот, кто взял на себя ответственность за координацию усилий различных участвующих сторон, обычно это социальный работник или супруг; е) удачно разработанный план возвращения данной личности; ж) каждый член команды возвращения (пациент, специалисты, семья) выполняет свою часть разделения труда; з) соответствующие ресурсы — технические, финансовые, личный состав и так далее; и) способность к гибкости, компромиссу, юмору, творчеству; к) периодические индикаторы успеха.

Не имея ни возможности, ни намерения разбирать в этой главе во всех деталях результаты вышеупомянутого исследования, все же мы надеялись передать сложность прохождения через этапы/фазы, и как все элементы парадигмы должны вступать в игру, чтобы объяснить ход и его вариации. Далее мы хотим дать краткий пример того, как можно описать процесс в качестве непоступательного движения. Наше объяснение будет кратким. Для лучшего понимания мы предлагаем вам рассмотреть исследовательские монографии, упомянутые ниже.

Процесс, концептуализированный как непоступательное движение

Некоторые феномены не поддаются концептуализации как упорядоченно поступательные шаги и фазы, хотя процесс составляет очень важную их часть. Например, хроническая болезнь и ее менеджмент. Хотя ход хронической болезни и может быть разбит на фазы, человек не обязательно поступательно и систематически переходит от одного этапа к другому. Действительно, вся цель менеджмента хронической

болезни состоит в том, чтобы стабилизировать ее состояние, насколько это возможно, и замедлить, предотвратить или реверсировать ее потенциал в сторону ухудшения. Сохранение стабильного состояния хронической болезни перед лицом постоянно изменяющихся жизненных условий требует постоянных адаптаций. (Corbin & Strauss, 1988.) Эти постоянные адаптации (действия) перед лицом изменяющихся жизненных условий означают введение процесса в менеджмент.

Другой пример концептуализации процесса в изменчивой, неэволюционной форме можно найти в книге *The Social Organization of Medical Work* (Strauss et al., 1985). Центральная категория — «Типы работы». Исследование посвящено тому, как это организовано и выражено в больницах. Авторы показывают, что работа, по большей части, находится под воздействием чрезвычайно неустойчивых и изменяющихся условий. Даже рутинные «стандартные рабочие процедуры» находятся под повседневным и даже ежечасным влиянием непредвиденных случайностей. Таким образом, течение и структура работы в больницах не может быть точно описана и адекватно проанализирована, если ее не осмыслить с точки зрения процесса.

Выводы

Процесс представляет собой связывание последовательностей действий/взаимодействий соответственно тому, как они развиваются во времени. Введение процесса в анализ является существенной чертой анализа в *обоснованной теории*. Чтобы сделать это, аналитик должен осознанно искать в данных знаки, указывающие на изменение условий, и проследживать, какие соответствующие изменения они вносят в действие/взаимодействие. Когда они идентифицированы, имеются два главных пути концептуализации процесса в проектах по методу *обоснованной теории*. Один путь состоит в том, чтобы рассматривать процесс как этапы и фазы хода событий, вместе с объяснением, что заставляет этот ход событий продвигаться вперед, колебаться или двигаться в обратном направлении. Другой путь концептуализации процесса состоит в том, чтобы представить его в качестве непоступательного движения; то есть как действие/взаимодействие, гибкое, постоянно движущееся, чуткое, меняющееся в ответ на изменение условий.

Матрица условий

Определение терминов

Транзакционная система: Система анализа, которая рассматривает действие/взаимодействие в связи с их условиями и следствиями.

Интеракция (Взаимодействие): Люди, действующие совместно или в отношении друг друга — и сопутствующие процессы действия, бесед и мышления

Матрица условий: Аналитическое пособие, диаграмма, полезная для обсуждения широкого спектра условий и следствий, связанных с изучаемым феноменом. Матрица дает возможность аналитику как разделять, так и соединять уровни условий и следствий.

Траектория условий: Прослеживание события, случая или происшествия от акции/интеракции (действия/взаимодействия) через различные уровни условий и следствий и обратно, для того чтобы непосредственно связывать их с феноменом.

Наша дискуссия в этой главе сложная, но, изучив техники, описанные в предыдущих главах, вы сможете следить за ней. Что мы здесь делаем? В сущности, предоставляем вам **рамку**, которая суммирует и обобщает все, что мы изложили раньше, и в то же время объясняет, каким образом различные виды условий (каузальные, контекстуальные, промежуточные) и следствий, упомянутые впервые в главе 7, могут быть плотно вплетены в анализ. Это выполняется путем целенаправленного и непосредственного связывания их с акцией/интеракцией. Фактически мы говорим об этом все время, более подробно в главах 7, 8 и 9. Но здесь мы хотим выполнить это соединение очень отчетливо и связать наш метод анализа воедино, чтобы сформировать объяснительную рамку.

Прочитав эту главу, вы можете решить, что пока не готовы овладеть тонкими техниками, которые мы обсуждаем. Возможно, если это ваше первое или даже второе исследование по методу *обоснованной теории*, то вы можете быть не готовы предпринять этот заключительный шаг интеграции. Но если вы работаете с данными, и становитесь более искусны во владении методом, то видите, как анализ объединяет все воедино.

Именно объединение в единое целое элементов, процедур и логики операций для достижения этого является отличительным признаком проектов *обоснованной теории* и отличает этот метод от менее плотно интегрированных и менее изошренных качественных методов. Итак, мы побуждаем вас принять вызов (если вы готовы, конечно) — нацелиться на самый высокий уровень анализа, который возможен с этим методом. Мы уверяем вас, что результаты вашего анализа будут достойны ваших усилий.

Обоснованная теория как транзакционная система

Мы рассматриваем *обоснованную теорию* как *транзакционную* [диалоговую] *систему*, как метод анализа, позволяющий исследовать интеракционный характер событий. В сердцевине всех элементов парадигмы *обоснованной теории* находится действие и/или взаимодействие. Форма, в которой любой феномен выражает себя через целенаправленные и связанные последовательности действий/взаимодействий. Так происходит в любом случае, представлен ли феномен таким абстрактным понятием, как «профессиональное влияние» или таким конкретным, как «менеджмент болезни». Все феномены и связанные с ними действие/взаимодействие включаются в ряды условий. Действие/взаимодействие ведет также к определенным следствиям. Они, в свою очередь, могут стать частью релевантных условий, касающихся очередной последовательности действий/взаимодействий.

Свойства транзакционной системы

Транзакционная система обладает определенными свойствами:

- (1) Она образуется из интеракционных и взаимосвязанных *уровней условий*. Эти диапазоны колеблются в пределах от наиболее широких или самых общих характеристик мира вообще, до более конкретных, наиболее близких к изучаемому феномену.
- (2) Условия любого уровня могут выступать по отношению к феномену в качестве: а) *причины*, ведущей к этому конкретному феномену, или б) *контекста*, внутри которого происходит действие/взаимодействие, или в) *промежуточных условий*, стоящих между контекстом и действием/взаимодействием, которые работают для поддержания или ограничения последнего. (Эти положения обсуждались более полно в главе 7.)
- (3) Центральным по отношению к транзакционной системе и расположенным в рамках интервала условий является *действие/взаимодействие*.

- (4) Действие/взаимодействие происходит во взаимосвязанных последовательностях, поэтому оно *процессуально* по своей природе.
- (5) Различные *следствия* являются результатом действия/взаимодействия. Позднее они могут существенно влиять на условия различных уровней. Поэтому следствия в свою очередь могут в некоторых случаях стать существенными условиями, влияющими на очередную последовательность действий/взаимодействий.
- (6) *Временная протяженность* встроена в условия. Однако, когда мы как бы останавливаем действие/взаимодействие для аналитического изучения, мы рассматриваем их в поперечном разрезе. Мы видим их искусственно, так сказать, скорее как один временной отрезок, чем во времени, относящемся к прошлому, настоящему и будущему. Это положение рассматривалось в главе 9, когда мы обсуждали процесс и его значение в анализе.
- (7) *Условия* поддерживают или ограничивают действие/взаимодействие. *Случайности*, которые изменяют условия, создают проблематичные и непредвиденные ситуации и с ними нужно справляться.
- (8) Мы говорим о транзакционной системе, как о *Матрице условий*. Последний термин обозначает сложное сплетение взаимосвязанных условий, действия/взаимодействия и следствий, имеющих отношение к данному феномену.

Достоинства использования матрицы

Прежде чем обсуждать детали этого аналитического инструмента, перечислим здесь то, что он делает:

- (1) Он помогает вам быть **теоретически чувствительным к диапазону условий**, которые могут касаться изучаемого феномена.
- (2) Он дает вам возможность быть теоретически чувствительным к **диапазону потенциальных следствий**, являющихся результатом действия/взаимодействия.
- (3) Он помогает вам **систематически связывать условия, действие/взаимодействие и следствия с феноменом**.

Матрица условий

Матрица условий может быть представлена как ряд кругов, один внутри другого, где каждый из них соответствует различным аспектам мира вокруг нас. Во внешних кругах расположены те характеристики условий матрицы, которые *наиболее отдалены* от действия/взаимодействия. Внутренние круги относятся к тем характеристикам условий, которые *наиболее близко* касаются последовательности действия/взаимодействия.

Условия всех уровней релевантны для любого исследования. Даже при изучении феномена, который очевидно расположен на внутренней части матрицы, на уровне действия/взаимодействия, более широкие уровни условий также будут уместными. Например, в любое взаимодействие его участники внесут отношения и ценности своих национальных и региональных культур, так же как и свой прошлый опыт.

Чтобы максимизировать способность матрицы как аналитического инструмента к генерализации (обобщению), каждый уровень представляют в его наиболее абстрактной форме. **Исследователю необходимо заполнить конкретными характеристиками условий каждый уровень, имеющий отношение к избранной области исследования.** Поэтому вопросы, которые будут включены, будут зависеть от типа и масштаба изучаемого феномена. Точное обозначение условий может происходить от самого проекта. Или они могут происходить из литературы и опыта: в этом случае они будут обсуждаться предварительно, пока данные не покажут их взаимосвязь с феноменом.

Как мы уже отметили, каждое условие внутри матрицы обладает свойствами времени (через временную протяженность) и места (местоположение внутри матрицы). Таким образом, можно изучать любой феномен на любом уровне матрицы. Например, можно изучать проблему голода в мире или внутри территориального сообщества (community), или принятие решений в организации, переговоры между странами, хронические болезни индивидов, СПИД как государственную проблему, профессионализм среди медсестер (группа) и взаимоотношения сторон в рамках территориального сообщества. **Важно всегда помнить следующее:** Независимо от того уровня, внутри которого расположен феномен, этот феномен будет связан как с условиями уровней выше и ниже него, так и с условиями внутри своего уровня.

Общие черты уровней матрицы

Наиболее удаленный от центра уровень, который можно себе представить, это **международный уровень**. Он включает такие вопросы, как: международная политика, правительственные постановления, культура, ценности, философия, экономика, история, международные проблемы и вопросы, например, окружающая среда.

Второй уровень может рассматриваться как **государственный уровень**. Он включает проблемы и вопросы государственной политики, правительственные постановления, культуру, историю, ценности, экономику.

Следующим идет уровень **территориального сообщества**, включающий все вышеупомянутые вопросы, но в масштабе данного сообщества. Каждое сообщество имеет свои собственные демографические черты, которые придают ему своеобразие.

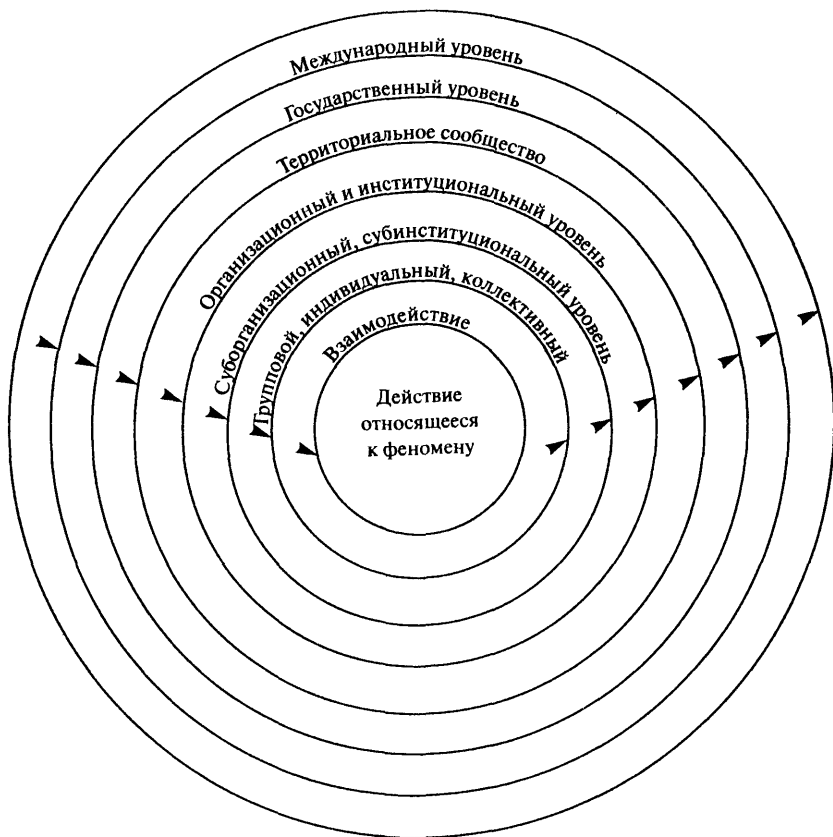

Рис. 10.1. Матрица условий

Продвигаясь внутрь, мы находим **организационный и институциональный** уровни. Каждый из них имеет свою собственную структуру, правила, проблемы, историю.

Еще один круг представляет **суборганизационный, субинституциональный** уровень. Он включает особые характеристики городского района, больничного отделения или место внутри того поселения, где проводится исследование.

Затем мы приходим к **коллективному, групповому и индивидуальному** уровню. Этот уровень включает биографии, философии, знания и опыт отдельных лиц и семей, так же как и различных групп (особые интересы, профессиональные и научные).

Далее мы приходим к **интеракционному** уровню. Под интеракцией мы подразумеваем людей, действующих совместно или в отношении друг друга по отношению к феномену (Becker, 1986), и процессы действия, бесед и мышления, которые их сопровождают. Даже дела, выполненные самим, без посторонней помощи, например, управление болезнью, требуют взаимодействия в форме саморефлексии, а также контакта с другими людьми, чтобы получить медицинское обеспечение, совет, а временами поддержку. Интеракция осуществляется через такие **интеракционные процессы**, как: переговоры, доминирование, обучение, обсуждение, дебаты и саморефлексия.

Наконец, в центре матрицы мы находим **действие**: стратегическое и рутинное. Этот уровень представляет активную, экспрессивную, действенную форму самовыражения и/или иное взаимодействие, осуществленное ради управления, реакции на что-то и так далее. Действие осуществляется через **процессы действия**. *Они объединяются с интеракционными процессами, чтобы завершить картину действия/взаимодействия.* Например, термин «разделение труда», который относится к процессу действия для осуществления феномена работы, подразумевает нечто гораздо большее, чем людей, выполняющих разные задачи до их завершения (Strauss, 1985). Этот процесс также охватывает переговоры, дискуссии, легитимацию границ и так далее, которые происходят с целью достижения и поддержания разделения труда и выполнения задач, которые с ним связаны.

Примеры матрицы в работе

Теперь мы покажем, как матрица условий делает доступным ваш анализ для широкого диапазона возможных условий, которые касаются данного феномена, и как матрица дает вам возможность связать этот феномен конкретно с этими условиями. Пример взят из книги о переговорах (Strauss, 1978). В ней исследователь утверждает (р. 77–103), что большинство трудов по переговорам недостаточно детализирует структурные условия, при которых происходят переговоры, или если эти условия обсуждаются, они вносятся в картину только как описательный фон. Таким образом, в этих трудах упущена конкретная связь широких условий с действием/взаимодействием.

Чтобы скорректировать эту аналитическую проблему, Страуссом предложено применение «парадигмы переговоров». Эта парадигма обеспечивает средство, прямо связывающее все различные уровни условий с переговорным взаимодействием. Страусс разбивает условия на два основных типа контекстов условий: структурный контекст и переговорный контекст.

Структурный контекст относится к условиям, в рамках которых происходят переговоры в самом широком смысле. Эти условия представляют самые внешние кольца матрицы. В каждом случае изучаемых переговоров эти условия будут различными. Например, изучая тайные переговоры, в которых принимают участие продажные судьи, следует включить такие характеристики, как американская судебная-правовая система и торговый мир Америки. В отличие от них, изучение переговоров между организациями следует расположить внутри контекста государственного и международного соперничества, правительственных постановлений и так далее (см. также Strauss, 1982, с. 350–367).

Переговорный контекст означает внутренние уровни матрицы. Эти пункты условий относятся специфически к феномену общения на уровне действия/взаимодействия и включают:

- (1) Количество участников переговоров и их опыт в переговорах.
- (2) Характеристики самих переговоров, происходят ли они только один раз или повторяются, или все сразу или в несколько этапов.
- (3) Баланс силы, проявленный соответствующими сторонами.
- (4) Их соответствующие доли.
- (5) Количество и сложность вопросов, включенных в переговоры.
- (6) Ясность и границы вопросов, включенных в переговоры
- (7) Альтернативные возможности действия, как они были восприняты участниками переговоров.

Сочетая два контекста (структурный и переговорный), аналитик может более полно объяснить, почему любая серия переговоров принимает ту форму, которую они имеют. Он или она может точно определять характер любой серии переговоров, особые условия, которые их вызывают, включая то, как результаты прошлых переговоров проявляются, чтобы коснуться текущих. В какой степени результаты текущих переговоров будут касаться будущих, посредством обратной связи через уровни условий и изменяя уровни. Рассматривая таким образом условия и следствия, Страусс интегрирует в более изощренной форме каузальные, контекстуальные и промежуточные условия, о которых мы раньше говорили. Только все они, как таковые, не разделены.

Прослеживание траектории условий

Матрица условий операционализируется посредством *отслеживания траектории условий*. Отслеживание траекторий подразумевает слежение за событием или случаем от уровня действия/взаимодействия через различные уровни условий или обратно, чтобы определить, как они связываются. Это делается для того, чтобы непосредственно соединять условия и следствия с действием/взаимодействием.

Почему важно прослеживание траекторий условий

Часто представление исследования начинается или завершается описательными перечнями условий, которые имеют отношение к изучаемому феномену. То есть, автор располагает феномен в ряду исторических обстоятельств и событий, или объясняет, какие условия связывают с феноменом в общем смысле. Это описание дает нам фон для понимания чего-то о контексте, в котором расположен данный феномен или почему он появляется. Все же часто нас оставляют лишь с этим весьма общим образом, так как не сделано никакой попытки связать конкретные условия с рассматриваемым феноменом через их влияние на действие/взаимодействие. Кроме того, автор не связывает следствия со следующей последовательностью действий/взаимодействий систематически.

Цель методологии *обоснованной теории* заключается в том, чтобы создать теорию, а не просто описать феномен. Но чтобы ей стать теорией, понятия должны быть связаны систематически, потому что недостаточно просто сказать, что существуют определенные условия, и затем требовать, чтобы читатели разгадывали, какие связи с феноменами могут быть. Например, нередко можно прочитать примерно такое: «Технология обезличила медицинскую помощь». Однако пока конкретно кто-либо не покажет, как, когда, где, с какими последствиями технология (и какая технология) обезличила медицинскую помощь и стратегии, применяемые для противодействия обезличиванию, до тех пор такое утверждение будет столь же неопределенным, сколь и бессмысленным. Всякий знает, что технология может быть обезличенной, но что означает обезличение с точки зрения того, что вы, возможно, изучаете? На языке анализа это означает: Условия следует точно определить посредством идентификации их в качестве каузальных, контекстуальных или промежуточных, для того чтобы придать им значение с точки зрения того, что изучается. Сложный окончательный формат, в котором они сплетаются в теорию, предоставляется исследователю. В дискуссии о переговорах мы представили вам лишь один способ, которым это может быть сделано.

Отслеживание *траекторий условий*, к тому же, помогает установить параметры проекта. Кто-то мог бы слегка отвлечься от цели, следуя условиям, которые не имеют реального отношения к исследованию. При систематическом отслеживании траектории от действия/взаимодействия через уровни матрицы условий и обратно, менее вероятно, что вы будете следовать за тем, что не имеет отношения к проекту. Вы должны идти лишь за тем, что имеет отношение к делу вследствие своего непосредственного влияния на феномен через действие/взаимодействие.

Анализируя данные, вы должны либо видеть влияние условий на феномен через действие/взаимодействие и их следствия, либо долж-

ны сделать дедуктивный вывод об этом влиянии из литературы или из вашего опыта, **но тогда найдите доказательства этого влияния.** Что бы значительное ни появилось в данных, оно будет находиться в состоянии неопределенности до тех пор, пока оно обнаружит или не обнаружит себя. Чтобы условие или следствие было уместно в проекте, ему нужно придать значение с точки зрения того, что вы изучаете. То есть, оно должно быть верифицировано данными, имеющими **прямое или косвенное** влияние на феномен.

Как отслеживают траекторию

Вы начинаете отслеживать траекторию условий с события, случая, или происшествия, затем пытаетесь определить, почему это произошло, какие условия были задействованы, как эти условия проявили себя и с какими последствиями. Вы принимаете решения по поводу ответов на эти вопросы, систематически прослеживая влияния условий по матрице. Какие уровни были пройдены? С какими результатами?

Эта процедура отслеживания траекторий условий может быть продемонстрирована на примере. Однажды, наблюдая за работой старшей сестры медицинского отделения, исследователь отметил следующий случай. Врач пришла в отделение делать обход, и в это время она решила проверить состояние колостомии у одного из пациентов. Она попросила у руководительницы медицинской бригады, медсестры, сопровождавшей ее при обходе, пару стерильных перчаток шестого размера — относительно небольшого размера. Руководительница проверила на складе отделения, но самый малый размер перчаток из имеющихся в наличии оказался седьмой. Она предложила эти перчатки большего, чем было нужно, размера врачу, но та отказалась от них. Руководитель бригады оказалась в затруднительном положении. Не зная, что предпринять, она обратилась к старшей сестре. Последняя объяснила врачу, что в отделении нет перчаток шестого размера, предложив использовать перчатки большего размера. Врач вновь отказалась. Теперь проблема местонахождения перчаток шестого размера встала перед старшей сестрой. Во-первых, она позвонила на центральный склад, но ей сказали, что перчатки этого размера временно в дефиците, из-за большого спроса на перчатки в связи с эпидемией СПИДа. Поэтому тщательный мониторинг перчаток был поручен определенному человеку, который в данный момент присутствовал на заседании. Старшая сестра вынуждена была ожидать получения перчаток до окончания этого заседания. Тем временем врач проявляла большое нетерпение. Поэтому старшая сестра начала звонить в другие отделения, и, в конечном счете, нашла пару перчаток в палате для выздоравливающих. Она ушла, чтобы принести их. Врач, наконец, получила возможность провести медицинскую процедуру. Вся эта интеракция заняла около тридцати минут ценного времени старшей сестры.

Анализируя этот случай, исследователь отмечает, что работа была прервана из-за того, что **необходимый ресурс (в форме поставки) отсутствовал**. Чтобы поддержать ход работы, старшей сестре пришлось определить местонахождение этого ресурса: пары перчаток. Но исследователь вынужден спросить: Почему нахождение этих конкретных перчаток столь проблематично? В конце концов, перчатки это не контролируемые вещества, подобные наркотикам, чтобы держать их под замком. Что происходит, если делать это таким образом, в этой больнице, в это время? С этим вопросом, начиная с прерванного действия, исследователь проследил дальнейшую траекторию условий. (Изучаемый феномен — «ход работы», так как он связан с уходом за пациентами на организационном уровне.)

а) Мы начинаем с **действия**, которое было прервано из-за отсутствия необходимого ресурса. б) Далее мы движемся к **интеракционному уровню матрицы условий**. Старшая сестра безуспешно пыталась склонить врача принять перчатки большего размера. Врач была непреклонна в своем отказе. Тогда старшая сестра вступила в контакт с центральным складом. Здесь она также пыталась уговорить, но безуспешно. Наконец, ей удалось убедить одно из отделений дать перчатки взаймы. в) Далее мы движемся к **индивидуальному уровню матрицы**. Другой врач, может быть, принял бы перчатки большего размера, но эта отказалась. Ее руки были маленькими. Таким образом, физический размер играет роль в ее отказе. г) Затем мы движемся к **суборганизационному уровню** больничного отделения, где происходит работа. В отделении был дефицит перчаток. В наличии были лишь некоторые размеры стерильных перчаток. Почему? Потому что их очень много использовали. Почему? Вследствие недавно объявленной государственной директивы по контролю над инфекцией. Чтобы защитить себя и других пациентов, медицинские работники по требованию Национального центра инфекционных болезней должны были носить перчатки, если в работе с пациентами предполагался контакт с жидкой или газообразной средой их тел (поскольку пациенты могут иметь СПИД или другую инфекционную болезнь).

д) Продолжаем на **организационном уровне**. Мы обнаруживаем, что в больнице перчатки были в дефиците. Чтобы обеспечить каждому отделению адекватное снабжение для соответствующего типа работы (хирургия, реанимация и так далее), перчатки хранятся под замком и выдаются только по необходимости. е) Далее мы переходим к **уровню территориального сообщества**, и обнаруживаем, что обеспечение стерильными перчатками здесь также ограничено, так как в этом территориальном сообществе многие больницы и частные лечебницы следуют тем же самым государственным директивам. Это приводит нас к производству, распределению и поставке стерильных перчаток в территориальном сообществе. Очевидно, местные поставщики не были

готовы к подобному спросу. ж) Теперь мы переходим к **государственному** уровню, откуда исходят новые директивы, и спрашиваем «почему»? Здесь мы можем проследить ситуацию с эпидемией СПИДа от ее восприятия в прошлом до ее восприятия в настоящий момент. Таким образом, мы можем показать взаимосвязь между СПИДом и работой в больничном отделении, прослеживая ее через каждый уровень матрицы условий. Каждый уровень все более удаляется от изучаемой проблемы, хотя в более широком смысле содействует ее решению.

Продолжим рассмотрение следствий на том же примере. Мы видим, что работа медсестры и врача была прервана из-за отсутствия необходимого ресурса. Врач не жаловалась больничной администрации на потерю рабочего времени, но могла сделать это. Хотя исследователь не следил за этим делом дальше, разумно заключить, что возросший спрос на перчатки, созданный государственными директивами, привел к давлению на производственные компании на общинном и государственном уровнях, и к росту производства и распределения этого ресурса, поскольку несколько месяцев спустя с получением перчаток в больнице, по-видимому, не было проблем.

Отслеживание условий подобным образом совершенно отличается от того, чтобы сказать «СПИД влияет на работу в больнице», предоставляя читателю разгадывать, как это влияние происходило в действительности. Поскольку мы изучаем, как старшие сестры поддерживают ход работы, то мы заинтересованы в том, чтобы показать, насколько значительно наличие ресурсов (в форме поставок) связано с их способностью поддерживать ход работы. В данном случае перчатки были временно в дефиците из-за возросшего спроса, созданного государственными директивами, которые были предложены в ответ на восприятие эпидемии СПИДа.

Приведенная иллюстрация относится к довольно незначительному случаю, траекторию условий которого относительно легко проследить. Конечно, исследователю не нужно прослеживать каждый случай, который был замечен во время исследования. Выбирают только те случаи, которые, по-видимому, особенно подходят к центральному феномену проекта. Что касается проекта по изучению хода работы, то он был сфокусирован на организационном уровне. Таким образом, исследователь мог проследить лишь те условия и следствия, которые относились к повторяющимся проблемам, они либо замедляли или прерывали ход работы, либо напротив, служили сглаживанию хода работы.

Изучение феноменов на различных уровнях матрицы

В следующем разделе мы будем говорить коротко и в общем о том, как вы можете изучать феномен, включенный в **различные** уровни матрицы. Основные положения, которые нужно помнить, следующие:

- (1) Все уровни матрицы будут применяться, но могут быть введены в анализ, лишь доказав свою релевантность изучаемому феномену. Это может быть сделано путем прослеживания траекторий условий. В этом случае условия и следствия будут встроены в анализ через парадигму, которая была предложена в главе 7.
- (2) Процесс должен быть введен в анализ в форме изменившегося действия, которое произошло в ответ на изменившиеся условия.
- (3) Временная протяженность в форме прошлого, настоящего и будущего, по существу, является условием на каждом уровне матрицы. Каждая интеракция, организация, государство и группа, представляющая особый интерес, имеет историю. Эта история касается текущего действия/взаимодействия, в то время как вместе прошлое и настоящее становятся частью будущего.
- (4) Имеются также определенные особые характеристики, которые нужно помнить. Они обсуждаются ниже.

Интеракция

Изучая интеракцию, необходимо охватить развивающийся характер событий, и что поддерживает ход интеракции, и что нарушает его. Первый процедурный шаг состоит в том, чтобы расположить интеракцию в ближайшем ряду условий, имеющих к ней отношение, задаваясь вопросом: Что включается? Какова ее цель? Какую форму она принимает, то есть, что люди делают, говорят, думают? Какие условия ее продвигают, задерживают или прекращают, почему? Что обнаруживается во время интеракции? Вписываются ли интерактанты в общий ряд, то есть, восприимчивы ли они к другим, соответствуют ли их действия и слова общему ряду или выпадают из него? Каковы результаты каждой последовательности событий, как результаты одной последовательности влияют на следующую?

Затем также вам следует ввести в ваш анализ интеракции более широкий спектр условий. Важно помнить, что во время интеракционной последовательности реакции интерактантов находятся под влиянием не только того, что обнаруживается во время самой интеракции, но также и под влиянием более широких условий, относящихся к текущей ситуации. Недостаточно просто сказать, что более широкие условия (например, социальный статус или пол, или суждения и ценности) значительно влияют на интеракцию. Вы должны показать, как конкретно такие условия влияют на ответы и действия во время текущей интеракции. В сущности, вы располагаете более узкий интеракционный контекст внутри и связываете его с более широким структурным контекстом.

Организации

Если вы изучаете феномен, связанный с организационным уровнем, то любой изучаемый феномен будет находиться в центре матрицы, а вокруг — относящиеся к нему условия. Изучая даже такие абстрактные идеи, как поток информации или принятие решений в организациях, сначала следует расположить их в действии/взаимодействии. Это делается потому, что они представляют экспрессивные формы, которую принимает та информация, решения и тому подобное. Например, если кто-то изучает принятие решений, то следует узнать, какие решения были приняты, кем, в ответ на какие действия и взаимодействия и с какими потенциальными и реальными последствиями? Следует также узнать что-то о принятии решений организацией в прошлом, в отношении того, кто, когда и с какими результатами. Также не следует забывать индивидов внутри организаций, которые принимают решения. От принимаемых ими решений во многом зависят их карьеры и идентичности. Кроме того, следует определить влияние на принятие решений еще более широких условий, таких как экономические и политические обстоятельства, государственная и международная конкуренция, федеральные и штатные постановления и так далее. Пока не рассмотрены, по меньшей мере, некоторые из этих условий на каждом уровне матрицы, до тех пор точная картина принятия решений на организационном уровне не может быть получена.

Биографические и исторические процессы

Матрица условий в такой же степени имеет отношение к биографиям индивидов, как и к историям государств и организаций. Опять-таки, вы должны закрепить биографические и исторические процессы в действии/взаимодействии, как прошлое, так и настоящее. В этом случае вы показываете, как условия, действующие в данное время, влияли на это действие/взаимодействие; вместе с условиями критического момента, которые поддерживали или препятствовали их движению, или изменяли со временем.

Теория, относящаяся к конкретной предметной области, в отличие от формальной теории

Уровни и типы теории иногда путают. Поэтому проясним здесь различие между этими двумя вопросами. Можно иметь теорию о данном феномене, который расположен на любом уровне матрицы, например, об организационном или биографическом феномене. Но уровень или расположение внутри матрицы это не то, что характеризует теорию как более или менее абстрактную (общую). Теория о феномене, расположенном на одном из внешних уровней матрицы, может быть еще

теорией, относящейся к конкретной предметной области. Например, если вы интересуетесь «статусом», вы можете изучить статус руководителей внутри одной организации. В этом случае феномен расположен на организационном уровне матрицы. Хотя он находится на полпути между широким и узким подходом, все же это будет изучение только одного типа статусной ситуации: руководителей одной организации. Заметьте, что любая теория, относящаяся к конкретной области, развивается из изучения одного феномена, расположенного в **одном конкретном ситуационном контексте.**

Формальная теория, с другой стороны, возникает из изучения феномена, рассматриваемого во многих различных типах ситуаций. Например, создавая формальную теорию, вы можете изучать статус в различных типах ситуаций. Статус политиков на государственном уровне, статус людей внутри семьи, статус известных людей в данном городе и статусы разных профессиональных званий внутри академических институтов. Заметьте, что даже если бы вам пришлось делать широкую выборку, скажем, статус руководителей организаций, выбранных случайным образом из разных частей страны, то все же вы имели бы теорию, относящуюся к одной конкретной области. Однако вы могли бы, вероятно, более уверенно обобщать результаты относительно статуса руководителей по всей стране, чем, если бы вы изучали статус руководителей лишь в одной организации, в одном регионе страны.

Ошибка, которая иногда делается исследователями, заключается в том, что они считают возможным делать скачок от конкретной теории к формальной, потому что распространили результаты изучения феномена лишь в одной ситуации на различные типы ситуаций. Хотя исследователь может осторожно предложить более широкое применение своей теории, относящейся к конкретной предметной области, это не может быть сделано с гарантией до тех пор, пока другие ситуации также не были изучены. То есть, на самом деле, как теория, относящаяся к конкретной предметной области, может быть подобающим образом развернута в формальную теорию (Glaser 1978, p. 142–157; Glaser & Strauss, 1967; Strauss, 1987; p. 240–248). Короче, не уровень условий создает различие между конкретной и формальной теориями, а многообразие изучаемых ситуаций.

Выводы

Матрица условий, представленная в этой главе, является сильным аналитическим инструментом для охватывания многих условий и следствий, относящихся к данному феномену. Прослеживая траектории условий и следствий через различные уровни матрицы, можно определить, какие уровни будут относиться к исследованию, и затем связать их с феноменом через их влияние на действие/взаимодействие.

Теоретическая выборка

Определение терминов

Теоретическая выборка: Отбирается на основе понятий, которые доказали теоретическую релевантность к развивающейся теории.

Доказанная теоретическая релевантность: Означает, что понятия считаются существенными, так как они неоднократно присутствуют или заметно отсутствуют при сравнении одного случая за другим и обладают достаточной значимостью для того, чтобы им был присвоен статус категорий.

Открытая выборка: Выполняется вместе с открытым кодированием. Предпочтительнее открытая выборка, чем конкретная. Открытая выборка может осуществляться целенаправленно или систематически, либо происходить случайным образом. Она включает выборку на месте.

Связывающая и вариативная выборка: Выполняется вместе с осевым кодированием. Ее цель состоит в том, чтобы обеспечить наибольшие возможности для нахождения различий на уровне измерений. Это можно делать преднамеренно или систематически.

Отличительная выборка: Выполняется вместе с избирательным кодированием. Ее цель состоит в том, чтобы обеспечить наибольшие возможности для верификации линии истории, связей между категориями и наполнения слабоз развитых категорий

В этой главе мы будем исследовать значение теоретической выборки, предмет, часто приводящий в замешательство людей, делающих или читающих исследования по методу *обоснованной теории*. Вопросы, которые мы будем рассматривать, следующие: Что такое теоретическая выборка? Почему лучше использовать теоретическую выборку, чем какую-либо иную форму? Как это происходит? Как соблюсти систематичность и плотность выборки, не закрепляя ее жестко? Каков должен быть объем выборки? За какое время? Как вы узнаете, когда набрали достаточное количество? Как отличается теоретическая выборка от более традиционных форм выборки?

Обзор

Помните, что понятия являются основой анализа в исследовании по методу *обоснованной теории*. Все процедуры *обоснованной теории* нацелены на идентификацию, создание и связывание понятий. Сказать, что выборка составлена теоретически, в этом случае означает, что она составляется на основе понятий, относительно которых доказано, что они теоретически уместны (релевантны) в развивающейся теории. Термин **доказанная теоретическая релевантность** означает, что определенные понятия считаются значимыми, потому что: 1) они **неоднократно присутствуют** или **заметно отсутствуют** при сравнении случая за случаем, 2) через посредство кодировочных процедур они «зарабатывают» **статус категорий**. (См. в главе 1 дискуссию о категориях.) Цель теоретической выборки состоит в том, чтобы отобрать события, случаи и тому подобное, указывающие на категории, их свойства и измерения с тем, чтобы вы могли их обнаружить и концептуально связать.

Заметьте, мы сказали, что **выбираем случаи**, а не людей самих по себе! Мы заинтересованы в сборе данных о том, что люди делают или не делают с точки зрения действия/взаимодействия; диапазона условий, вызывающего это действие/взаимодействие и их вариации; каким образом условия изменяются или остаются такими же во времени и какое влияние они оказывают; а также следствий как осуществленного, так и неосуществленного действия/взаимодействия или стратегий, которые никогда не были задействованы.

Направляют теоретическую выборку вопросы и сравнения, которые развиваются во время анализа и которые помогают исследователю обнаруживать и связывать категории, имеющие отношение к исследованию, их свойства и измерения. Постановка вопросов и проведение сравнений служат разным целям в каждом из трех способов выборки, как мы будем обсуждать ниже. Теоретическая выборка будет иметь разные характеристики в зависимости от типа кодирования.

Теоретическая выборка **кумулятивна**. Потому что понятия и их взаимосвязи также собираются благодаря взаимосвязи сбора и анализа данных. Более того, выборка также растет по **глубине фокуса**. В первоначальной выборке исследователь заинтересован в рождении как можно большего количества категорий, отсюда он или она собирает данные в широком диапазоне подходящих областей. Позднее происходит концентрация на развертывании, плотности и насыщении категорий, здесь сбор данных больше сфокусирован на точно определенных областях. **Последовательность** также важна в выборке. Последовательность здесь означает сбор данных систематически по каждой категории.

Теоретическая выборка является гарантией того, что **вариация и процесс**, так же как и **плотность**, будут обозначены. Кроме того, необходима

также определенная степень **гибкости**, потому что исследователь должен отзываться на данные существенных ситуаций и использовать их наилучшим образом в то время, когда он находится в поле. Под гибкостью мы подразумеваем способность свободно исследовать такие области, которые нельзя было предвидеть или запланировать, пока не проявилось то, что пролило на них свет, или новая перспектива не дополнила какую-то область исследования. Гибкость также важна при исследовании новых или «незафрахтованных» областей, потому что это позволяет исследователю выбирать те пути построения выборки, которые принесут наибольшую теоретическую отдачу.

Теоретическая выборка, по большей части, должна быть хорошо продумана. Лучше **планируемая** выборка, чем бессистемная, **вместе с тем должна сохраняться еще некоторая степень гибкости**. Жесткость выборки препятствует рождению теории, являющейся, в конечном счете, главной целью *обоснованной теории*. Выборка и анализ должны происходить в тандеме, при этом анализ направляет сбор данных. Иначе исследователь нарушает один из самых основных и фундаментальных канонов метода *обоснованной теории*: **выборку на основе развивающейся теоретической релевантности понятий**.

Общие соображения

В начале работы над проектом по методу *обоснованной теории* имеется много вопросов по выборке, которые исследователь должен продумать. Эти первоначальные решения относительно выборки могут измениться, когда проект уже запущен, тем не менее, они дают исследователю некое чувство направления и места, с которого нужно начинать. Что происходит, когда сбор данных действительно начат? Это вопрос того, насколько удачно эти первоначальные решения по выборке соответствуют реальности данных.

- (1) Должно быть выбрано место или группа для изучения. Это, конечно, направляется вашим главным исследовательским вопросом. Например, если вы заинтересованы в изучении принятия решений руководителями, то вам нужно идти в те места, где руководители принимают решения, чтобы видеть, что они делают, и получить разрешение из соответствующих источников использовать это место.
- (2) Нужно принять решение относительно видов данных, которые будут использоваться. Хотите ли вы использовать наблюдения, интервью, документы, аудио и видеокассеты или их комбинации? Здесь выбор делается на основании подбора метода сбора данных, который наилучшим образом охватывает вид(ы) искомой информации.

- (3) Если вы изучаете процесс, связанный с развитием или эволюцией, то, возможно, должны принять некие первоначальные решения о том, следовать ли за теми же людьми с течением времени или за разными людьми в разные моменты времени.

Первоначально решения относительно количества мест, наблюдений или интервью зависят также от доступности, наличных ресурсов, исследовательских целей, вашего времени и энергии. Позднее эти решения могут изменяться соответственно развивающейся теории.

Ориентиры для интервью и наблюдений

Если такие первоначальные решения были приняты, исследователь готов разработать перечень вопросов интервью или областей для наблюдения. (Обычно это следует делать также для того, чтобы удовлетворить требования комитета {Human Subjects Committees}, ответственного за защиту прав индивидов.) Первоначальные вопросы или области наблюдения основаны на понятиях, извлеченных из литературы или опыта. Поскольку эти понятия, как вы знаете, еще не доказали теоретическую релевантность развивающейся теории, они должны рассматриваться предварительно. Тем не менее, они обеспечивают **начальный фокус**, точку отправления для исследователя.

Когда начинается сбор данных, первоначальный ориентир для интервью и наблюдений должен быть простой: только начальный общий курс. Жестко придерживаться его на протяжении всего исследования означало бы **лишить** данные тех возможностей, которые присущи ситуациям; **ограничить** массу и тип собранных данных; **препятствовать** исследователю в достижении плотности и вариации понятий, столь необходимых для развития *обоснованной теории*. Помните, целью *обоснованной теории* является открытие, поэтому сбор данных и выполняемая вместе с ним теоретическая выборка должны быть построены таким образом, чтобы учесть это!

Процедуры выборки

Как будет рассмотрено ниже, выборка в *обоснованной теории* направляется логикой и нацелена на *три основных типа кодировочных процедур*. Более того, она тесно связана с теоретической чувствительностью, независимо от типа кодирования. Чем более вы чувствительны к тому, насколько определенные понятия подходят к теории, тем более вероятно, что вы распознаете их индикаторы в поле и в данных. Эта чувствительность обычно возрастает на протяжении работы над исследовательским проектом. Она помогает вам решать, какие понятия искать, где вы можете найти доказательства, и как вы можете распознать их в качестве индикаторов.

Поскольку чувствительность обычно возрастает со временем, интересной и значимой характеристикой исследования по методу *обоснованной теории* является то, что можно составить выборку из ранее собранных данных, так же как из данных, которые еще предстоит собрать. Нередко при отборе, на ранних этапах проекта, из-за недостатка теоретической чувствительности, исследователь пренебрегает или упускает из виду значение или содержание определенных событий или эпизодов. Позднее, когда развивается способность проникновения в суть новых явлений, исследователь может обоснованно вернуться к старым материалам и **перекодировать их в свете дополнительно полученного знания.**

Выборка в открытом кодировании

Цель открытого кодирования, несомненно, состоит в том, чтобы обнаружить, назвать и категоризовать феномены, а также выявить в категориях их свойства и измерения. **Цель выборки здесь** состоит в том, чтобы обнаружить как можно больше потенциально релевантных категорий, вместе с их свойствами и измерениями. В результате, выборка на этой фазе исследовательского проекта является к тому же открытой. Выборка является открытой для тех людей, мест и ситуаций, которые обеспечивают **наибольшую возможность собрать самые существенные данные** об изучаемом феномене.

В открытом кодировании отбор интервьюируемых или мест наблюдения совершенно беспорядочный, в том смысле, что можно выбирать каждого третьего человека, который входит в дверь, а можно систематически проходить список имен. Поскольку мы еще не уверены в том, какие понятия существенны для теории, то не можем знать в этот момент самые благоприятные места, людей, документы, чтобы искать доказательства для наших понятий. Прежде всего, мы открыты для всех возможностей, и скорее **открытость, чем конкретность, направляет выборку на ранней стадии.**

Во время первых интервью, наблюдений и чтения документов вам необходимо погружаться в данные и обнаруживать потенциально релевантные данные. Поэтому лучше не слишком плотно выстраивать наблюдения, интервью или чтение документов. Будет лучше, если вы оставите достаточно места для возникновения других потенциально релевантных понятий, обдумывая в то же время понятийные области, которые вы внесли в исследование или обнаружили в процессе исследования.

Такая открытая выборка требует от исследователя как значительного мастерства в интервью и наблюдениях, так и непринужденного поведения в ожидании какого-то события или кого-то, кто расскажет что-то интересное. Кроме того, для такой выборки требуется исследователь, знающий, как проводить исследование, не ставя информантов

в оборонительную позицию — или хуже, бессознательно внушая им ожидаемый ответ или действие.

В открытом кодировании поддержание баланса между **последовательностью** (то есть, систематическим сбором релевантных данных о категориях) и **проведением открытий** (обнаружением новых категорий, или новых свойств и измерений) является решающим.

Знание того, как **подойти** к людям, как задать **вопрос**, как **наблюдать**, как **читать** документы или **смотреть** видеокассеты — эти знания являются весьма важными элементами исследовательского процесса и частью характеристики исследователя. Они направляют и делают возможным поддержание этого важного баланса. Понятно, что для того, чтобы осуществить сбор данных путем теоретической выборки, каждый исследователь (работает ли он один или как член исследовательской группы) *должен* обладать навыками (и подавать надежды в обучении) в технике интервью и наблюдений, и иногда в исследовании документов. Исследование по методу *обоснованной теории* не может быть выполнено удовлетворительно, если используются относительно неумелые интервьюеры (как это часто бывает в опросных исследованиях) или полевые работники. Если вам нужна информация о технике интервью или полевых наблюдений, то вам будут полезны следующие ссылки: Burgess, 1922; Hammersley & Atkinson, 1983; Johnson, 1975; Schatzman & Strauss, 1973.

Процесс открытой выборки. За первым сбором данных сразу следует аналитическая сессия, в которой вы изучаете данные в соответствии с процедурами, описанными в главах 5 и 6.

Во время открытого кодирования помните о проведении сравнений и постановке вопросов о данных. Эти вопросы и концептуальные продукты сравнений, которые возникают (категории и субкатегории), затем дополняют ваш первоначальный список вопросов и областей наблюдения. За успешными интервью или наблюдениями также будет следовать анализ, желательно как можно скорее. Следовательно, некоторые понятия, с которыми вы вошли в поле, докажут свою нерелевантность, и потому будут отброшены, изменены или заменены теми, которые появятся во время исследования.

Относительно выборки. Важной частью выборки здесь является проведение сравнений, которые дают вам возможность для теоретической выборки **на месте**. Проводя реальное интервью или наблюдение, **вы будете строить ваше интервьюирование или наблюдение** таким образом, чтобы сразу решить, на чем сосредоточиться, о чем спрашивать, куда смотреть. Некоторые вопросы, находящиеся в фокусе вашего внимания, по прибытии на место интервью или наблюдения быстро отпадут, могут показаться менее значимыми, или, по меньшей мере, второстепенными. Подобная аналитическая чувствительность, позволяющая вам дополнять теоретическую выборку на месте в период интервью-

ирования или наблюдений, позднее сэкономит ваше время. У вас не будет необходимости интервьюировать или наблюдать повторно, чтобы восстановить важные упущенные данные. Тем не менее, важно оставлять «дверь открытой» с тем, чтобы вы могли вернуться в случае необходимости.

К некоторым категориям, для которых вы делаете выборку, вы придете индуктивно, как объяснялось в главе 5. Другие явятся результатом дедуктивного мышления в процессе анализа. Всегда важно помнить, что вы должны каждый раз подвергать сомнению понятия и перспективы, которые вы вносите в поле; вы сомневаетесь в них, когда сталкиваетесь их с реальной ситуацией и делаете это осознанно.

Вариации в технике выборки. Открытая выборка может проводиться различными способами. Поскольку каждый из них имеет свои преимущества и недостатки, комбинация всех техник, является, вероятно, наилучшим способом ее проведения.

(1) Вы можете **целенаправленно** искать данные, относящиеся к категориям, их свойствам и измерениям. То есть, вы преднамеренно выбираете места, людей, документы. Например, изучая медицинскую работу в больницах, одна исследовательская группа открыла, что оборудование в больницах имеет несколько свойств (Strauss et al., 1985). Они включали, среди прочего, стоимость, размер и статус. Группа в этом случае вполне преднамеренно отбирала события и случаи, связанные с оборудованием, на основе различных измерений тех и других свойств, в то же время сравнивая подобию и различия. Один из отобранных типов оборудования, CAT Scanner (компьютерный осевой томограф), благодаря своим специфическим измерениям (большой, дорогой, для людей с высоким статусом) предоставлял максимальные возможности для обнаружения различий, создаваемых таким оборудованием в уходе за пациентами и работе медицинского персонала.

(2) Другой путь проводить открытую выборку состоит в том, чтобы действовать **систематически**, идя от одного человека или места к другому по списку (или выбирая любого входящего в дверь, или согласного участвовать), разыскивая свидетельства случаев, событий и так далее, обозначающие каждую категорию, и проводить сравнения между ними. Обеспечивая наилучшие возможности для раскрытия подобию и различий, эта процедура позволяет исследователю обнаружить больше тонких различий, чем можно обнаружить, скажем, при сравнении полярных противоположностей. Она позволяет поддерживать большую последовательность в сборе данных. Мы использовали эту процедуру, изучая роль старших сестер в соблюдении хода работы в больнице. Поскольку вначале мы мало знали как о частных лечебницах, которые мы посещали, так и о старших медсестрах, мы просто шли от отделения к отделению. Мы проводили время с любой старшей медсестрой,

которая выражала готовность участвовать в исследовании. В итоге мы обнаружили, что каждое отделение отличалось от другого с точки зрения организационной структуры, тем самым давая нам прочную основу для сравнений работы медсестер.

(3) Данные, имеющие отношение к открытой выборке, временами, и даже часто, возникают совсем **случайно**. Вы наталкиваетесь на них случайно или неожиданно обнаруживаете их во время полевого наблюдения, интервью или чтения документов. Важно распознать аналитическую значимость события или случая. Это исходит от открытого и пытливого ума, всегда готового к значительным данным. Когда вы видите что-то новое или отличающееся, вы должны остановиться и задать вопрос: Что это такое? Что это может означать? Таким образом, ваша теоретическая чувствительность во время открытого кодирования связана с вашей теоретической выборкой.

Выборка в осевом кодировании: связывающая и вариативная выборка

За открытым кодированием и параллельно ему, следует, конечно, осевое кодирование. Выборка еще продолжается на основе теоретически релевантных понятий (категорий), но фокус изменяется. Помните, что в осевом кодировании цель заключается в том, чтобы более точно связывать категории и субкатегории, которые были обнаружены во время открытой выборки и кодирования, находить доказательства вариации и процесса относительно них.

Вы связываете категории с точки зрения парадигмы, а именно: условия, контекст, действие/взаимодействие, и следствия. Таким образом, выборка теперь фокусируется на **обнаружении и валидации этих взаимосвязей**. Вы предполагаете формулировки связей, а затем, находясь в поле, определяете, выдерживаются ли эти связи.

Более того, помните, что вам нужно обнаружить еще примеры случаев и событий, которые указывают на различия и изменения условий, контекста, действия/взаимодействия и следствий. Вы делаете это, чтобы обнаружить вариацию и процесс, а также, чтобы уплотнить категории. Это значит, что в то же время когда вы находитесь в поле, вы должны **отслеживать категорию. Кроме того, вопросы и сравнения являются важными направляющими**. Есть ли в этой ситуации доказательство релевантности данной категории? Если да, то какую форму или значение она здесь принимает? Это та же самая ситуация или отличная от предыдущих? Каковы здесь ее свойства? Какие условия к ней приводят? Какой конкретный контекст? Какие промежуточные условия вступают в игру, чтобы дать эту вариацию? Какая форма действия/взаимодействия? Как они изменяются со временем? Что происходит в результате? Ваша выборка должна теперь касаться таких вопросов.

Процесс связывающей и вариативной выборки. В связывающей и вариативной выборке, сделанной во время осевого кодирования, вы пытаетесь **найти как можно больше различий в данных на уровне измерений**. Здесь, как и в открытом кодировании, существуют различные способы того, как вы можете действовать. Опять-таки, вы можете делать это **систематизированно**, переходя от ситуации к ситуации, собирая данные по теоретически релевантным категориям. Другой путь — **целенаправленно** выбирать людей, места, документы, которые дают максимальные возможности, чтобы выявить данные относительно вариаций по измерениям категорий, и которые демонстрируют, что происходит в случае изменения. Однако позднее процедура может оказаться трудной, если вы не знаете место, людей, документы до наблюдения или интервью достаточно хорошо, чтобы составить такое суждение. Процедура может быть трудной и в том случае, если у вас нет неограниченного доступа к местам, людям или документам. Реально вам, возможно, придется делать выборку на основе того, к чему вы имеете доступ, или с чем столкнетесь.

Если у вас есть возможность отобрать, кого, что и когда включать в выборку, то вы можете **дедуктивно перейти** к гипотезам о взаимосвязях и различиях, которые могут встретиться, если вы будете варьировать измерения свойств феномена. Например, если время дня, по-видимому, имеет значение для феномена, в котором вы заинтересованы, то вам следует преднамеренно собирать данные в разное время дня, для того чтобы более точно определить эти различия.

Важно помнить при отборе связывающей и вариативной выборки следующее: Поиск разных мест, людей или документов это не реально существующая проблема. Вас интересует **выборка на основе теоретически релевантных понятий**. Дело обстоит именно так, выбираете ли вы на основе того, что доступно или можете преднамеренно выбрать, куда идти для сбора данных. Если приходится иметь дело с событиями/случаями и феноменами, к которым они относятся, то вы редко найдете одно или более событий/случаев, которые полностью идентичны и релевантны по всем условиям, контексту, действию/взаимодействию, и следствиям. Если выборка сделана на основе теоретически релевантных понятий, то вы занимаетесь теоретической выборкой, не обращая внимания на то, как это происходит. Обнаружение процесса и вариации и достижение плотности может занять больше времени, если происходит скорее **случайно** (то, что доступно), чем **по выбору**. Тем не менее, это может быть сделано, и успешно.

Высокоизбирательная (отбор) выборка становится важной, все-таки, когда ею занимаются в избирательном кодировании. Почему это важно, мы объясним в следующем разделе.

Выборка в избирательном кодировании: отличительная выборка

Цель избирательного кодирования состоит в интегрировании категорий на уровне измерений, чтобы сформулировать теорию, валидизировать интегративные формулировки взаимосвязей и наполнить категории, которые нуждаются в дальнейшем развертывании. Таким образом, выборка теперь должна стать в высшей степени **направленной и преднамеренной**, с осознанными выборами, кого и что выбирать, чтобы получить необходимые данные.

Процесс отличительной выборки. В **отличительной выборке** исследователь отбирает места, людей и документы, которые обеспечат максимальные возможности для верификации линии истории, взаимосвязей между категориями и для наполнения слаборазвитых категорий. Это может означать возвращение к старым местам, документам и людям, или переход к новым, где, как он знает, могут быть собраны нужные данные. Например, в изучении старших медсестер после завершения сбора данных в больнице исследователи планировали вернуться в разные отделения больницы, чтобы проверить свою теорию. Кроме того, был составлен план собирать данные в других больницах, отличавшихся, как было известно, в организационном плане, для того чтобы определить, насколько поддерживается здесь теория.

Значение проверки. Проверка — решающая по значимости и интегральная часть *обоснованной теории*. **Она встроена в каждую ступень процесса.** Хотя это и не контроль в статистическом смысле, но мы постоянно сравниваем гипотезы с реальностью (данными), внося изменения, затем снова проверяя. Лишь то, что неоднократно оказывалось прочным при столкновении с реальностью, будет встраиваться в теорию. Помните, что негативные случаи также очень важны. Потому что для нас они не обязательно обозначают ошибку нашего мышления, но **возможную вариацию**. Когда появляется негативный пример действия/взаимодействия, он становится очень важным для отслеживания линии условий, ведущих к нему, для того чтобы определить, является ли он небрежностью или изменением действия/взаимодействия. Была ли наша первоначальная мысль неверной? Или этот негативный пример указывает на вариацию, новый путь мысли, по которому нужно следовать? Во всем этом, как видите, отличительная выборка во время избирательного кодирования играет важную роль.

Теоретическое насыщение. В этот момент вас, вероятно, интересует, как долго вы должны продолжать делать выборку. **Общее правило** в исследованиях по методу *обоснованной теории* заключается в том, чтобы **делать выборку до тех пор, пока не будет достигнуто теоретическое насыщение каждой категории** (Glaser, 1978, p. 124–126; Glaser & Strauss, 1967, p. 61–62, 111–112). Это означает: 1) никаких новых

или релевантных данных, относящихся к данной категории, по-видимому, больше не возникает; 2) категории разработаны настолько плотно, чтобы учитывать все элементы парадигмы, вместе с вариацией и процессом; 3) взаимосвязи между категориями хорошо установлены и валидизированы. Теоретическое насыщение имеет большое значение. **Если вы не прилагаете усилий к этому насыщению, то ваша теория будет концептуально неадекватной.**

Некоторые ответы на важные вопросы

(1) **Могу ли я сделать выборку данных из библиотеки и как?** Некоторые исследования требуют изучения документов, газет и книг в качестве источников данных. Как же поспеть всюду? Ответ следующий: Вы делаете выборку точно так же, как с данными интервью и наблюдений, далее используется обычная взаимосвязь кодирования и выборки.

Если вы используете закрытые архивные материалы, то это эквивалентно сбору интервью или полевых записей (Glaser & Strauss, 1967, p. 61–62, 111–112). Однако документальные данные могут быть размещены не в одном месте, а разбросаны по всему пространству библиотеки, нескольких библиотек, фондов и других организаций. В этом случае вы должны продумать, точно так же как и с другими типами данных, где следует найти и выбрать события/случаи, которые относятся к будущей теории. Будут ли они в книгах о конкретных организациях, совокупностях, регионах? Вы ответите на этот вопрос, определяя местоположение материалов с помощью обычных библиографических исследовательских техник, включая целенаправленное пролистывание в библиотечных книгохранилищах.

Особый вид документов составляют собранные интервью или полевые записи другого исследователя. Существует обычай называть анализ таких данных термином «вторичный анализ» (Glaser, 1963). Тот, кто проводит исследование по методу *обоснованной теории*, может кодировать эти материалы тоже, применяя теоретическую выборку вместе с обычными кодировочными процедурами.

(2) **Как в групповом проекте сделать выборку теоретически, но при этом поддерживать последовательность?** Работая в группе исследователей, как мы сказали раньше, каждый член группы должен посещать аналитические семинары. Каждый должен также получать копии любых записанных аналитических «памяток». Данные следует приносить в группу и делиться ими. Важно, чтобы каждый знал категории, которые исследуются, с тем, чтобы каждый мог систематически собирать данные о них во время своей полевой работы. В одинаковой степени важно, чтобы группа исследователей встречалась регулярно и часто для анализа данных по частям. Таким образом, работая как

аналитическое целое, они все остаются твердо в тех же концептуальных рамках. К тому же, конечно, они участвуют в принятии главных решений по теоретической выборке. Когда данные накапливаются, становится или невозможно, или невыполнимо для членов группы читать все интервью или полевые записи других членов группы, поэтому, конечно, каждый несет ответственность за то, чтобы кодировать свои собственные материалы. **Каждый член группы должен читать все итоговые аналитические памятки**, в противном случае ресурсы группы не будут отражены в данных, и не так легко будет достичь аналитической последовательности.

(3) **Может ли моя теория подвергаться дальнейшей проверке?** Конечно, теория может подвергаться контролю помимо того, который уже выполнен в вашем исследовании. (См. дискуссию о проверке выше, а также в главе 14.) Хотя обычно в исследовательском тексте определенной *обоснованной теории* предположения не объясняются (они встроены в дискуссию), гипотетические и систематически валидизированные взаимосвязи между более значимыми категориями – суть именно предположения. Они могут быть разъяснены и подвергнуты дальнейшей проверке и отдельно.

Важно помнить, когда вы делаете это, что условия, при которых феномен, как говорится, существует, подробно объясняются (или должны объясняться) в теории. Если вам или кому-либо еще данное предположение нужно подвергнуть проверке в различных условиях, в этом случае, вероятно, оно должно быть основательно модифицировано, чтобы соответствовать этим условиям. Помните, теория – все-таки теория. Если обнаружится путем дальнейшей проверки, что предположение не поддерживается, то это не обязательно указывает на то, что теория неверна. Просто эти предположения должны быть изменены или расширены, чтобы охватить дополнительные и на этот раз другие условия.

(4) **Как выборка в исследованиях по методу обоснованной теории отличается от более традиционных форм выборки?** В количественных формах исследования выборка основана на отборе части населения, чтобы репрезентировать все население, на которое хотят распространить ее выводы. Таким образом, первостепенное соображение состоит в репрезентативности этой выборки или в том, насколько она имеет сходство с этим населением, с точки зрения определенных характеристик. В действительности, никогда нельзя быть уверенным, что выборка полностью репрезентативна. В количественном исследовании определенные процедуры, такие, как рандомизация и статистические замеры, помогают минимизировать или контролировать эту проблему.

В *обоснованной теории* эти вопросы также рассматривают и принимают во внимание, но иначе. Мы заинтересованы в *репрезентативности*

понятий в их различных формах. В каждом случае сбора данных мы ищем доказательство их значимого присутствия или отсутствия и спрашиваем, почему? Почему присутствует, почему отсутствует, какую форму принимает? Поскольку мы ищем события и случаи, указывающие на феномены, а не считаем индивидов или места сами по себе, то каждое наблюдение, интервью или документ можно отнести к многочисленным примерам этих событий. Например, следуя за старшей медсестрой в течение одного дня, исследователь, возможно, отметит десять примеров того, как она использует власть и влияние.

Естественно, чем больше интервью, наблюдений и документов получено, тем больше доказательств будет накоплено, тем больше вариаций будет обнаружено, и тем большая плотность будет достигнута. Таким образом, будет шире применимость теории, потому что больше и различных рядов условий, влияющих на феномены, будет обнаружено. Если количество важно для удовлетворения комитета или самого себя, то примеры проявлений феноменов могут быть, конечно, подсчитаны.

С точки зрения генерализации для более широкой совокупности мы стремимся не генерализовать, а точно обозначать. Мы точно обозначаем условия, при которых существуют наши феномены, действие/взаимодействие, которые им свойственны, результаты или следствия, сопряженные с ними. Это означает, что наша теоретическая формулировка применяется к этим ситуациям или обстоятельствам, а не к другим. Когда условия изменяются, тогда теоретическая формулировка должна будет измениться, чтобы удовлетворять этим новым условиям. Цель *обоснованной теории* всегда должна сохраняться, прежде всего, в уме. О ней нельзя судить, используя обычные критерии, нельзя делать выборку, руководствуясь логикой других типов исследований, потому что ее цели, логика, каноны и процедуры совершенно отличны от тех, которыми руководствуются в количественных исследованиях. (См. главу 14, где это обсуждается дополнительно.)

По этому поводу мы отмечаем, что типичная критика качественных исследований со стороны количественных исследователей является неправомерной, потому что применение их количественно-исследовательских норм здесь неуместно. Их критика состоит в том, что в качественных исследованиях данные не сопоставимы, так как не всем субъектам задаются в интервью те же самые вопросы. Будь то интервью, полевые наблюдения или документы, из которых состоят данные, они являются сопоставимыми, потому что они выбраны посредством *репрезентативности понятий*.

(5) **Могу ли я сочетать количественный и качественный методы в одном и том же исследовании?** Да, можете, но четко разъясните цель этих количественных мер. Они должны быть также встроены в теорию с целью дальнейшей верификации условий, действия/взаимодействия,

следствий и так далее. Другими словами, если количественные выводы не будут включены в состав теории, не станут частью самой теории в рамках парадигмы, они просто останутся в стороне.

Обычная ошибка состоит в том, что исследователи сообщают о том, что они выполнили проект по методу *обоснованной теории*, в то время как в действительности они комбинировали методы неподходящим образом. Они собрали немного данных, получили некоторые категории и свойства, развернули несколько общих формулировок взаимосвязей между ними, затем попытались валидизировать свои предположения через опрос или стандартизированный инструментарий. Конечно, эта комбинация является годной с точки зрения исследования вообще, но не конституирует проект по методу *обоснованной теории*. Чтобы удовлетворять критериям создания такого исследования, исследование должен использовать его общие процедуры, а также многие специальные. Когда это выполняется, то получающиеся в результате предположения могут быть проверены. Это предприятие, вероятно, займет много месяцев, поскольку к концу предположения будут (или должны быть) очень сложными. (Дальнейшее обсуждение критериев оценки исследований по методу *обоснованной теории* см. в главе 14.)

(6) Когда завершается теоретическая выборка? Как долго вы должны ее продолжать? Вы не начинаете писать диссертацию, монографию или книгу фактически до тех пор, пока еще не закончена большая часть вашего избирательного кодирования, отличительной выборки и интеграции. Тем не менее, отличительная выборка часто продолжается прямо на этапе написания аналитического документа. В этом случае она выполняет функцию в режиме «заполнения» точно так, как ранее было описано. В результате этой выборки вы можете даже обнаружить, что занимаетесь перепроверкой данных и, возможно, даже сбором некоторых дополнительных данных — но вокруг очень конкретных концептуальных деталей, которые нужно проверить или вставить пропущенное.

(7) Трудно ли научиться делать теоретическую выборку? Относительно легко понять процедурную логику теоретической выборки. Однако точно так же, как и другие процедуры *обоснованной теории*, составление выборки нужно применять усердно, особенно в реальных научных исследованиях, чтобы они стали «второй натурой».

(8) Что касается проекта исследования, то какова его связь с теоретической выборкой? В отличие от выборки, которая делается в количественных исследованиях, теоретическая выборка не может быть запланирована до погружения в проект по методу *обоснованной теории*. Определенные решения по выборке развиваются во время самого исследовательского процесса. Конечно, заранее вы можете рассуждать, что феномены, в которых вы первоначально заинтересованы, проявят-

ся, вероятно, в определенных местах, в определенных организациях и совокупностях. Если действовать в соответствии с этими соображениями, то они могут рассматриваться как вид «исследовательского проекта». По правде говоря, исследователи, представляющие заявки, должны удовлетворять ожидания фондовых агентств и ожидания комитетов (subject-consent committees). Честный и разумный путь удовлетворения этих ожиданий состоит в том, чтобы подробно и тщательно рассказать о предварительном характере вашего первоначального логического обоснования выборки и процедур. Примеры выборки, взятые из вашего подготовительного материала исследования, всегда должны сопровождать эту дискуссию.

Выводы

В исследовании *обоснованной теории* выбирают события и случаи, которые указывают на теоретически релевантные понятия. Люди, места и документы просто обеспечивают средства для получения этих данных. Выборочные процедуры различаются соответственно типу кодирования, которым занимаются. В открытом кодировании занимаются открытой выборкой. Во время осевого кодирования делают связывающую и вариативную выборку. Во время избирательного кодирования проводят отличительную выборку. Выборка продолжается до тех пор, пока теоретическое насыщение категорий не будет достигнуто.

Часть III

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

Мы переходим теперь к третьей, заключительной части книги. Хотя она читается относительно легко по сравнению с предыдущими главами, тем не менее, она очень важна для общего развития вашей теории. Так, аналитические «памятки» и диаграммы (глава 12) необходимы, поскольку без их помощи исследователь не будет иметь письменной записи своего анализа. никоим образом невозможно сохранить результаты таких сложных процедур полностью в уме. Кроме того, важно знать, как описывать и представлять исследования после их завершения. Результаты исследований не имеют смысла, пока они не изложены в такой форме, которая позволяет другим обдумывать, критиковать и использовать их. Наконец, необходимо знать, как оценивать свои и чужие исследования, сделанные по методу «обоснованной теории», исходя не только из валидности и надежности результатов, но и с точки зрения роста и развития самих исследователей.

Простой и ясный стиль изложения в предыдущем абзаце создает впечатление, будто дополнительные процедуры, которые предстоит рассмотреть в последующих главах, можно, едва изучив, быстро применить на практике. Однако мы обязаны напомнить вам, что ни жизнь, ни творческое исследование отнюдь не являются простыми. В процессе исследования развиваются не только интуиция и анализ, — но, также, обычно изменяется что-то в самом исследователе как следствие кумулятивного опыта. Вплоть до последних шагов при написании, редактировании и переписывании текста вы будете испытывать различные переживания. Они могут быть чудесными и волнующими, а могут, увы, вызывать тревогу и напряженность. Это красноречиво выразил философ Джон Дьюи в запоминающейся метафоре, говоря об искусстве, но думая то же самое о науке:

Акт экспрессии, составляющий основу произведения искусства, это построение во времени, а не мгновенный выброс [Это] означает, что выражение личности в средстве и через средство, составляющее произведение искусства, есть *само по себе* продленное взаимодействие

некоего продукта личности и объективных условий, процесс, в котором и то, и другое обретает форму и порядок, которыми не обладали изначально. Даже Всемогушему понадобилось семь дней, чтобы сотворить небо и землю и, если бы запись была полной, то мы бы узнали также, что Он лишь в конце этого периода осознал, что Ему с самого начала противостоял сырой материал хаоса. (John Dewey, *Art as Experience*, 1934, p. 65.)

Аналитические памятки и диаграммы

Определение терминов

Аналитические памятки: Письменные записи анализа, связанные с формулированием теории.

Кодировочные записи: Заметки для памяти, содержащие фактические продукты трех типов кодирования, такие как концептуальные ярлыки, характеристики парадигмы и индикация процесса.

Теоретические записи: Повышающие теоретическую чувствительность и резюмирующие памятки. Они содержат продукты индуктивного и дедуктивного мышления относительно релевантных и потенциально релевантных категорий, их свойств, измерений, взаимосвязей, вариаций, процессов и матрицы условий.

Операциональные записи: Памятки, содержащие указания для вас самих и членов группы касательно выборки, вопросов, возможных сравнений, которых надо придерживаться и т. д.

Диаграммы: Визуальные репрезентации взаимосвязей между понятиями.

Логические диаграммы: Визуальные репрезентации аналитического мышления, которые обнаруживают эволюцию логических взаимосвязей между категориями и их субкатегориями с точки зрения характеристик парадигмы, как показано в главе 7. Вид логического, визуального процесса сортировки, который помогает вам идентифицировать, как категории связываются друг с другом.

Интегративные диаграммы: Визуальные репрезентации аналитического мышления, которые используются для проверки и демонстрации концептуальных связей; их формат не привязан к парадигме, но остается открытым для воображения.

Когда большинство людей размышляет о заметках для памяти (памятках), они думают о тех написанных или напечатанных формах коммуникации, которые происходят между членами организаций (или семей), действующих как напоминание или источники информации. Но когда мы говорим о памятках и диаграммах, то имеем в виду весьма особенные формы письменных записей, содержащие продукты нашего анализа. *Аналитические памятки* представляют собой письменные формы нашего абстрактного мышления о данных. *Диа-*

граммы, с другой стороны, являются графической репрезентацией или визуальными образами взаимосвязей между понятиями.

Памятки и диаграммы могут принимать различные формы: кодировочных записей, теоретических записей, операциональных записей и их подвидов. Действительно, памятки, написанные на любом заседании, могут содержать элементы одной или более из этих форм. Важно, однако, выдерживать различия между ними, иначе операциональные записи могут оказаться погребенными под кодировочными записями или затеряться в теоретических записях. То же самое верно и для диаграмм. Они также могут принимать различные формы, например, логические или интегративные.

По мере продвижения исследования и анализа памятки и диаграммы становятся более концептуально сложными, плотными, прозрачными и точными. Более поздние памятки и диаграммы могут сводить на нет, дополнять, поддерживать, расширять и прояснять более ранние. Просто поразительно, как наша база данных накапливается и растет теоретически, и, в то же время, поддерживается ее обоснование в эмпирической реальности.

Памятки и диаграммы это важные элементы анализа, и *никогда* нельзя пропускать их составление, несмотря на то, что, возможно, аналитик вас очень торопит. **Памятки и диаграммы составляют с начала исследовательского проекта и продолжают до конца его написания.** Как таковые, памятки и первые диаграммы публикуются редко, но если их число ограничено, то в теории, которая является конечным продуктом исследования, понятия будут недостаточно плотными, и/или слабо связанными между собой.

Памятки и диаграммы помогают вам аналитически дистанцироваться от материалов. Они поддерживают ваше движение от данных к абстрактному мышлению, затем возвращение к данным, чтобы обосновать эти абстракции в реальности. Хотя многое о памятках и диаграммах было опубликовано и раньше, но они так важны, что мы будем неоднократно и подробно касаться здесь их характерных особенностей. (Мы рекомендуем вам проконсультироваться также в книгах: Glaser, 1978, p. 83–92, 116–127; Glaser & Strauss, 1967, p. 108, 112; Schatzman & Strauss, 1973, p. 94–107; Strauss, 1987, p. 109–128, 170–182, 184–214.)

Некоторые общие и конкретные характеристики памяток и диаграмм

Памятки и диаграммы имеют некоторые общие и конкретные характеристики, с которыми вам следует ознакомиться. Мы обратимся к ним в следующем разделе.

Общие характеристики

(1) Памятки и диаграммы изменяются по содержанию и протяженности в зависимости от фазы исследования, намерения и типа кодирования.

(2) На начальных этапах анализа памятки и диаграммы могут быть простыми и неуклюжими. Это не проблема. Помните, никто кроме вас, не увидит ваши памятки или ранние диаграммы.

(3) Хотя вы можете писать на ваших документах, это плохая практика, за исключением, возможно, ранних фаз открытого кодирования. Мы говорим это по нескольким причинам. Во-первых, рядом с полными записями трудно записывать довольно протяженные памятки или диаграмму из-за недостатка места на самих документах. Во-вторых, некоторые или все идеи и ярлыки, установленные на данной аналитической сессии, могут оказаться ложными и запутанными, если документ перекодируется с более поздней датой (что обычно происходит, когда теоретическая чувствительность исследователя развивается). В-третьих, трудно восстанавливать информацию, другими словами объединять или сортировать ее, если единственное место, на котором она записана, это поля страницы. (Существует несколько компьютерных программ, применяемых в помощь аналитику для сортировки и восстановления данных. См. (Pfaffenberger, 1988) и (Tesch, 1989) для получения дополнительной информации относительно использования компьютеров в анализе данных.)

(4) Каждый аналитик должен развивать свой собственный стиль при написании памяток и диаграмм. Некоторые могут выбрать компьютерные программы, другие цветные кодовые карточки, в то время как третьи предпочитают машинописные страницы, переплетенные, или в виде папок и блокнотов. Неважно, какой метод вы выбрали, до тех пор, пока он работает на вас. Однако, что имеет значение, так это то, чтобы ваши памятки и диаграммы оставались организованными, последовательными, систематизированными, и легко восстанавливались при сортировке и перекрестных ссылках.

(5) Хотя памятки и диаграммы являются решающим инструментом, чтобы помочь вам сохранить запись различных аспектов развития вашей теории, однако они имеют также другие функции. Среди наиболее важных: они освобождают вас для работы с идеями, используя род свободной ассоциации, причем одна идея стимулирует другую без ограничений вроде беспоконечности насчет логики или чересчур тесной связи с реальностью, **по крайней мере, в данный момент**. Позднее, конечно, логика и обоснование важны, но чтобы суметь «увидеть», что происходит в данных, вы должны быть в состоянии думать творчески. Написание памяток и составление диаграмм помогает стимулировать эту творческую способность.

(6) Еще одна из их функций состоит в том, чтобы указывать, где белые пятна в вашем мышлении. Категории, которые не полностью развиты с точки зрения характеристик парадигмы, или те, чьи взаимосвязи не логичны или твердо установлены, быстро станут очевидными, когда вы попытаетесь сделать теоретическое резюмирование памяток или создать логическую диаграмму.

(7) Кроме того, заметки для памяти и диаграммы обеспечивают «фонд» (Glaser, 1978, p. 83) или склад аналитических идей, которые могут быть отсортированы, приведены в порядок и перестроены в соответствии с организационной схемой и потребностью. Они полезны, если вы готовы писать по теме; хотите объединить категории или сделать на них перекрестные ссылки; или просто хотите оценить свое продвижение — насколько вы продвинулись в вашем анализе; также чтобы предложить, что нуждается в дальнейшей разработке и совершенствовании, или где необходимы дальнейшая проверка и валидация. В продолжительных исследовательских проектах легко потерять нить анализа. (См. дальнейшее обсуждение этой темы в конце главы.)

Несколько общих замечаний. Нет необходимости кодировать после каждой отдельной аналитической сессии. Однако если у вас возникла какая-то мысль, то перестаньте делать то, что вы делаете, и запишите ее, даже если вы не сделали какой-то записи вовремя. Иначе очень важные мысли могут быть потеряны. Позднее вы можете вернуться к вашей работе и закончить ее, если это необходимо. Кроме того, одни памятки могут быть написаны на основе других памяток, так как написание или чтение одной заметки, сделанной для памяти, больше стимулирует мысль о той же или о другой, связанной с ней идее. Или вы можете написать резюмирующие памятки, которые объединят несколько заметок, сделанных для памяти. Либо вы можете делать интегративную диаграмму, включая в нее идеи нескольких более мелких диаграмм. Памятки и диаграммы могут происходить из специальной или теоретической литературы, так же как из реальных данных. Любые мысли, происходящие из литературы, конечно, должны рассматриваться предварительно. Позднее они должны быть подтверждены фактическими данными.

Конкретные характеристики

(1) Каждая памятка и каждая диаграмма должны быть датированы. Они должны также включать ссылки на документы, из которых были взяты. Ссылка должна включать кодовый номер интервью, наблюдения, документа; когда данные были собраны; страницу (и номер строки для тех, кто использует компьютерные программы); и любые другие средства идентификации, которые могут оказаться полезными при восстановлении данных позднее.

(2) Каждая памятка или диаграмма **должна содержать заголовок**, обозначающий понятие (я) или категорию (и), к которым он относится. **Все** памятки или диаграммы, которые объединяют или связывают две или более категории или субкатегории с главной категорией, следует **перечислить** в заголовке.

(3) **Короткие цитаты или фразы** могут быть включены в памятки. Они являются удобным напоминанием о данных, которые вызвали конкретное понятие или идею. Позднее, во время написания, их можно использовать в качестве иллюстраций.

(4) Памятки и диаграммы **следует подразделять на их различные формы** (см. «Определения» в начале главы) и **маркировать ярлыками**, чтобы их легко было найти по ссылке, как таковые. Особенно важно отделить верифицированные данные от предварительных данных.

(5) При написании памяток **следует подчеркивать или выделять жирным шрифтом** ссылки на категории или взаимосвязи парадигмы для быстроты просмотра.

(6) Любая теоретическая запись, которая отрывается от кодировочной записи, **должна иметь обратную ссылку** на кодировочную запись, которая ее стимулировала.

(7) Когда событие или случай может относиться к двум различным категориям, **рекомендуется кодировать его только под одной из них**, чтобы сохранить разделение и отличие одной категории от другой. Если сомневаетесь, сделайте перекрестную ссылку на этот случай в другой памятке. Позднее, когда появится больше данных, и категории получат большую завершенность и определенность, этот случай может быть помещен под подходящим ярлыком.

(8) **Не бойтесь вносить изменения** в памятки и диаграммы, по мере того как анализ продвигается, и новые данные способствуют повышению интуиции. Памятки и диаграммы должны отражать возросшую точность и ясность мышления о категориях и их взаимосвязях по мере продвижения исследования.

(9) **Держите под рукой список возникающих кодов**. На поздних этапах кодирования справляйтесь по списку о возможных категориях или взаимосвязях, которые вы, возможно, упустили или вам не удалось доработать.

(10) Если чересчур много памяток с различными кодами кажутся одинаковыми, то **сравните коды** или их измерения по различиям между двумя кодами, которые были пропущены. Если они все же одинаковые, **сложите два кода** в один, возможно под более высоким порядком или более абстрактным понятием.

(11) **Сохраняйте множество копий** ваших памятных заметок для более поздней организации и сортировки. Кроме того, если один экземпляр утерян, то всегда есть копия. Это указание особенно верно

для компьютерных копий, и всякий, кто когда-либо терял важные данные из-за ошибок техники или пользователя, это знает.

(12) Указывайте в ваших памятках, когда вы считаете категорию **насыщенной**, то есть полностью разработанной в концептуальных деталях.

(13) Если у вас родились две или больше идей для памяток или диаграмм, то бегло набросайте каждую, чтобы не забыть, затем запишите заметку для памяти или диаграмму по каждой из них, для того чтобы сохранить идеи отдельно и отчетливо.

(14) Будьте гибки и не напрягайтесь, когда пишете памятки и диаграммы. Жесткая фиксация на форме или правильности подавляет творчество и замораживает мысль.

(15) Наконец, и это важнее всего, **сохраняйте концептуальность в ваших памятках**. Они относятся не к людям, или даже не к событиям или случаям, как таковым, а к *понятиям, которые репрезентируют абстракции случаев, событий, происшествий*. Как вы знаете, именно понятия двигают ваш анализ от описания к теории.

Памятки и диаграммы в трех типах кодирования

Для каждого типа кодирования памятки и диаграммы будут выглядеть по-разному, прежде всего потому, что цели кодирования различаются. Поскольку анализ становится более плотным и сложным по мере того, как исследование продвигается, то же самое происходит и с заметками для памяти и диаграммами.

Как в таком случае должны выглядеть памятки на разных этапах? Невозможно в рамках книги такого объема и характера дать примеры каждого и всякого типа памяток и диаграмм, которые, вероятно, могут быть выполнены на каждом этапе исследовательского проекта. Потребовалось бы не только слишком много места, чтобы это сделать, но и привело бы также к жесткому закреплению процесса. Вы должны развивать свой собственный стиль и технику. Тем не менее, чтобы обеспечить некие принципы, мы включим несколько примеров и дадим ссылки на предыдущие тексты *обоснованной теории*, где вы можете найти иллюстрации других типов.

Открытое кодирование

Открытое кодирование вначале похоже на головоломку. Вы должны организовать, рассортировать части по цвету, который иногда включает характерные мельчайшие различия оттенков, с тем, чтобы позднее постепенно сложить части вместе.

Эти первые страницы полевых записей представляют собой голололомку. Вы не знаете, куда отправляться, или даже, что именно вы ищите, или узнаете ли вы это, если увидите. Все это индифферентная масса. И все это отражается в ваших первых памятках. Здесь есть место, чтобы записывать, не беспокоясь о том, что подумают другие и о том, что «корректно» или верно, ваши первые впечатления, мысли и указания для себя. Вы можете быть так неосторожны, как вы хотите, на этих первых ступенях. Все же напоминайте себе, что если бы вы или даже другие знали все ответы, то не было бы смысла проводить это конкретное исследование.

Кодировочные записи. Во-первых, ваши кодировочные записи могут выглядеть довольно разбросанными. Быстро прочитав свои первые полевые записи, вы можете присвоить несколько концептуальных ярлыков, но они еще недостаточно нагружены смыслом. Благодаря использованию сравнений и постановке вопросов кодировочные записи со временем начинают принимать какую-то форму. Вы можете иметь категорию, под ней какие-то свойства и измерения. Конечно, свойства не обязательно будут выпрыгивать на вас из данных. Скорее и более вероятно, что вы неожиданно столкнетесь с измерением свойства, в этом случае вы должны вернуться и задаться вопросом, к какому свойству относится это аналитическое измерение.

Рассмотрите, например, следующую цитату: «Боль в руках из-за артрита действительно сильная в сырую холодную погоду. Я просыпаюсь с ней утром, и она продолжается весь день. Единственно, когда я чувствую себя лучше, это ночь, когда мне тепло в постели под одеялом». Мы видим здесь, что артрит имеет свойство боли, это очевидно. Но свойства этой боли не так отчетливо и ясно объясняются. Они даны нам скорее в форме ее измерений, чем как общие свойства боли самой по себе. Аналитик должен задаться вопросом: На какие общие свойства указывают эти измерения? Каково **местоположение измерений** этого **конкретного случая боли**?

Итак, что это за измерения, и на какие общие свойства они указывают? Во-первых, есть измерение «действительно сильная». Можно концептуализировать это измерение как принадлежащее свойству **степень интенсивности**. Боль может изменяться вдоль континуума от очень сильной (тяжелой) до не столь сильной (умеренной). Во-вторых, есть измерение **местоположение в теле**; боль локализуется в руке, но может быть расположена в любом другом месте тела. В-третьих, боль продолжается с утра в течение всего дня, что указывает на свойство **продолжительности**. Оно может колебаться вдоль континуума от длительной до краткой. Имеется также свойство **вариации**, то есть, интенсивность боли варьируется. Она варьируется в зависимости от погоды, времени дня и тому подобное. Наконец, существует степень **непрерывности бо-**

ли. Она непрерывная, перемежающаяся или временная? В этом случае можно сказать, что она перемежающаяся.

Ваша кодировочная запись, следовательно, может выглядеть так:
10/7/89 Ссылайтесь на полевую запись код #5, с. 6, датирована 10/1/89
Кодировочная запись: БОЛЬ И ЕЕ СВОЙСТВА И ИЗМЕРЕНИЯ
(заголовок)

[Здесь вы можете привести цитату, которая дала начало анализу.]
Боль имеет определенные свойства, которые могут колебаться вдоль континуумов измерений, а именно:

<i>Общие свойства</i>	<i>Возможные измерения</i>	
длительность	долгая	короткая
степень интенсивности	тяжелая	умеренная
вариации	повышается	снижается
местоположение в теле	с головы	до ног
степень непрерывности	непрерывная	перемежающаяся временная

[Вы можете также указать в своих кодировочных записях с точки зрения измерений, где вдоль континуумов измерений располагается это конкретное событие.] В связи с этим, вы описываете это событие с точки зрения его особых свойств — местоположения вдоль континуумов измерений. Здесь также, возможно, вы должны обозначить условия, которые вызывают эти особые свойства (почему они расположены таким образом вдоль континуума измерений). Это придаст вам конкретность, которая будет необходима позднее, начиная с осевого кодирования и дальше, когда вы будете интегрировать категории с точки зрения их определенных свойств или местоположения измерений. Например: Артрит был *причиной* боли в этом событии боли.

В условиях холодной сырой погоды интенсивность боли повышается.

В условиях тепла интенсивность боли снижается.

В условиях утра боль начинается. *В условиях* ночи боль отчасти успокаивается. Потенциальная другая категория: *облегчение боли*. (Напишите еще одну памятку об этой новой категории.)

Это пример простой кодировочной записи. Заметьте, что эти взаимосвязи условий записываются как гипотезы, указывая на то, что они не принимаются как доказанные, но должны верифицироваться другими данными для определения того, выдерживаются они или их нужно модифицировать. Заметьте также, что мы фактически начинаем осевое кодирование, что показывает, как трудно в реальном кодировании отделить открытое кодирование от осевого. Со временем вы продолжите дополнять список, тщательно исследовать свойства и измерения боли, определяя их на этот раз настолько более точно и детально, насколько это возможно или желательно на данный момент. Отталкиваясь от этой

кодировочной записи, вы можете сделать одну или более теоретических записей.

Теоретические записи. Теоретические записи подбираются там, где вы остановились в ваших кодировочных записях. В теоретической записи вы можете задать вопросом, какие еще имеются свойства боли и их измерения и перечислить их. Конечно, они будут предварительными и должны валидизироваться данными. Например, подбирая из вышеприведенного примера, вы можете написать в теоретической записи так:

10/7/89 Теоретическая запись списана с Кодировочной Записи Боль, Ее Свойства и Измерения. Датирована 10/7/89.

ДРУГИЕ СВОЙСТВА И ИЗМЕРЕНИЯ БОЛИ

Артрит является, конечно, не единственной причиной боли. Можно также иметь боль от раны или ушиба, скажем, от растянутой мышцы или слабого ожога. Используя мой собственный опыт каждой из них, что еще я могу изучить о боли? Ну, растянутые мышцы или слабые ожоги обычно являются результатом ушибов или ран, которые носят скорее временный, чем постоянный характер. Свойство, на которые указывают эти измерения, можно концептуализировать как **Статус Боли**. Как бы я мог описать боль от чего-то? Боль от растянутой мышцы обычно усиливается, когда я пробую двигаться, какой бы части тела это ни касалось. При артрите происходит то же. Это дает мне еще одно условие усиления боли. *В условиях движения* боль из-за растянутой мышцы и артрита обычно **усиливается**. А что относительно слабого ожога? Это иное. Боль от ожога может быть описана как жгучая по своему характеру. Ожоги указывают на еще одно *свойство*, то есть **Тип Боли**. Боль изменяется по типу от жгучей до пульсирующей, острой или любой другой. Еще одно из ее свойств заключается в том, что боль имеет **курс** или **траекторию**. *В условиях* ее начала, боль от слабого ожога более сильная, *в условиях*, когда проходит время, боль ослабляется. (И так далее.)

Вы можете также сделать теоретическую запись из статьи о боли, которую вы прочитали, или делать анализ исследовательского сообщения о боли, или играть в какие-то компаративные игры, или делать построчный анализ, или задавать себе вопросы о боли. Данная теоретическая запись написана, чтобы повысить теоретическую чувствительность и дать направление дальнейшей теоретической выборке. Например:

10/7/89 *Теоретическая запись* (Происходит из Кодировочной записи, 10/7/89, Некоторые Свойства и Измерения Боли. В дополнение к теоретической записи, та же дата).

ВОПРОСЫ О БОЛИ

Какие бывают *причины* боли, помимо артрита? Имеется много различных причин боли. Например: рак, ушиб, хирургия, гниющий зуб, ампутация, роды.

Как *переносится* боль в каждом из них? Она ожидается или не ожидается? Ожидается, что различия влияют на то, как она переносится? Если боль ожидается, то предпринимаются ли шаги, чтобы ее предупредить или уменьшить? Если да, то как? Какие? Если нет, то почему? Какие причины существуют для того, чтобы *не* предпринимать никаких действий для ее предупреждения или уменьшения? Одна боль сильнее другой? Интенсивность боли изменяется со временем? Возьмите роды или рак, например, боль сильнее в начале или позднее? Почему? Что делается в связи с этим?

Как *справляются* с болью? Как убедиться в том, что кто-то испытывает боль? Такие факторы как культура, возраст, влияют на то, как долго продолжается боль, на ее интенсивность и так далее, как боль переносят и как с ней справляются?

Операциональные записи. Теоретические записи часто дают направление для выборки, чтобы искать факты, разыскивать, ставить вопросы в следующих интервью и наблюдениях. Их записывают в этом случае как операциональные записи. Пример приведен ниже.

10/7/89 Операциональная запись

ВЫБОРКА ДЛЯ БОЛИ

На основе моей теоретической памятки от того же числа, кажется, что я теперь имею несколько различных областей, чтобы собирать в них данные о боли. Они выявляют дополнительные свойства боли и дают информацию о различных измерениях этих свойств и условий, вызывающих вариацию этих свойств по линии измерений. Хорошо бы начать с родов. И еще поговорить с людьми, больными раком. Беседуя и наблюдая эти группы, я должен делать это с точки зрения свойств и измерений, которые я уже идентифицировал, и искать другие, которые я возможно, еще не обнаружил. Например, я должен посмотреть на боль с точки зрения статуса, типа, интенсивности, траектории, продолжительности, степени и так далее. Я бы хотел также отметить условия, которые приводят к вариации свойств по линии различных измерений. Другими словами, какие условия ведут к боли, описанной как сильная, в одно время, одним человеком, но не в другое время или другим человеком? Или по каким причинам тип варьирует, только ли источник боли вызывает эту вариацию или разные люди переносят боль по-разному? Почему одна боль непрерывная, в то время как другая боль перемежающаяся?

В сущности, нет пределов разнообразию типов памяток, которые могут быть написаны во время открытого кодирования. Вы можете писать первоначально ориентировочные памятки, преимущественно теоретические или директивные. Вы можете писать памятки, которые открывают мышление о новых феноменах. Памятки о новых категориях, включая их свойства и измерения; памятки, в которых выделяются две или более категории; и памятки, которые резюмируют, откуда вы пришли и куда направляетесь.

В вышеупомянутых иллюстрациях приведены примеры довольно простых типов памяток, сделанных на ранних фазах исследования для того, чтобы помочь исследователю концептуально «оторваться от земли». Ниже приводится более сложная теоретическая запись, взятая из проекта о старших медсестрах. Она даст вам представление о том, что памятка на этапе открытого кодирования может быть похожа на более позднюю памятку проекта. Обратите внимание, что она еще исследовательская, что она дает начало размышлениям о двух известных *категориях*, идеях, которые будут исследоваться в будущих наблюдениях. Эта памятка представлена здесь именно так, как она написана.

AS/JC5/31/88 УЗКОЕ ЗНАНИЕ/РУТИННАЯ РАБОТА

УЗКОЕ ЗНАНИЕ ЭТО КОНКРЕТНОЕ ЗНАНИЕ

(1) Конкретное знание, которое *считается не требующим доказательства* в соответствии с прошлым опытом, а именно:

инструменты

процедуры

практики

места или площади

графики, расписание, скорость и так далее

люди

взаимосвязи: рабочие и основанные на чувствах

настроения и атмосфера

события

(2) Я думаю, что эти пункты могут быть выражены в терминах, которые мы использовали прежде. Мы говорили о порядках. Таким образом, имеются:

интерактивный порядок

технологический порядок

пространственный порядок

темпоральный порядок

эмоциональный порядок

(Может быть также институциональный порядок — это реорганизационные правила?) Посмотрите, как они согласуются более или менее с вышеуказанными?

(3) Это конкретное знание дополняется, конечно, *более общим знанием, которое считается не требующим доказательства*. Оно включает знание о днях недели, уик-эндах, отпусках, о том, как работают больницы, медсестринские знания по различным темам и более общие культурные знания, не требующие доказательства.

(4) Когда набирают в штат нового человека, то он должен

— быть специально обучен вышеуказанным вопросам узкого знания каждого типа *порядка* (где положены вещи, где найти этот инструмент, как мы делаем эту процедуру здесь или как на самом деле нужно делать эту процедуру, о которой вы пока не знаете, и так далее).

— или должен (должна) подбирать его сам(а). Человек может делать это «на работе», вновь и вновь наблюдая или опрашивая других во время работы. Или может делать это совсем отдельно от обычной деятельности, сидя с ними и спрашивая, даже в перерыве за чашкой кофе. Или, я полагаю, можно приобрести его неформально в больничной палате или в разговоре вне палаты.

(5) Но фактически невозможно обучить нового человека всем вопросам узкого знания. *Многое должно быть подобрано во время работы-деятельности. И ЭТО ЗАНИМАЕТ МНОГО ВРЕМЕНИ.* Это занимает даже больше времени, если ни один штатный сотрудник не подсказывает новому человеку или преднамеренно не делает попытки обучить его Или если человек ненаблюдательный, слишком робкий или ленится спрашивать.

(6) **ВАЖНО ВИДЕТЬ**, что значительная часть того, что мы называем *рутинным действием*, *опирается на узкое знание.* Достаточно понаблюдать за людьми, делающими рутинную работу, чтобы увидеть, что они не должны даже задумываться о том, куда положить вещи, когда делают то или иное, не нарушая графика, как вести себя, входя в комнату, и так далее. Голова и тело сами знают, что делать, так сказать! Как сказал бы Джон Дьюи, когда возникает проблема — даже маленькая, которая в какой-то степени тяготеет к рутине, то штатный сотрудник должен создать, по крайней мере, что-то новое. Или привлечь какой-то прошлый опыт, чтобы справиться с этой проблемой. Последняя может составлять также часть узкого знания персонала Или только данной сотрудницы. Но обратите внимание, что, решая проблемы по-новому, узкое знание может быть привлечено как составная часть нового действия.

(7) Со временем, как мы говорили раньше, новый способ действия может быть институционализирован (или в палате, или на более высоких организационных уровнях). В этом случае он становится частью определенного узкого знания в больничной палате.

Другие примеры памяток можно найти в *Qualitative Analysis for Social Scientists* (Strauss, 1987, особенно p. 111–127).

Диаграммы. На ранней стадии открытого кодирования имеется очень мало диаграмм, так как немного взаимосвязей пока еще установлено. Вероятно, в это время более полезно составление перечня, нежели диаграммы. В перечне аналитик может обрисовать свойства вместе с измерениями по каждой категории. Этот перечень может расширяться по мере продвижения анализа. Он обеспечивает фундамент для логических диаграмм, которые выполняются во время осевого кодирования.

Осевое кодирование

В осевом кодировании мы начинаем подгонять части головоломки друг к другу. Каждая часть (например, категория и субкатегория) имеет свое точное местоположение в общей объяснительной теории и должна приспособляться к другим, чтобы сформировать интегральное целое. Это похоже на то, как мы строим головоломку. Мы подбираем одну часть и спрашиваем: она подходит здесь или там? Часто наши первые попытки это пробы и ошибки. Позднее, когда наша теоретическая чувствительность повышается, становится легче делать подбор.

Памятки. Цель осевого кодирования, как вы знаете, состоит в том, чтобы предложить и верифицировать взаимосвязи между категорией и ее субкатегориями с точки зрения парадигмы, и продолжать искать вариацию свойств через их измерения. Поэтому памятки будут отражать ваши успешные, а иногда и безуспешные попытки связать части вместе; ваши упорные поиски только правильной связи. Они будут стимулировать примерно такие вопросы: Каковы условия, касающиеся этого феномена (каузальные, контекстуальные, и промежуточные)? Каковы стратегические или рутинные действия/взаимодействия, которые происходят здесь? С какими следствиями? Что происходит, когда условия меняются? К тому же, как мы говорили ранее в этой книге, характеристики парадигмы и взаимосвязи не несут цветные кодовые флаги, чтобы махать перед вами со страниц ваших полевых записей. Вы должны их искать и распознавать, что они собой представляют. Иногда это трудно, и поэтому ваши первые памятки отражают вашу неуверенность, отсутствие концепций, слабые попытки. Вы должны верить, что со временем смысл данных станет яснее, и потому ваши памятки улучшатся.

Чтобы дать некоторое представление о том, как может выглядеть ранняя кодировочная запись в осевом кодировании, мы предлагаем вам следующую пример. Вначале мы представим выдержку из полевой записи с тем, чтобы вы могли видеть данные, с которыми мы работаем. Изучаемый феномен — боль и менеджмент боли. Она продолжает нашу операциональную запись, данную в предыдущем разделе, побуждая нас взглянуть на боль в связи с иными причинами, нежели болезнь. Боль исследуется здесь в связи с родами. Наше интервью было проведено с матерью и касалось ее переживаний, связанных с болью во время родов.

Вы просили меня рассказать о том, как я переносила боль во время родов. Прошло довольно много лет с тех пор, как у меня родился ребенок. Забавная вещь боль, каков бы ни был ее источник, она проходит, и вы прячете ее где-то глубоко в вашем подсознании. Вы можете сказать, что это ужасно или не так плохо, но это выражение теряется в тумане. Реально вы этого не ощущаете, у вас есть только

образы того, что вы думаете, на что это было похоже. Вы понимаете, что я имею в виду?

В родах есть что-то таинственное. Это ужасает вас, потому что вы слышите так много о боли во время родов, с другой стороны, вы с удовольствием ожидаете это, потому что устали носить ребенка и очень хотите увидеть его. Боль видится как единственный путь, чтобы достичь этого, так как вы знаете, что должны пройти через это. Вы только надеетесь, что это не будет так тяжело. Или что они дадут вам что-нибудь, если так будет. Вы ждете боли, вы думаете о ней, боитесь ее, готовитесь к ней, приходя в классы и изучая, как контролировать и терпеть ее. Вначале это не так плохо, однако ближе к концу это переполняет вас. Нужны силы, чтобы справиться с этим. Но в промежутках у вас есть моменты отдыха. И вы знаете, что это кончится, как только ребенок родится. И они могут дать вам что-то, чтобы уменьшить боль. Мне повезло. У меня были быстрые роды. Поэтому мне не нужны были никакие медикаменты. Я применяла дыхательные и расслабляющие упражнения. Но я могу себе представить, что если бы это продолжалось часами, как бы я устала и как было бы трудно.

10/10/89 Кодировочная запись

Анализ относится к полевой записи Код # 45, с. 2, датированной 9/15/88.

БОЛЬ, МЕНЕДЖМЕНТ БОЛИ УСЛОВИЯ, СТРАТЕГИИ ДЕЙСТВИЯ/ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ МЕНЕДЖМЕНТА РОДОВОЙ БОЛИ

Мы обсуждаем здесь конкретный *тип* случая боли — связанный с родами. Эта связь придает переживанию боли конкретные свойства или местоположение вдоль континуумов измерений. Родовая боль является *ожидаемой* (степень ожидания), может быть *контролируемой* (степень контролируемости), становится *сильнее* по мере продвижения родов (степень интенсивности также обозначает, что существует *фазность*), имеет известное начало, приступ родовых мук, и конца, рождение ребенка (*курс траектории*), и это перемежается периодами без боли (степень *непрерывности*). Как ни странно, родовая боль имеет еще одно качество или характеристику, настолько непривычную, что ее трудно выразить. Боль это часть родового процесса, роды, конечно, нужны для конца — конца беременности, рождения ожидаемого ребенка. Хмм. Как мне описать это свойство? Боль сама по себе не является целенаправленной, но связана с *целенаправленной деятельностью* — родами. (****Я отмечаю это, хотя я еще не уверен, что с этим делать. Это не обязательно означает принятие (хотя это может быть для некоторых людей) или терпимость, но вероятно, это придает боли некоторую степень предсказуемости? Еще не совсем схвачен этот феномен.)

Эти особые свойства родовой боли образуют **контекст**, в котором менеджмент боли происходит в перспективе женщины.

Исходя из этой полевой записи, я могу наметить следующие *потенциальные взаимосвязи*. В условиях, где о боли (родовой) известно заранее, поэтому к ней можно подготовиться; когда она скорее перемежающаяся, чем непрерывная; когда ее интенсивность колеблется от умеренной в начале ее течения до более сильной позднее; когда родовые муки довольно краткие или, по крайней мере, их течение предсказуемо; имеются известные техники для контроля их интенсивности, и они могут быть изучены или отвергнуты. В этом случае можно предпринять действие, чтобы контролировать интенсивность боли во время родовых мук посредством техник менеджмента боли. Например, посредством расслабляющей и дыхательной техник, болеутоляющих средств или анестезии (caudal, pericervical). *Следствия* или результаты применения этих техник менеджмента, возможно, не дают абсолютного контроля, однако контролируют в достаточной степени, чтобы пройти через родовые муки.

Можно ожидать роды с неким чувством *предопределения*, что будут, вероятно, применяться такие техники менеджмента, как дыхательная и расслабляющая. Однако если контекст менеджмента боли изменится из-за такой непредвиденной случайности, как более продолжительные из-за возникших осложнений родовые муки, тогда, возможно, следует изменить этот предварительно составленный план менеджмента и использовать *дополнения* или *альтернативы* к тем первоначальным техникам.

Другие потенциальные категории и свойства, вытекающие из этой полевой записи, будут исследованы в следующей памятке, а именно: сознание боли или память — кажется острой вначале, но притупляется со временем. Фазы траектории боли — это касается исследования. Предсказуемость боли и как это действует в качестве условия менеджмента.

Эта полевая запись подсказывает, но не отвечает на вопросы: Что относительно расписания и количества лекарств, анестезии? Каковы их результаты, потенциальные риски?

Теоретическая запись, происходящая из вышеприведенной кодировочной записи (связанной с ней, но не прямо исходящей из полевой записи) может быть направлена на разные области. Здесь можно более тщательно исследовать вопрос(ы), поднятый(е) в кодировочной записи, предложить стратегии для менеджмента родовой боли, или боли, обусловленной другими источниками, например, хирургией. Можно рассмотреть другие возможные условия, которые могут влиять на стратегии, выбранные для менеджмента родовой боли, и на то, как они осуществляются. Можно изучать следствия использования различных стратегий с точки зрения их способности контролировать уровень переживаемой боли. Можно несколько памяток, относящихся к боли и ее менеджменту, объединить в итоговую памятку.

Операциональная запись может подобным же образом иметь разные направления. Можно сделать предположения по дальнейшей выборке, или перечню гипотез, чтобы проверить в следующих интервью. Или она может напомнить нам о категориях или субкатегориях, на которых, возможно, в следующей аналитической сессии мы намерены особенно сосредоточиться.

Следующие примеры показывают, как ведутся памятки во время осевого кодирования.

Здесь мы представляем еще один пример памяток, взятых из нашего исследования старших медсестер, который отражает осевое кодирование. Мы аналитически осмысливаем феномен трех рабочих смен в больницах, где непрерывность работы должна поддерживаться в течение двадцати четырех часов.

АС/ДК [Ансельм Страусс/Джюльетт Корбин] Июнь 25, 1989 РЕЗЮМЕ КОДИРОВОЧНЫХ ЗАПИСЕЙ ПО ВОПРОСАМ ТРЕХ РАБОЧИХ СМЕН из полевых записей Июнь 20, 1989 Код # 20, с. 1–45. Записная книжка 31.

(1) Условия для КАЖДОЙ СМЕНЫ

- а. условия как параметры, ресурсы для хода работы
- б. условия, чреватые случайностями

Следовательно – рутины (организационные, палатные и касающиеся смен) плюс стратегии для того, чтобы справиться с этими внутренними случайностями смены, будь то крупные или мелкие случайности.

(2) То же самое для течения работы МЕЖДУ сменами

Следовательно, рутины плюс стратегии для того, чтобы справиться между сменами (смена до полудня, однако, главная).

(3) Классические стратегии для максимизации рутин и минимизации потока информации о случайностях через а, б, в, г, д...

типы ресурсов (личный состав, поставки, технология, умение, время, энергия, мотивация) через а, б, в, г, д... для каждого типа ресурса

- а) рутина
- б) предотвращение предвидимых случайностей

(4) Рутины и стратегии, однако, будут конкретными в определенных условиях больничного отделения.

(5) Относительный успех или неудача, связанная с соответствующими рутинными и стратегиями в контексте больничного отделения.

(6) Заметьте, что рутины (особенно организационного происхождения) могут из-за непродуманности навлечь случайности. (Временные или повторяющиеся — т. е. нежелательные)

(7) То же и в отношении стратегий.

(8) Центральная роль старшей сестры и ее суждения, мониторинг, оценивание, умение разговаривать и так далее. ОНА УСТАНОВЛИВАЕТ, ДРУГИМИ СЛОВАМИ, ОСОБЫЙ РЯД СТРУКТУРНЫХ УСЛОВИЙ, влияющих на работу каждой смены.

Обратите внимание: снова проблема трех смен. Все наши понятия должны работать здесь также: то есть, узкое знание, рутины, ресурсы, энергия, климат, настроение, идеология, разделение труда и так далее.

Ниже еще одна памятка, взятая из того же источника. Это *теоретическая запись*. Отметьте гипотезы и как они включены в памятки.

АС/ДК 7–22–88 (Телефон)

*****ВАЖНАЯ ПАМЯТКА:
РУТИНА/НОВШЕСТВО

Я сформулировал давно замеченный факт, что медсестры сталкивались с типичными проблемами, которые часто отнимали у них ценное время, силы и чувства, но *не предпринимали никаких действий, чтобы изменить институциональные правила или избежать тех или иных процедур. Они предпочитают в своей работе идти институционально рутинными путями.* (Проблематичны умирающие пациенты, например, или проблема регистрации болей в журнале). Скорее такой пациент служит для них типичным примером, как один из тех, с которыми они уже имели дело. Однако впоследствии это не влечет за собой никакого институционального изменения. В течение долгого времени я полагал, что это обусловлено методом выполнения работы, приоритетами организаций, и вероятно, структурными деформациями, которые периодически ввергают их в полу-кризисы. Но вот гораздо более лучший и более детальный ряд ответов.

(1) *Если рабочие процессы нарушаются, то происходит изменение процедуры.*

(2) *Если процедуры не изменяются, то из-за того, что работа, связанная с проблемой, не является высоко приоритетной.* Медсестры ТАК ЗАНЯТЫ, выполняя приоритетную работу, что они не имеют времени и сил делать что-либо еще. В действительности, если проблема (например, проблемный пациент) становится довольно трудной, они приглашают специалистов — социальных работников, священников, психиатров — потому что их собственная работа должна продолжаться. Или они будут игнорировать пациента, вероятно, делая проблему еще более трудной.

(3) *Если работа является высоко приоритетной, а рабочий процесс находится под угрозой развала (что, например, влияет на эффективность работы или безопасность пациента), то они должны размышлять о том, как предупредить повторение этого явления.*

а) Если изменение легко выполняется, то оно делается через интерактивные процессы разговор, убеждение, даже некоторое принуждение

б) Если изменение вызывает трудности в организационном плане, то это, в сущности, означает, что требуется проделать много дополнительной работы. Но она должна быть сделана, то есть понять, что должно быть сделано, запланировать принятие решений, убеждать, беседовать, находить новые ресурсы, действовать для повышения мотивации, дополнительно наблюдать, когда вводятся новые рутинны и так далее. И конечно, дополнительный «дренаж» процесса полного сочленения звеньев, пока все снова не будет действовать слаженно

(4) Итак, мы говорим, что **ИМЕННО БЛАГОДАря УСЛОВИЯМ И МЕХАНИЗМАМ, ЧЕРЕЗ КОТОРЫЕ ВВОДИТСЯ ДЕЙСТВИЕ, РУТИНЫ ЗАМЕНЯЮТСЯ НОВЫМИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННЫМИ ПРОЦЕДУРАМИ**. *Заметьте* мы должны смотреть более внимательно на значение рутинных процедур. На самом низком уровне это означает, как задачи выполняются. Но это может быть сделано как с согласия персонала, так и в соответствии с административными правилами

Диаграммы В осевом кодировании диаграммы начинают принимать форму. Первые логические диаграммы, подобные тем, которые показаны в главе 7, могут быть полезны для сортировки различных взаимосвязей. Вы можете делать интегративные диаграммы, чтобы помочь обнаружить потенциальные взаимосвязи между категорией и ее субкатегориями или между несколькими категориями, например, двумя, как показано ниже. Эти ранние диаграммы еще незрелые. Они станут более сложными со временем (Примеры изменений, которые со временем происходят в интегративных диаграммах, см. Strauss, 1987, р. 174–178)

Таблицы 12.1, 12.2 и 12.3 являются примерами различных типов диаграмм, которые могут быть полезны для раскрытия взаимосвязей в данных

Таблица 12.1

Однородные/Разнородные пациенты × Легкая/Трудная работа

	Однородные пациенты	Разнородные пациенты
Легкая работа		
Трудная работа		

Таблица 12.2

Ход болезни Измерение Машина—Время

Фаза болезни	Количество аппаратов		Частота			Продолжительность	
	Мало	Много	Редкая	Прерывистая	Частая	Кратковременно	Постоянно
Ранняя							
Средняя							
Поздняя							

Таблица 12.3

Матрица балансирования

	Следствия для						
	Траектория болезни	Жизнь и смерть	Продолжение работы	Интеракция	Работа в отделе	Эмоциональный порядок	Личностная идентичность
Задачи по отношению к боли							
Диагностика							
Профилактика							
Минимизация							
Причинение страданий							
Облегчение							
Выносливость							
Выражение							

Избирательное кодирование

Избирательное кодирование обозначает заключительный шаг нашего анализа интеграцию понятий вокруг центральной категории и наполнение категорий, нуждающихся в дальнейшем развитии и совершенствовании. В это время памятки и диаграммы показывают глубину и сложность мысли, что служит зеркалом развивающейся теории.

Кодировочные записи. В избирательном кодировании проявляются тенденции к сокращению кодировочных записей, с наибольшей концентрацией усилий на теоретических записях. Кодировочные записи, вероятно, главным образом, относятся к наполнению категорий.

Теоретические записи. Именно в форме теоретической записи мы пишем первое описательное толкование, о чем исследование в целом. Эта теоретическая заметка для памяти будет отправной точкой для аналитической истории, которая за ней последует. (Пример см. в главе 8 этой книги.) Именно на основе этих памяток «рассказывания истории» мы приходим к идентификации центральной категории (центрального феномена) и интегрированию вокруг нее других категорий. Мы будем также подробно, шаг за шагом объяснять эти взаимосвязи в качестве гипотез в теоретических записях.

Операциональные записи. Операциональные записи в избирательном кодировании склонны быть весьма конкретными. «Иди туда или сюда. Проверь то или это? Делай это, то». К настоящему моменту наш подход к работе стал более уверенным. Мы больше не изучаем, а используем свое время для валидации наших выводов и совершенствования нашей теории.

Диаграммы

Диаграммы в избирательном кодировании указывают на плотность и сложность теории. Зачастую по этой причине трудно транслировать словесное изложение теории в сжатую и гочную графическую форму. Тем не менее, само это действие поможет вам классифицировать и систематизировать взаимосвязи, существующие между центральной и другими категориями. Наконец, важно иметь не громоздкую графическую версию теории, применяемую как для визуализации и постижения вашей теории другими, так и для того чтобы помочь вам сохранять четкие взаимосвязи при написании исследовательского текста. Рисунок 12.1* является примером интегративной диаграммы, взятой из нашей работы о «траектории». Эта диаграмма много раз пересматривалась, прежде чем авторы пришли к окончательной версии.

Еще одно замечание. Интегративные диаграммы могут составляться к различным частям вашей теории. Например, у вас может быть диаграмма, которая связана конкретно с одной более важной категорией и всеми ее субкатегориями, как показано на рис. 12.2.

* Этот пример процесса рефлексии относится к исследованию осознания хронической болезни и сопровождающих ее симптомов нетрудоспособности и потенциальной смерти (Прим Т В.)

ПРОЦЕСС РЕФЛЕКСИИ

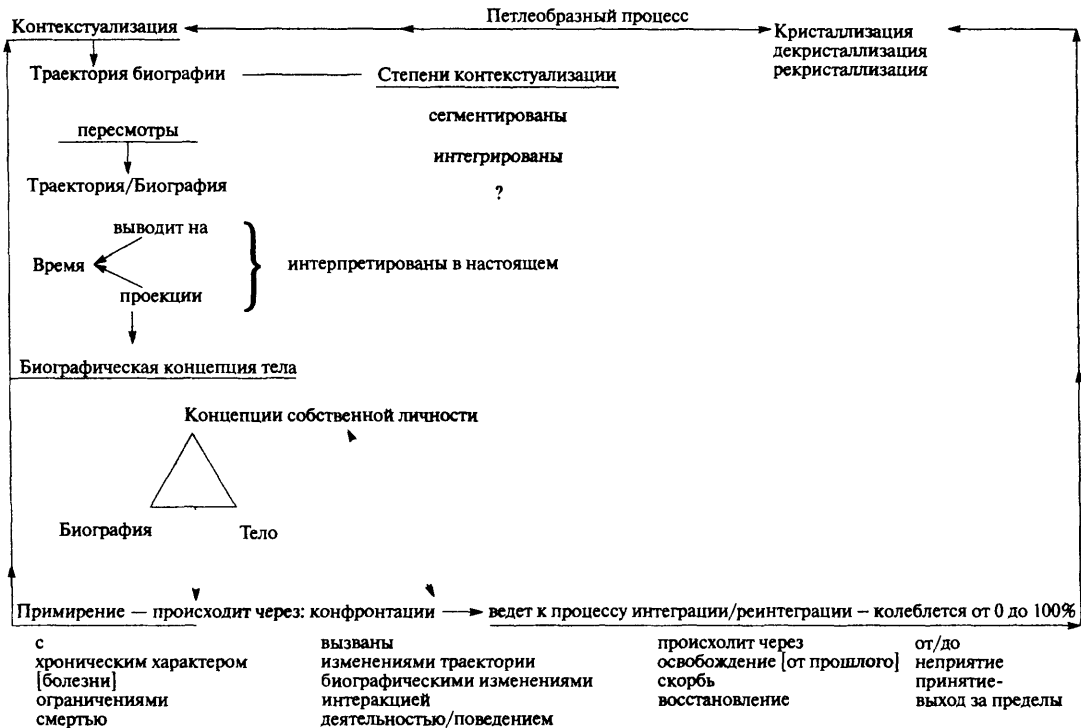

Рис. 12.1. Интеграция последовательности памяток

Больше или меньше (1–100)

Рис. 12.2. Тело, Биография, Траектория

Сортировка памяток и диаграмм

Когда мы думаем о сортировке, нам приходит в голову образ неопытного в *обоснованной теории* исследователя, стоящего с кипами памяток в руках, роняющего их одну за другой, куда попало. Груды, которые появляются в результате, представляют собой случайную сортировку понятий. Случается, что все мы оказываемся в таком положении, особенно в те скверные дни, когда переполнены данными и идеями, но совершенно не понимаем, как их связать. Мы знаем, что есть порядок, но он, по-видимому, находится за пределами нашего понимания. И кажется, что наша теория может пойти как одним путем, так и другим.

Тем не менее, те из нас, кто имеет опыт, знают, что порядок все-таки есть и что наши памятки и диаграммы содержат ключ к этому порядку. Читая и перечитывая их, затем сортируя, мы, возможно, обнаружим, как категории начинают объединяться вокруг центральной

категории. С того момента, как мы перечли все наши памятки, мы пишем описательную историю. Затем, используя категории (аналитические термины) в наших памятках, мы переводим нашу описательную историю в аналитическую. Логика и порядок здесь все (или так должно быть, если вы придерживались процедур этой книги).

С практической точки зрения, когда у нас есть идея, как объединить наши категории, некая организационная схема (выработанная благодаря написанию наших описательных и аналитических историй и интегративных диаграмм), тогда мы можем сгруппировать наши памятки в соответствии с этой схемой. **Сортировка важна, так как она завершает нашу интеграцию.** С этой окончательной формой мы можем затем проверить нашу схему на некоторых субъектах нашего исследования, на наших коллегах, членах комитета, друзьях, супругах и компаньонах. Эта окончательная форма дает нам возможность писать как по каждой теме в деталях, так и об интегративном целом.

Сортировка, проведенная на раннем этапе, полезна и в другом отношении. Возвращаясь назад и просматривая памятки и диаграммы, группируя их, мы можем сказать, что мы знаем по теме и где необходимо дальнейшее выяснение информации. Эта процедура дает нам некоторое время, чтобы подготовить отчет о промежуточной стадии исследования.

Выводы

Аналитические памятки и диаграммы это существенно важные процедуры в анализе, которые изменяются в соответствии с тремя типами кодирования. Они позволяют аналитику сохранять непрерывную запись аналитического процесса. Памятки содержат продукты фактического кодирования, теоретически чувствительные и резюмирующие записи, а также они дают направление для выборки. Диаграммы являются визуальными репрезентациями взаимосвязей между понятиями. И памятки, и диаграммы войдут в следующий этап вашей работы — подготовку к публикации и к чтению лекций о вашем исследовании.

Написание диссертаций и монографий, и чтение лекций о вашем исследовании

Наконец, в каждом исследовательском проекте неизбежно встанут вопросы, как придать исследованию законченный вид и подготовить его к изданию, а именно:

- (1) Когда мне начать подготовку текста исследования к изданию? Как мне узнать, когда исследование готово для этого?
- (2) О чем мне писать?
- (3) Какую(ие) форму(ы) следует придать исследовательскому тексту — статьи, монография, что-либо еще?
- (4) Написание текста статей отличается от написания монографий (или диссертаций)?
- (5) А как насчет устных презентаций?
- (6) Должен ли я стремиться к изданию? Где мне следует издавать?
- (7) Для какой аудитории я пишу (в том числе, когда я пишу диссертацию)?
- (8) Каким должен быть стиль исследовательского текста?
- (9) С чего мне начать, с реального исследовательского текста или со схемы для него?
- (10) Как я узнаю, когда исследовательский текст будет достаточно хорош, чтобы его можно было представить на рассмотрение для публикации?

В этой главе, состоящей из трех разделов, мы попытаемся дать полезные ответы на подобные вопросы. Первый раздел посвящен устным презентациям; второй — монографиям и диссертациям; третий — различным типам статей. (Параллельно с чтением этой главы вы можете консультироваться по следующим книгам: Glaser, 1978, p. 128–141; Strauss, 1987, p. 249–264.)

Предварительные замечания

От анализа к исследовательскому тексту

Прежде чем вы продолжите чтение следующих страниц, мы предлагаем перечитать или, по крайней мере, бегло просмотреть главу 8 об интеграции, и главу 12 об аналитических памятках и диаграммах. Это напомнит вам, когда вы действительно сядете за написание вашего исследовательского документа, — или даже за план вводной лекции или статьи — что значительные средства для этих презентаций уже были вложены в вашу работу. Многие месяцы предшествующих усилий, вложенных в анализ, теперь окупятся. В числе этих аналитических средств находятся ваши аналитические «памятки», операциональные и интегративные диаграммы, прослеживание взаимосвязей между центральной категорией и субкатегориями. Имеется также ваша всеохватывающая аналитическая история. Именно на этих материалах будут построены презентации. Материалы еще не могут быть вложены в переплет и изданы «как есть». Проблема состоит в том, как транслировать эти аналитические материалы четко и эффективно с тем, чтобы другие могли извлечь из них пользу. Работа над этой трансляцией будет все больше прояснять ваш анализ.

Зачем издавать?

Несколько вступительных слов следует сказать по более важному вопросу: зачем вообще издавать? Если вы не издаете докторские или магистерские диссертации, как две разновидности для узкого круга, то ваш анализ остается в стороне, в частной жизни, за исключением, вероятно, бесед с друзьями и нескольких публичных выступлений. Существует масса причин для издания. Одна или более могут заключаться в том, что требуются значительные усилия, чтобы написать что-то, отредактировать и добиться одобрения редакторов журналов или издательских компаний. Даже если не рассматривать многие мотивации (такие как чувство гордости, продвижение в карьере, желание участвовать в преобразованиях, или осветить жизнь изучаемых людей), все же существует первостепенная обязанность коммуникаций с коллегами. Не выполняя это обязательство, нельзя накопить никакие исследовательские знания, будь то дисциплинарные, или профессиональные, невозможно развить их скрытые ресурсы с пользой для практики и теории. У опытных исследователей это обязательство является неотъемлемой чертой их психики. У менее опытных исследователей, и особенно аспирантов, проводящих «реальное» исследование впервые, возможно, не только отсутствует мотивация для издания, многие, к тому же, недооценивают свое собственное исследование. Нежелание публиковать, возможно, имеет законное

основание, если исследователь, так же как и его спонсоры или друзья, так считают. Если нет, то следует уважать коллективные обязательства.

Устные презентации

Часто исследователи представляют материалы устно, как пробный пуск, чтобы видеть, как данная аудитория будет реагировать на эти презентации. Однако иногда те, кого изучают, оказывают прямое или косвенное давление: «Что вы находите?» «Не могли бы вы дать нам, по крайней мере, предварительные результаты или интерпретации?» Пытаясь удовлетворить их любопытство, или для получения обратной связи, или по другим причинам, многие исследователи находят полезным делать устные презентации. Они делают это даже на ранней стадии своих исследовательских проектов. Исследователи, работающие по методу *обоснованной теории*, прибегают к относительно ранним сообщениям, потому что анализ начинается с первых шагов проекта. **Совсем необязательно ждать, пока будет завершен более тщательно отработанный анализ**, чтобы удовлетворить слушателей, как бы они ни были любопытны, жадны до результатов, скептически или просто хотели бы испытать исследователя.

Естественно, вы должны пытаться угадать на основании ваших интервью или полевых наблюдений, в каких темах могут быть наиболее заинтересованы ваши слушатели, и на какой стиль презентации они будут лучше всего реагировать. Университетская аудитория может усвоить большее количество лекций, изложенных на более абстрактных уровнях и даже посвященных исследовательским стратегиям и знаниям. Другие аудитории могут хорошо реагировать только на дискуссии о понятийных связях, если они приправлены нарративом или кейс-материалами, или живыми примерами, включающими цитаты из реальных интервью с людьми. Вам придется, к тому же, как можно более тщательно выбирать соответствующий словарный уровень для каждой аудитории. Плохо сделанный выбор может оттолкнуть аудиторию, в то время как хороший выбор существенно меняет дело, способствуя четкому изложению мыслей. Если после лекции останется время для дискуссии или для вопросов и ответов, то это добавочное время может превратиться в неформальное коллективное интервью, которое дополнит ваши данные, и не имеет значения, на ранней или поздней стадии вашего исследовательского проекта. К тому же, аудитория невольно выступает как соучастник ваших теоретических формулировок, либо побуждает вас уточнить их.

Из предыдущего изложения должно быть очевидно, что **концепция аудитории очень важна** для успешной устной презентации. Не менее важно, чтобы вы действительно имели, что сказать, определенным группам

слушателей. Если анализ твердо обоснован в данных, то в дальнейшем карты складываются в вашу пользу. К тому же, если лекция для самих «туземцев», то ее успех более вероятен. Если, с другой стороны, перед вами университетская аудитория, то, конечно, хорошая восприимчивость теоретиков или профессионалов-практиков улучшит ваши шансы на признательность слушателей.

Все эти рекомендации вы можете считать еще довольно общими, хотя, возможно, в какой-то степени убедительными. А как решается практически вопрос по теме лекции или выступления в действительности? В проектах *обоснованной теории* значительное число категорий рождается в процессе кодирования. Как в мире решают, о чем следует говорить в выступлении? А также как быть со всеми этими взаимодействующими условиями, стратегиями и следствиями, не говоря уж о более широкой теоретической рамке, самой по себе?

Помня, что содержание лекции должно соотноситься, насколько это возможно, с аудиторией, мы предлагаем следующие ответы. Сначала вообще гораздо *не* представлять всю теоретическую рамку. Это уже чересчур для большинства аудиторий, даже для весьма теоретически грамотных. Кроме того, требуется большое искусство, чтобы представить много категорий и их взаимосвязи достаточно ясно, с тем, чтобы слушатели могли их понять и запомнить. Вы можете, конечно, дать беглый очерк главной описательной истории. Затем перевести небольшую часть ее в аналитическую историю, перед тем как обратиться к детальной разработке одной из ее более интересных характеристик. Однако мы уверены, что устная презентация будет более эффективной и, конечно, лучше усвоится и запомнится, если будет сфокусирована на дискуссии **лишь по одной или двум категориям**.

Например, вы обнаружили, что работа больничных пациентов, в сущности, незрима для медсестер и врачей. Категория **работа пациента** может в этом случае обсуждаться с точки зрения того, почему, когда и как она происходит, — касаясь различных условий, имеющих к ней отношение; а также того, какие следствия имеются для работы персонала и ухода за пациентами, для репутаций и так далее. Различные подтипы работы, в которых заняты пациенты, могут быть очерчены также. Различные условия, при которых эта работа действительно признается персоналом или нет, высоко ценится или нет, могут также обсуждаться. Выступающий может даже закончить на риторической ноте, изменяя содержание в зависимости от того, являются слушатели профессиональными медиками («вы должны знать это, для того чтобы улучшить уход за пациентами») или неспециалистами («вы должны настаивать на том, что эта работа является ценной и должна быть определено признана как таковая профессионалами»). Фокусируя внимание на одной или двух категориях, вы можете еще сплести их

с такими субкатегориями, как **удобная работа** или **безопасность работы**, излишне не запутывая свою лекцию.

Развертывание презентации вокруг одной или двух категорий включает написание четкой схемы главной истории относительно этих категорий и вставки нескольких субкатегорий и вопросов, релевантных к парадигме. Даже для относительно неискушенной аудитории вы должны суметь представить четкую и занимательную историю. *Обоснованная теория* в целом, созданная к этому моменту, остается на заднем плане, но обеспечивает невидимый трамплин, на котором построена речь. С другой стороны, речь выражает лишь небольшую часть всего анализа.

Написание текста монографий или диссертаций

Ресурсы и препятствия

Когда вы пишете монографию или диссертацию, вы возлагаете особые надежды на некоторые инструменты. Но важнее всего *вы* сами. В ходе исследовательского проекта возрастает теоретическая чувствительность ко многим аспектам изучаемых феноменов. Вы узнали также много существенного о феноменах. И то, и другое начнет действовать, когда вы будете писать, напоминая вам о данных, которые теперь «в вашей голове», а также о том, где данные могут быть снова найдены, если необходимо, в полевых записях или интервью.

Конечно, вы приобрели и другие умения, возможно неочевидные, которые будут способствовать изложению, а именно: некоторое понимание того, как строить предложения и объединять их, не делая чересчур много грамматических ошибок, и так далее. К сожалению, вы можете также быть, как говорится, своим собственным худшим врагом, когда начнете писать. Вдобавок к плохому литературному стилю вы можете иметь все обычные писательские комплексы, описанные в книгах для помощи тем, кто пишет (см. Becker, 1986 b).

К счастью, вы изучили основные аналитические процедуры. Они помогут вам вступить в первую фазу написания текста. Они успешно используются на протяжении всех последующих фаз, и даже при переписывании заключительных черновых вариантов рукописи. Такой текст требует:

- (1) Четкой аналитической истории
- (2) Изложения на концептуальном уровне, придавая описанию второстепенное значение
- (3) Отчетливой детализации связей между категориями, описывая уровни концептуализации так же четко
- (4) Детализации вариаций и относящихся к ним условий, следствий и так далее, включая более широкие.

Поскольку эти требования так сходны с аналитическими процедурами, которые мы обсуждали в этой книге, то вы можете увидеть, что в действительности хороший анализ должен значительно помочь в написании текста.

Процедуры

Начиная обдумывать текст, вы должны пересмотреть последние интегративные диаграммы и сортировать аналитические «памятки» до тех пор, пока не останется вопросов по поводу того, что представляет собой главная линия аналитической истории, о которой вы хотите рассказать. За этим пересмотром в той степени, в которой это нужно, будет следовать дополнительная сортировка аналитических «памяток», для того чтобы убедиться в том, что приемлемая, хотя еще и предварительная, схема может быть составлена. Сортировка может вызвать даже некоторые сомнения в том, насколько точной была ваша аналитическая история. Даже если так, не падайте духом. Худшее из того, что может случиться, состоит в том, что аналитическая история будет уточнена, но от этого она только выиграет. В любом случае, история должна быть транслирована во всеохватывающую схему. Некоторые люди не слишком успешно работают с подробными схемами. Все-таки, исходя из нашего опыта и опыта наших студентов, мы даем вам следующий совет: по крайней мере, **набросайте общую логическую схему.**

Трансляция анализа в схему может происходить с помощью дополнительных процедур. Первая из них состоит в том, чтобы тщательно обдумать **логику анализа**, наполняющую историю. Каждая исследовательская монография, да и каждый исследовательский документ, обладает такой логикой. Каждый документ имеет ключевую фразу или параграф, который сигнализирует автору о лежащей в его основе «малой логике» (Glaser, 1978, p. 129–130), хотя иногда авторы, по-видимому, не осознают этого. Этот сигнал о том, что является центральным для любой данной публикации (или диссертации по этой теме), часто находится в первом параграфе или на первых страницах и затем повторяется на последней странице или страницах. Что касается вашей собственной рукописи, то даже первый проект должен иметь свою существенную аналитическую историю, изложенную четко. В известном смысле вся диссертация или монография будет представлять собой подробное объяснение этой аналитической истории.

Вторая процедура для транслирования анализа в исследовательский текст состоит в том, чтобы **построить схемы.** Схема включает предварительный перечень и упорядочение глав. Логические схемы, связывая все разделы воедино и размещая каждый из них в его предполагаемом порядке, могут быть позднее написаны по каждой главе, если это окажет помощь вашему мышлению — как это обычно бывает. Схемы глав

наполняются и выстраиваются путем осмысления разделов и подразделов, всегда в связи с главой в целом. Весьма важной для этих решений является **сортировка** любых аналитических «памяток», которые кажутся релевантными. Даже когда вы наконец пишете главу и составляющие ее разделы, вы можете **бегло просмотреть** или **перечитать** подходящие аналитические «памятки».

В предисловии или вступительной главе рукописи вы должны дать четкую **итоговую формулировку** основной схемы. Эта формулировка, так же как и сама схема, может быть позднее пересмотрена, если вы сочтете это необходимым. Вы можете написать формулировку, как только схема станет понятной для вас, или вскоре после этого. Это может быть сделано и после того, как будет закончен первый черновой вариант, когда вы будете лучше осознавать то, что вы выполнили. «Некоторые [люди] предпочитают сначала строго контролировать то, о чем они будут писать. Это помогает им [строго придерживаться своей сортировки]. Другие делают это на завершающем этапе работы, когда перерабатывают варианты» (Glaser, 1978, p. 132).

Третья процедура заключается в **визуальном представлении «архитектуры»** вашей основной схемы. Визуализация этой структуры равносильна виду пространственной метафоры. Мы можем проиллюстрировать это историей и тремя примерами таких метафор. Однажды коллега по-разному охарактеризовал две монографии. Он сказал, что чтение *Awareness of Dying* (Glaser & Strauss, 1965) было подобно медленной прогулке вокруг статуи, если изучать ее из множества взаимосвязанных точек зрения. (Сохранение «секрета» приближающейся смерти от умирающего человека — это был феномен-статуя.) С другой стороны, чтение *Time for Dying* (Glaser & Strauss, 1968), где обсуждались последовательные шаги в госпитализации умирающего, было подобно прогулке под гору, шаг за шагом. Упорядочение глав в каждой монографии в основном передавало ощущение их соответствующей архитектуры. Структура последней книги, написанной нами (Corbin & Strauss, 1988), была изложена языком еще одной метафоры прежде, чем мы даже начали набрасывать схему рукописи. Вообразите, что, входя в дом, мы сказали: Сначала посетитель войдет и пройдет через подъезд, затем фойе, затем вступит в большую комнату, которая имеет две выступающих подсекции, затем выходит из дома через заднюю дверь. Затем он или она медленно прогуливается вокруг всего дома, заглядывая в главную комнату через несколько разных окон, но теперь тщательно наблюдая связи различных объектов в комнате. Когда наша рукопись была окончена, ее форма соответствовала этой пространственной метафоре. Введение, предварительная глава, большой теоретический раздел, состоящий из трех глав, затем еще один длинный раздел, состоящий из нескольких глав, которые были тщательно разработаны и обнажали скрытый смысл теоретических формулировок, представленных ранее.

Если перед вами стоит задача написать диссертацию, то вы можете обнаружить, что эту третью процедуру (визуализацию) трудно применить. Большинство университетских факультетов требуют довольно стандартный формат диссертаций, даже если представляется качественное исследование. Диссертацию обычно начинают с вводной главы, после которой следует обзор литературы, затем выводы (в двух или трех главах), и, наконец, резюмирующие (заключительные) выводы. Вследствие всего этого диссертант, вероятно, может обдумать архитектуру средних (содержательных) глав. Во всяком случае, строя диссертацию, основанную на подходе *обоснованной теории*, исследователь должен в значительной степени **опираться на первые две процедуры, которых мы касались выше**: 1) разработку четкой аналитической истории с помощью диаграмм, сортировки и, конечно, продолжительного осмысления; 2) выработку предварительной основной схемы, которая полностью объединит все значимые компоненты этой истории.

Что писать?

Однако при написании диссертации по методу *обоснованной теории* можно столкнуться с исключительно трудной проблемой. Ее источником является довольно сложный анализ, проходящий через весь исследовательский процесс. В этом случае встает вопрос, что из всего этого анализа вы опишете? В конце концов, стандартный формат для написания диссертаций намного меньше того объема, в который вы бы хотели или имеете время уложиться. Как сжать большую часть того, что вы теперь знаете? Короче, насколько подробно следует делать сообщение об исследовании? Ответ состоит в том, что сначала вы должны знать, каким будет ваше основное аналитическое сообщение. Затем вы должны дать достаточно концептуальных подробностей, чтобы довести это до читателей. Фактически форма ваших центральных глав должна соответствовать аналитическому сообщению и его компонентам.

Этого ответа, тем не менее, недостаточно для того, чтобы определить, писать ли диссертацию или монографию, как отобрать конкретную «концептуальную подробность» из всех других подробностей. Так как никто из тех, кто незнаком с вашим исследованием, не сможет установить этого заранее, то, прежде всего, вы должны, по крайней мере, представить аналитическую историю.

Она включает, конечно, центральную категорию. Далее вы можете последовать совету Барни Глезера, а именно:

общие, обоснованные, наиболее релевантные свойства центральной [категории] обсуждаются [сначала], чтобы придать наиболее полное значение ее... характеру. Затем из этих свойств... выберите те, которые будут развернуты в [вводной теоретической] главе в связи

с проблемой. Таким образом, в одной главе или странице [диссертации или монографии] обычно обсуждается только одно из многих свойств центральной категории (Glaser, 1978, p 131).

Особые проблемы тех, кто пишет диссертацию

Писать диссертацию по методу *обоснованной теории* «правильно», на первый взгляд, даже сложнее, чем писать ее с помощью более обычных типов качественного исследования. Тем не менее, различные процедуры, обсуждавшиеся в предыдущих главах, плюс те, что обсуждались только что, должны значительно облегчить вашу задачу.

Вот еще два момента относительно написания диссертаций и монографий по методу *обоснованной теории*. Поскольку вы еще не написали ни одной из них, **вы должны изучать два навыка одновременно**. Один состоит в том, как представить в письменной форме разнообразный анализ, проведенный в этом сложном исследовательском процессе, и весь его интегрировать, → вновь в письменной форме. Конечно, вы многое из этого сделали в ваших памятных кумулятивных заметках. Хотя разделы этих памятных заметок могут быть включены в состав рукописи фактически целиком, тем не менее, они были написаны не для коммуникации с читателями. Таким образом, хотя вы научились комплексно обдумывать ваш анализ, вы все же должны развивать адекватные коммуникативные навыки для передачи смысла вашего анализа. И написание, и обдумывание должны теперь проигрываться в вашей голове и на бумаге. Когда вы это делаете, и одновременно пишете одну-две главы, вы все больше овладеваете обоими перечисленными навыками. Понятно, что на начальных фазах написания вам придется быть тепреливым и напряженно трудиться, развивая эти взаимосвязанные навыки. Хотя на первых порах дело продвигается туго, но, по крайней мере, можно с удовольствием предвкушать более легкие недели впереди. В качестве дополнительного утешения вы можете сказать себе, что отчасти верно, — последующие работы и монографии (а они будут!) будет писать значительно легче.

Проблема уверенности в себе

Возрастающая легкость выполнения того, что, в конечном счете, является уточненным исследовательским текстом, связана также с проблемой уверенности исследователя в собственных способностях к анализу и композиционному построению работы. По этому поводу мы процитируем одну из наших книг, поскольку цитата кратко выражает то, что вы как неопытный исследователь, возможно, испытываете, особенно в проектах *обоснованной теории*. Цитата относится больше к анализу, чем к письменному изложению, но в самом изложении два навыка, как мы отмечали, тесно связаны.

Исследователи могут обнаружить, что вначале их что-то сдерживает, не говоря о том времени, когда они уже пишут, если они недостаточно уверены в своем анализе Действительно ли он правилен? Не упустил ли я чего-либо существенного? Есть ли у меня центральная категория? И если да, то все же разработал ли я все это достаточно обстоятельно (концептуальная плотность)?

Возможны ответы да, нет, или может быть! Но проблема здесь не в том, выполнен ли анализ адекватно и успешно, а в уверенности, что действительно известны ответы на эти вопросы Даже опытные исследователи не всегда могут быть уверены, пока не изгрызут свои карандаши, что знают, где именно дыры — или что после ревизии значительных дыр в их анализе нет Опытны вы или неопытны, обычная тактика для того, чтобы уменьшить неуверенность — «проверка» — проверьте это на других людях, индивидах или группах, неформально или формально.

Семинары могут придать уверенность тем, кто представляет свой анализ в предварительной или почти окончательной форме, а также придать уверенность в анализе, включенном в их исследовательский текст. Доклады на конференциях, если они благосклонно встречены, могут придать дополнительную валидность анализу и его эффективному отражению в хорошо написанной прозе

Тем не менее, на подступе или даже во время написания исследовательского текста, почти всегда есть значительное беспокойство по поводу того, может ли это быть выполнено, либо выполняется ли эффективно. В конце концов, некоторые люди перфекционисты и, по-видимому, их не может устроить не идеальное исполнение. Это может означать, конечно, невыполнение вообще или значительную задержку выполнения. Другие вообще недостаточно уверены в себе, и это перерастает в вопрос о способности выполнять этот конкретный вид задачи.

Беспокойство и острая тоска...могут в дальнейшем уменьшиться (также) благодаря написанию одной или двух статей, прежде чем погрузиться, — по крайней мере, серьезно, — в долговременную и важную задачу создания исследовательского текста...добиваясь, чтобы одна или две статьи, принятые для публикации, могли значительно повысить ослабевшую уверенность или затянувшиеся сомнения относительно своих исследовательских способностей (и эффективного написания текста) (Strauss, 1987, pp. 259–260)

Освобождение

Отредактировав то, что, вероятно, должно быть окончательным вариантом, исследователь может также испытывать трудность в «освобождении» от рукописи. Эта проблема обусловлена не столько недостатком уверенности в себе, хотя это возможно, сколько временным нервным расстройством. «Учел ли я последние детали? Правильно ли я сделал это?» Эти сомнения стимулируются почти неизбежным рас-

крытием дополнительных подробностей, концептуальных и редакционных, перемещением и перефразированием того, что происходит во время каждого переписывания проекта. Зрелость исследователя как автора текста растет с пониманием, что никакая рукопись никогда не заканчивается. Было бы довольно удачно, если бы вы лично, факультет или издатель не имели крайнего срока, к которому должен быть готов материал. В этом случае, возможно, вам было бы полезно в течение нескольких недель или даже месяцев не заглядывать в «окончательный» вариант, чтобы вы как редактор и аналитик могли несколько дистанцироваться от него. Кроме того, один или двое коллег, которые могут прочесть часть или даже всю рукопись, обычно улучшают ее качество. (Однако остерегайтесь слишком строгого суждения или какой-то степени непонимания. Но если последнее, то вы должны поинтересоваться, почему непонимание произошло.) В конечном счете, вы должны освободиться физически и психологически, убедив себя, что рукопись закончена настолько, насколько это возможно; если только она не является вашей диссертацией, в этом случае вы наверняка ее улучшите, если решите преобразовать ее в книгу.

Логика освобождения состоит в том, что ваши теоретические формулировки являются лишь частью кумулятивного потока таких формулировок, к которым вы сами позднее можете подойти критически; или включить некоторые из этих формулировок в вашу дальнейшую работу, точно так вы поступили бы в отношении формулировок или критики других людей. **Психология этого освобождения**, однако, более сложная. В основе она сводится к тому, чтобы избежать ловушки мечтаний о совершенной рукописи и позволить вам вместо этого быть открытым для новых проектов, новых идей, новых данных. «О» (возможно, вы протестуете здесь), «но я мог бы сделать халтурную работу, если бы не засиживался над ней». Да, засиживайтесь, но найдите баланс между полезной переработкой черновиков и освобождением от них. Как это сделать, нельзя передать в абстрактной форме. Конечно, опытный исследователь, который действительно знает вашу работу, может помочь в решении этой проблемы, но, в конечном счете, вы должны опираться только на свое собственное внутреннее ощущение, что вы поступаете психологически верно.

Если вы пишете диссертацию, а на факультете достаточно благоприятное отношение к менее жесткому формату диссертации, то вы можете писать для более широкой аудитории, нежели ваш диссертационный совет или более широкий коллектив сотрудников факультета. Кроме того, книгоиздатели обычно сразу отклоняют большинство диссертаций, посланных им в качестве возможных публикаций. Таким образом, если вы имеете возможность писать диссертацию в стиле,

приближенном к монографии, то превращение ее в потенциальную публикацию окажется намного легче.

Аудитория

Перед тем, кто пишет диссертацию, стоит также проблема авторской концепции аудитории для своей диссертации. Возможно, этот вопрос менее сложен, чем для других форм публикаций (это будет обсуждаться ниже) и для докладов, но для многих студентов это бедствие. В конце концов, непосредственные читатели это научные руководители по диссертации и другие члены диссертационного совета. Если они не одобряют диссертацию, то все предприятие станет личным несчастьем. Если совет состоит из профессоров и преподавателей, которые сильно расходятся во мнениях насчет критериев оценки работы, то студенты знают, что эти методологические разногласия могут им повредить. Если повезет, то студенты могут выбрать членов совета, которые имеют одинаковые мнения; либо проект произведет на них хорошее впечатление. Либо, возможно, они настолько не заинтересованы или не сведущи в данной предметной области, что одобряют диссертацию. Не существует испытанного и верного правила, чтобы предложить, как можно управлять этой изменчивой ситуацией. Наилучший совет заключается в том, чтобы выбрать, если возможно, поддерживающего, но критичного консультанта и писать рукопись как можно лучше. Если вы проводите солидное исследование, то, вероятно, добьетесь степени, разве только никто из членов совета не одобряет качественное исследование. Если есть возможность, то вам следует постараться свести к минимуму число таких потенциально враждебных критиков в вашем совете.

Между монографиями и диссертациями имеются некоторые решающие различия, хотя выше мы ссылались на них, отдельно и вместе. Главное среди этих различий состоит в том, что дискуссия в монографии должна быть концептуально полнее, т. е. сделана с большей глубиной и детализацией. Поскольку здесь больше места и нет проблемы формата, как в диссертации, автор более свободен в развертывании аналитического сообщения. Более того, монография может быть более сложной, не только в более широкой и тщательной разработке категорий и их взаимосвязей, но и в представлении большого количества конкретного материала. Последний может включать материалы кейс-стади, и даже длинные цитаты из интервью, полевых записей и документов. Автор всегда может выбрать, иногда отклониться от темы, обсуждая незначительные и второстепенные вопросы, настолько, насколько они совместимы с главным направлением монографии. Кроме того, будут, вероятно, исследованы некоторые вопросы, которые были выпущены из диссертации или не полностью разработаны в период работы над ней из-за ограничения формата. Несообразности, которые вкрались

из-за большей поспешности при написании диссертации, должны быть скорректированы в монографии. Диссертационный совет склонен оказывать предпочтение «результатам», тогда как читатели монографии, более вероятно, высоко оценят или, по крайней мере, одобряют аналитически обоснованные аргументы, так же как и расширенную дискуссию по исследовательским материалам.

Автор монографии также более свободен в выборе стиля презентации. Стиль должен зависеть отчасти от того, как автор подает свое сообщение, а отчасти — от концепции аудитории, для которой оно делается. Ограничен ли круг читателей коллегами по дисциплине или профессии, или какими-то их типами; или есть ли надежда иметь читателей из разных областей, включая, возможно, практикующих специалистов? А если иметь в виду круг читателей-непрофессионалов? Ради того, чтобы монография была максимально действенной, ее автор должен задаться вопросом: «Что я хочу сказать каждому из этих слушателей — или если нескольким, то, как мне дойти до каждого; как мне объединить стили в единый, интегративный?» Короче, стиль и форма презентации должны учитывать и отражать особенности аудитории.

Предположим, вы обращаетесь и к вашим коллегам по дисциплине, и к читателям, которые принадлежат по праву рождения к той предметной области, которую вы изучаете. Установление контакта с обеими аудиториями потребует значительного обдумывания и навыка в использовании словаря, терминологии, кейс-материалов; общего настроения и других аспектов стиля изложения. Многие монографии, опубликованные социологами, имеют читателей среди коллег и среди читателей-туземцев, как и ожидалось. (Среди исследований *обоснованной теории* см. Biernacki, 1986; Fagerhaugh & Strauss, 1977; Fagerhaugh, Strauss, Suczek, & Wiener, 1987; Glaser, 1976; Glaser & Strauss, 1965, 1968; Strauss, Fagerhaugh, Suczek, & Wiener, 1985.) Иногда ожидаемые читатели-туземцы — непрофессионалы: например, пациенты и их семьи в книге об эпилептиках (Schneider & Conrad, 1983). Порой монографии пишут как для неспециалистов, так и для коллег или профессионалов. В этом случае они издаются как любые книги, как книга о повторном браке после развода (Cauhare, 1983).

Писать для разнообразной аудитории вообще более сложная задача, чем писать только для коллег или для тех, кто работает в смежных областях. И все-таки многие исследователи стремятся — или сознательно считают себя обязанными — писать для более широкого круга читателей, нежели научный или профессиональный. Иногда они используют свое исследование в качестве платформы для написания книг, которые не являются монографиями. Одна из таких возможностей — обратиться к вопросам управления. Это означает представить доводы, хотя и сформулированные в чем-либо исследовании, но возможно,

также собранные эмпирическим путем, так же как и путем отдельного исследования. Смотрите, например, книгу данных авторов о стратегии в области здравоохранения (Strauss & Corbin, 1988). Или для практикующих специалистов могут быть написаны книги, полностью основанные на информации из исследования. (Например, см. Strauss et al., 1984, о менеджменте хронических болезней по методу *обоснованной теории*.) Ничего не препятствует, конечно, изданию просто монографии, написанной преимущественно для читателей одной с автором дисциплины или профессии. Большинство монографий по качественным исследованиям написаны для этой ограниченной аудитории.

Преобразование диссертации в монографию

Как диссертация превращается в монографию? Принцип неявно был предложен на предыдущих страницах. Однако первый вопрос, который встает перед автором диссертации — следует ли писать ее в монографической форме. **Некоторые вопросы, относящиеся к этому решению, следует тщательно продумать** и предпочтительно в следующем порядке.

(1) Достаточно ли интересны реальные материалы, выводы, или теоретические формулировки, представленные в диссертации, и стоит ли затрачивать на них мое время и усилия, чтобы писать о них для более широкой аудитории или аудиторий? Некоторые диссертации являются естественными кандидатами для такой презентации. (Например, см. монографию Whyte об уличных бандах, 1955; книгу Davis о выздоровлении от полиомиелита, 1963; исследование Шибутани о слухах, 1966; книгу Broadhead о студентах-медиках, 1983; книгу Cauhaure о повторном браке после развода, 1983; книгу Rosenbaum о женщинах-наркоманках, 1981; том Wiener об алкоголизме, 1981; монографию Stag о полемике по поводу взаимодействия мыслительных и телесных процессов и мозговой локализации, 1989.) Другие диссертации, независимо от того, насколько они могут быть важны для некоторых коллег, не подходят для публикации, но частично их материалы, вероятно, публикуются в качестве статей и позднее могут широко цитироваться.

(2) Какие наиболее уместные темы и концептуализации было бы важно опубликовать в монографии?

(3) Достаточно ли у меня времени и энергии, чтобы преобразовать эту диссертацию в монографию? Действительно ли я еще заинтересован в этой теме? Насытился ли я, надоело ли мне это? «Не довольно ли с меня?» Действительно ли это моя сильная сторона, или мне стоит перейти к более интересным темам и областям? Конечно, достаточная заинтересованность в успешном выполнении может дать большое личное удовлетворение. Отчасти обязательство и удовлетворенность результатом может также проистекать из чувства долга по отношению

к «внешнему» миру, которому следует знать о том, что было открыто благодаря исследованию.

(4) Многие потенциальные авторы рассматривают еще один вопрос: Имея определенный уровень интереса, достаточно времени и энергии, стоит ли писать эту монографию ради карьеры? В некоторых областях написание монографии (или фундаментального исследования другого типа) не особенно важно, так как статьи, опубликованные в фундаментальных научных журналах, приносят больше престижа. Однако коллеги в других областях, в том числе в социальных науках, знают, что монографии оцениваются зачастую более весомо, чем статьи, особенно при обсуждении кандидатов для пополнения профессорско-преподавательского состава, или когда их самих обсуждают для продвижения по службе.

Обсуждая каждый из этих вопросов, а возможно и другие, вам, несомненно, помогали, а также временами мешали или сбивали с толку советы профессоров факультета, друзей, спонсоров или других близких людей. Затем перед вами встает дополнительный вопрос, как преобразовать вашу диссертацию в монографию. Действительно, пытаясь ответить на этот вопрос и решить, писать ли ее вам, весьма вероятно, придется взвесить время и усилия, которые потребуются, чтобы написать монографию «тем или иным способом».

Фактическая переделка диссертации может аккуратно направляться обсуждениями, которые мы приводили на предыдущих страницах. Вам придется внимательно обдумать, какую аудиторию вы хотите охватить. Это означает одинаково тщательное продумывание того, какие темы, понятия и теоретические формулировки будут представлять наибольший интерес или ценность для каждой аудитории. Эти дискуссии ведут к проблеме стиля. Например, какой формат следует использовать? Должен ли быть главный фокус монографии на теоретических формулировках, а эмпирические материалы на втором плане, или следует сохранять баланс между ними? Должны ли вы решительно аргументировать имеющимися теоретическими формулировками или сохранять более спокойный тон аргументации или даже не выражать свои доводы прямо? Стилистические дискуссии, конечно, также влекут за собой решения о типе и уровне словаря, который будет использоваться, способах представления выборки из ваших данных, общем настроении монографии и так далее.

Ранее мы касались того, что к первоначальной презентации диссертации должна быть прибавлена тщательная концептуальная разработка. Вы можете сделать это, включая теоретические материалы, уже развернутые в ваших аналитических «памятках», но выпущенные из диссертации, и, обдумывая аспекты ваших формулировок, которые остались неясными, неполными, сомнительными и даже непоследовательными. Кроме того, в монографии вы, возможно, захотите более

широко обсудить определенные выводы из вашей работы со ссылками на теоретическую литературу, а также ресурсы для будущего исследования и, возможно, для практикующих специалистов, или для тех, кто принимает решения.

Любая из них и все эти возможности или императивы требуют — не так ли? — времени и усилий, и к тому же значительного повторного осмысления вашего предшествующего анализа и его письменного изложения. Многие исследователи обнаружили, что опыт переработки текста для монографии очень стоящий. Другие переделали диссертацию в монографию, прежде всего, ради карьерного продвижения и личной репутации, (буквально) извлекая пользу из этого капиталовложения.

Коллективные публикации

Когда в проекте участвуют двое или более исследователей, в этом случае всегда встает вопрос, как они будут писать публикации. Ответы зависят, понятно, от взаимоотношений между членами группы, восприятия их соответствующих способностей и интересов, их ответственности, количества времени, затраченного каждым из них и так далее. Некоторые публикации написаны ведущим исследователем проекта, с разной степенью вклада других членов коллектива. Другие публикации написаны скорее в настоящем сотрудничестве, нежели являются просто исследованием, разделенным между его участниками. Комбинации сотрудничества (или несотрудничества), по-видимому, многочисленны. То же самое верно относительно статей, написанных на основе коллективного исследования.

Написание документов для публикации

Этот четвертый класс публикаций, основанных на исследовании, едва ли является однородным. Большое разнообразие в выборе типов документов графически можно представить в виде трехсложной классификации этих возможностей.

(1) *Для коллег*, главный фокус документов которых альтернативно:

- теоретический
- эмпирический
- дискуссионный
- методологический

(2) *Для практикующих специалистов*:

- теоретическая рамка для лучшего понимания клиентов
- эмпирический
- практические предложения для улучшения процедур

- реформа существующих практик
 - широкий курс предложений
- (3) *Для читателей-неспециалистов:*
- эмпирический
 - реформа текущих практик или стратегий
 - руководящие указания для улучшения менеджмента или лучшего обслуживания со стороны практикующих специалистов или институтов
 - убеждение читателей в том, что другие разделяют их собственный опыт (как в случаях переживания развода или усыновления ребенка)

Это разнообразие выбора типов документов указывает на различия в целях, акцентах, стилях, и, разумеется, на различные применения публикаций.

Тем не менее, ваше исследование обеспечивает прочную основу для написания всех этих типов документов. Вы пишете очень разные работы и пишете их по-разному, если не держите это с трудом доставшееся исследование «в себе». Исследование по методу *обоснованной теории* обеспечивает теоретический анализ, эмпирическое наполнение, а также уверенность в себе. В то же время само исследование не говорит вам прямо, какие работы писать, с какой целью, для кого или как. Тем не менее, исследование должно было обеспечить вам значительную чувствительность к проблемам, аудиториям, силе и слабости деятелей и организаций. Вы будете черпать это знание, когда будете принимать решения относительно того, что писать, для кого и как.

Решения этих проблем на основе размышлений и процедур неуловимо отличаются от тех, что мы обсуждали на протяжении этой главы. **Незначительные различия** могут быть кратко сформулированы и легко поняты. Вот некоторые условия, которые могут прямо влиять на то, как, для кого и будут ли написаны определенные документы:

(1) Как отмечалось ранее, исследователи могут решить издавать свои документы даже на относительно ранней стадии процесса исследования. Это можно сделать по разным причинам. Например, чтобы представить предварительные выводы. Или чтобы удовлетворить спонсоров, или произвести на них впечатление. Или потому что есть интересные материалы касательно второстепенных проблем, о которых легко можно написать в данный период, а в более поздний, лихорадочно беспокойный период невозможно.

(2) Иногда исследователи пишут работы, потому что либо чувствуют себя обязанными опубликовать по данной теме, либо на них оказывают давление. Конечно, эта мотивация также влияет на то, что и как исследователь пишет.

(3) Исследователи также могут быть приглашены для того, чтобы принять участие в работах по специальной тематике журналов или книжных изданий, потому что они известны своими исследованиями в данной области. Их могут также побуждать или искушать преобразовать устные презентации в документы, потому что слушатели хорошо на них реагировали.

(4) Еще одно условие, которое может влиять на написание документа, это существование крайнего срока для передачи законченного продукта издателю. На некоторых исследователей это может действовать в качестве стимула, тогда как другие, несомненно, страшатся любого обязательного срока.

(5) Количество страниц, разрешенных издателем, также влияет на то, будет ли написана работа, по крайней мере, для этой конкретной публикации, что будет написано и как.

(6) Пока не поступило приглашение от издателя, должно быть принято важное решение о том, какой конкретный журнал следует избрать в качестве потенциальной сферы применения данной работы. Журналы и документы должны соответствовать друг другу, иначе будет потрачено впустую время на ее отклонение, или еще хуже, когда работа принята, но для неподходящей или недостаточно подходящей аудитории. Выбор подходящего журнала может быть легкой задачей, если исследователь основательно знает этот журнал, в ином случае следует тщательно рассмотреть проблемы журнала. Кроме того, может помочь совет людей, хорошо осведомленных в специфике журналов. Это особенно верно, когда вы обращаетесь к аудитории за пределами вашей собственной сферы, например, когда социолог пишет о социальной работе или для медицинского журнала.

Отметив эти условия, иногда вынужденные, а иной раз стимулирующие, мы можем обсудить теперь другие особенности при написании трудов.

Наиболее важно обсудить взаимосвязь **цели и аудитории**. Исходя из разнообразия целей и аудиторий, перечисленных выше, вы можете видеть, что это является главной проблемой, стоящей перед любым исследователем, который пишет документ. (Это верно даже тогда, когда он приглашен, чтобы его написать). «Что» «кому» сказать? Темы некоторых работ, по-видимому, возникают довольно естественно во время процесса исследования. Например, когда мы изучали хронически больных и их супругов, то при менеджменте этих болезней были поражены различиями между парами с высокой степенью сотрудничества и очень конфликтными парами. Поэтому мы написали статью по этой теме на относительно ранней стадии исследования (Corbin & Strauss, 1984). Написание подобных работ можно представить себе на начальной или средней стадии проекта, но не позднее, или даже отложить до тех пор,

пока они не будут включены в монографию. Некоторые идеи требуют гораздо больше времени для формулирования документов. Вероятно, требуется более глубокое понимание некоторых феноменов, или большая теоретическая искушенность, чтобы чувствовать себя спокойно, когда пишешь о них. Написание документов, в которых предлагается реформа, может быть отложено, потому что исследователи не могут связывать себя ролью реформаторов до тех пор, пока их не очень беспокоит то, что они наблюдают, или, возможно, вследствие того, что направления, в которых могут быть определены альтернативы реформ, еще не ясны для них.

После того как теоретические формулировки отчетливо разработаны, есть искушение представить всю рамку в одной большой работе. Для тех, кто проводит исследование по методу *обоснованной теории*, это очень трудная задача, поскольку рамка будет очень сложной, очень плотной в результате концептуализации. Мы советуем не пытаться выполнить эту задачу (так же, как раньше советовали относительно докладов). Если вы сделали выбор, то откровенно изложите свою версию, отсылая читателей к вашей следующей монографии. Лучше выбрать одну или две более важные категории, обсуждая их свойства и, возможно, взаимосвязи с двумя-тремя другими категориями, самое большее. В следующих работах вы можете выдвинуть на первый план одну-две другие категории.

Например, один из авторов и его коллеги писали документ о работе больничных пациентов и о связанной с их работой паре других типов работы, таких как «безопасность работы» и «удобная работа» (Strauss et al., 1985). В другом документе эта группа исследователей писала о работе персонала в отделениях интенсивного ухода. В фокусе их внимания была, прежде всего, безопасность работы, особенно в связи с непрерывной работой персонала с медицинским оборудованием, что так же потенциально опасно, как и поддержание жизни младенцев. (Wiener, Fagerhaugh, Strauss & Suczek, 1979).

Другие работы могут быть написаны в области методологии или проблем управления. В этом случае теоретические материалы будут играть подчиненную роль, но все же придадут окраску главной линии вашей дискуссии. Например, методологический фокус может требовать эмпирической и теоретической иллюстрации, чтобы передать смысл читателю. Дискуссия по проблемам управления может не только подкрепляться данными, но и явно или неявно поддерживаться теоретическими рамками.

Например, авторы представили доводы и предложения в пользу реформы американской системы здравоохранения (Strauss & Corbin, 1988). Они были основаны на критике доминирующей ориентации медицинских специалистов и институтов, направленной на лечение

острой формы заболеваний. Хотя в настоящее время преобладают хронические болезни, то есть болезни, имеющие много фаз, каждая из которых требует иного типа лечения.

Если вернуться к нашему предложению, чтобы в теоретически ориентированной статье ограничить число обсуждаемых категорий или идей, то вопрос, как обычно, заключается в том, как следует развертывать это обсуждение? Тот же общий вопрос может быть задан, как в случае, когда вы пишете главы монографии, но отвлеклись для написания статьи. Во-первых, вы решаете, на чем хотите сфокусировать свое внимание. Что представляет собой ваша история теоретически? Это решение может появиться в ходе исследования, или фактически может быть вызвано мыслью о вашей последней интегративной диаграмме или предшествующей сортировке аналитических «памяток». Вы разрабатываете подробные концептуальные связи на протяжении тех же процессов сортировки и осмысления ваших материалов (теоретических и эмпирических). Или перед этой фактической разработкой деталей, или после того как большая часть этого сделана, вы строите схему статьи. Точно так же, как со схемой для монографии, вы, возможно, захотите несколько дистанцироваться от этой схемы, выжидая несколько дней или недель, прежде чем вернуться к ее внимательному рассмотрению. Когда вы пишете подразделы, **пересмотр** и **сортировка** помогут встряхнуть вашу память и наполнить ее дополнительными подробностями.

Однако вам следует избегать излишней детализации. Ваша попытка втиснуть слишком много в малое пространство статьи может либо обескуражить вас, либо, по крайней мере, помешать ясности вашего изложения. Рабочий принцип здесь излагается в форме двойного вопроса. Что входит в вашу статью и что остается за ее пределами — даже неохотно или безжалостно изымается. Нужна ли мне эта деталь для максимальной ясности аналитической дискуссии и/или достижения максимального понимания предметной области? Первая часть вопроса относится к самому анализу. Вторая часть, главным образом, имеет отношение к включению данных в форме цитат и кейс-материалов.

Что касается монографий и диссертаций, то варианты можно предоставить на «суд» друзей, коллег и даже практикующих специалистов или неспециалистов, если они согласны и материалы имеют к ним отношение. К тому же, возможно, вам следует внимательно рассмотреть варианты в кругу участников проекта или в студенческой исследовательской группе, если вы принадлежите к таковой. Вам следует также включить литературу, которая имеет отношение к делу. Если это теоретическая статья, то, возможно, вы хотите обдумать ее скрытые ресурсы (импликация) для рекомендаций об изменении курса или практик в области, которую вы изучаете.

Затем, когда «наконец» вы закончили, и даже более того, наконец, опубликовали, вам следует уже попутно обдумывать, планировать и начинать писать следующую публикацию!

Выводы

Проведение презентации и издание результатов исследования представляет собой сложную задачу для исследователя. Имея столь сложный материал, как сделать выбор, что, кому и как представлять? Вообще в устной презентации или статье предпочтительно глубоко представлять только одно основное понятие (кате­го­рию) и, может быть, одно-два других, которые сплетены с ним или связаны с ним характерными чертами. В монографиях имеется более широкий спектр возможностей, но даже здесь автор должен тщательно обдумать логический порядок материала, прежде чем составлять подробную схему. С диссертацией связаны другие проблемы: стандартный формат, которому нужно следовать. К тому же, автор должен внимательно обдумать, насколько подробно излагать материал и как его классифицировать, с тем чтобы наилучшим образом представить концептуальную схему, поддерживая еще в то же время плавность и непрерывность. Данная глава предлагает процедуры в качестве вспомогательного средства для таких презентаций.

Критерии для оценки исследований, проведенных по методу *обоснованной теории*

Качественное исследование может тщательно оцениваться, только если его процедуры достаточно **четко обозначены**, с тем чтобы читатели итоговой публикации могли оценить их соответствие. Кроме того, научные каноны (исследовательские стандарты), которые принял исследователь, должны быть **присущи** также его исследованию. Что в таком случае вам нужно знать, чтобы судить об этих предметах?

Научные каноны и качественное исследование

Некоторые качественные исследователи утверждают, что каноны или стандарты, по которым судят о количественных исследованиях, совершенно не подходят для качественных исследований (см. Agar, 1986; Guba, 1981; Kirk & Miller, 1986). Вероятно, большинство качественных исследователей верят в то, что эти особые каноны следует, по крайней мере, модифицировать, чтобы они соответствовали качественному исследованию. Обоснованные теоретики (grounded theorists) разделяют их убеждение в том, что обычные каноны «хорошей науки» следует поддерживать, но они **требуют переопределения, чтобы соответствовать реальностям качественного исследования и сложности социальных феноменов**, которые мы стремимся понять. Обычные научные каноны включают в себя: значимость, совместимость теории-наблюдения, обобщение, последовательность, воспроизводимость, точность и верификацию. (Краткий обзор этих канонов см в: Gortner & Schultz, 1988, p. 204.) Эти каноны учеными-физиками и биологами считаются настолько само собой разумеющимися, что философы науки даже не обсуждают подробно большинство из них, за исключением верификации. Однако другие каноны, такие, как точность, последовательность и релевантность, предполагаются неявно (Porrett, 1959).

Опасности, которые могут подстергать качественных исследователей, использующих такие термины, лежат в их более позитивистских

коннотациях [сопутствующих значениях], и в тех значениях, которые происходят из чересчур буквального прочтения физической и биологической научной литературы. Нет никакого смысла определять или использовать эти термины в соответствии с определениями и употреблением количественных социальных исследователей. Каждый метод открытия развертывает собственные стандарты и **процедуры** для их достижения. (Дискуссию об этом см. *Diesing, 1971.*) Что важно, так это то, чтобы все эти критерии были четко обозначены.

Например, возьмите канон воспроизводимости. Как правило, он означает, что любое данное исследование — физический эксперимент, например, — может быть воспроизведен таким образом, что если результаты исходного исследования воспроизведены успешно одним (или более) исследователем (ями), то они заслуживают еще большего доверия. Однако, вероятно, не существует теории, имеющей дело с фактически воспроизводимым социальным/психологическим феноменом, поскольку обнаруживаются новые ситуации или иные ситуации, условия которых точно не совпадают с условиями исходного исследования, хотя многие важные условия могут быть сходными. В отличие от исследования физического феномена, очень трудно воплотить экспериментальные или другие замыслы, в которых можно было бы воссоздать все первоначальные условия и контролировать все внешние переменные, с которыми может столкнуться изучаемый социальный/психологический феномен.

Есть иной метод, указывающий на воспроизводимость. Другой исследователь, следуя той же теоретической перспективе, тем же общим правилам сбора и анализа данных и имея сходный ряд условий, что и первый исследователь, должен прийти к такому же теоретическому объяснению данного феномена. Любые возникающие разногласия могут быть решены путем перепроверки данных и идентификации различных условий, которые могут действовать в каждом случае.

Чтобы продолжить тему переопределения обычных канонов для качественного исследования, рассмотрим далее канон обобщающей способности. Цель *обоснованной теории* состоит в том, чтобы **точно обозначить** условия, вызывающие определенные ряды действия/взаимодействия относительно феномена и итоговых следствий. Теория применима лишь для тех точно обозначенных ситуаций. Конечно, чем больше систематизирована и широко распространена теоретическая выборка, чем больше условий и вариаций, которые будут раскрыты и включены в теорию, — тем больше будет ее обобщающая способность (а также точность и прогностические возможности). Если первоначальная теория недостаточно объясняет вариацию, которая была обнаружена благодаря дополнительному исследованию, то эти новые точно обозначенные характеристики могут быть добавлены для исправления первоначальной формулировки теории.

Мы лишь пояснили примерами необходимость переопределения обычных канонов, слегка коснувшись двух из них (воспроизводимости и обобщающей способности), поскольку другие важные критерии подробно обсуждались в связи с *обоснованной теорией* в другом месте (Corbin & Strauss, 1990).

Критерии для оценки *обоснованной теории*

Мы обсудим некоторые важные оценочные критерии для суждения об исследовании. Каком исследовании? Вашем собственном и других исследователей, если они утверждают, что применяли методы *обоснованной теории*. Этими критериями следует также руководствоваться при формулировании заявок для фондовых агентств. Как и другие исследователи, те, кто работает по методу *обоснованной теории*, должны рассматривать вопросы выборки, аналитических процедур, валидности и тому подобное. (По-видимому, представители фондовых агентств могут также применять общие методологические указания, данные в этой главе, для оценки заявок, подразумевающих использование методов *обоснованной теории*.) Успех исследовательского проекта, в конце концов, оценивается по его продуктам. За исключением редких случаев, когда имеется лишь устная презентация, результаты, теоретические формулировки и выводы, так же как проект исследования и процедуры, оцениваются через посредство публикации. Все же, как они оцениваются и по каким критериям?

Оценивая исследовательскую публикацию, автор(ы) которой утверждает(ют), что они создали, разработали или «проверили» теорию, вам следует отчетливо проводить различие между этими вопросами. Во-первых, составляются суждения о валидности, достоверности и надежности **данных** (Guba, 1981; Kidder, 1981; Kirk & Miller, 1986; Le Compte & Goetz, 1982; Miles & Huberman, 1984; Sandelowski, 1986). Во-вторых, суждения об адекватности **исследовательского процесса**, посредством которого теория рождается, разрабатывается или проверяется. В-третьих, суждения об **эмпирическом обосновании** исследовательских результатов.

Критерии для оценки данных много обсуждались в литературе (см. помимо вышеупомянутых ссылок любой учебник по полевой работе). Именно адекватность исследовательского процесса создания теории и обоснование его результатов составляет суть того, что нас здесь интересует.

Исследовательский процесс

По публикации *обоснованной теории* читатель должен иметь возможность составлять суждения о некоторых компонентах исследовательского

процесса, которые приводят к этой публикации. Однако даже в монографии — которая, в конце концов, состоит, прежде всего, из теоретических формулировок и анализированных данных — не может быть способа, с помощью которого читатели могут точно оценить, как исследователь провел анализ. Действительно, они не присутствуют во время аналитических семинаров, и монография не обязательно помогает им представить себе эти семинары или их последовательность. Чтобы исправить это, было бы полезно, чтобы читателям были даны определенные виды информации касательно критериев, данных ниже. Даже в монографии не нужно давать очень много подробностей, достаточно дать некоторые полезные смысловые основы для суждения об адекватности исследовательского процесса как такового. Виды необходимой информации представлены ниже в форме вопросов. Ответы на них показывают, как они могут служить в качестве оценочных критериев.

Критерий # 1: Как была отобрана первоначальная выборка? На какой основе?

Критерий # 2: Какие значительные категории возникли?

Критерий # 3: Какие события, инциденты, действия и тому подобное (как индикаторы) указывали на некоторые из этих значительных категорий?

Критерий # 4: На основе каких категорий происходила теоретическая выборка? То есть, как теоретические формулировки направляли сбор данных? После того как теоретическая выборка была сделана, насколько репрезентативными оказались эти категории?

Критерий # 5: Каковы были некоторые из гипотез, относящиеся к концептуальным связям (т. е., между категориями) и на каких основаниях они были сформулированы и проверены?

Критерий # 6: Были ли случаи, когда гипотезы не поддерживались тем, что наблюдалось в действительности? Как учитывались эти разногласия? Как они влияли на гипотезы?

Критерий # 7: Как и почему была выбрана центральная категория? Был этот выбор сделан сразу или постепенно, трудно или легко? На каких основаниях были приняты окончательные аналитические решения?

Мы понимаем, что некоторые из этих критериев считаются нетрадиционными (например, предпочтение теоретической выборки вместо статистической, или предписание точного формулирования оснований для разногласий) большинством количественных или даже многими качественными исследователями. Тем не менее, они существуют для оценивания исследований *обоснованной теории*. Если исследователь, работающий по этому методу, дает эту информацию, то читатели могут применять данные критерии, чтобы оценить адекватность сложных кодировочных процедур исследователя. Подробности, полученные

таким путем, дополняются информацией, которая может быть прочитана, по крайней мере, в более объемных публикациях, как указание на крайне осторожное и доскональное прослеживание индикаторов, добросовестной и изобретательной теоретической выборки, и так далее.

Далее мы даем серию вопросов, которые также эквивалентны ряду критериев, касающихся эмпирического обоснования проекта.

Эмпирическое обоснование исследования

Критерий # 1: Производит ли теория понятия?

Поскольку основные строительные блоки любой *обоснованной теории* (на самом деле, любой научной теории) состоят из ряда понятий, обоснованных в данных, то первые вопросы, которые можно задать о любой публикации *обоснованной теории*, таковы: Производит ли теория (путем кодирования) понятия или, по крайней мере, использует ли их, и каков их источник или источники? Если понятия извлечены из обычного употребления (например, «неуверенность»), но не применяются в специальной практике, то они не являются понятиями, т. е. частью *обоснованной теории*, так как фактически не обоснованы в самих данных. В любой монографии, которая имеет целью представить теоретические интерпретации данных, основанных на анализе *обоснованной теории*, можно сделать быструю, если очень грубо, оценку ее понятий, просто путем проверки указателя понятий определяя, имеют ли они специальный или обычный смысл и много ли их. Для более полной оценки этих положений следует, по крайней мере, бегло просмотреть книгу.

Критерий # 2: Является ли связь между понятиями систематической?

Название научного проекта — систематическая концептуализация путем связывания понятий. Поэтому вопросы, которые задаются здесь о публикации *обоснованной теории*, следующие: Были ли образованы такие связи и представляются ли они обоснованными в данных? Далее, проводится ли связывание систематическое? Как и в другом качественном тексте, связи едва ли будут представлены как перечень гипотез, или через пропорциональные отношения, или в других формальных терминах, а будут вплетены в текст публикации на всем ее протяжении.

Критерий # 3: Много ли имеется концептуальных связей и категорий, которые хорошо разработаны? Обладают ли они концептуальной плотностью?

В *обоснованной теории* должны быть плотные связи как между категориями и их субкатегориями, так и между отдельными категориями при окончательной интеграции. Это связывание делается, конечно,

в терминах характерных черт парадигмы — условий, контекста, действия/взаимодействия (включая стратегии) и следствий. Кроме того, категории должны быть теоретически плотными (иметь много свойств, в которых выделены измерения). Именно плотные связи, с точки зрения парадигмальных характеристик и плотности категорий, придают теории ее **объяснительную силу**. Теория, не имеющая таких связей, отнюдь не удовлетворительна.

Критерий # 4: Много ли вариаций встроено в теорию?

Некоторые качественные проекты сообщают лишь о единственном феномене и устанавливают лишь несколько условий, при которых он появляется. Кроме того, они подробно обозначают лишь несколько действий/взаимодействий, которые его характеризуют, и ограниченное число или диапазон следствий. В противоположность этому, монографию *обоснованной теории* следует оценивать с точки зрения диапазона ее вариаций и их **подробного обозначения**, объяснения этих вариаций в связи с данными, являющимися их источником. В опубликованном документе диапазон вариаций, которых коснется исследователь, может быть более ограниченным, но автору следует, по крайней мере, предположить, что в более широком исследовании они будут рассмотрены подробнее.

Критерий # 5: Более широкие условия, которые влияют на изучаемый феномен, включены в его объяснение?

Исследовательский метод *обоснованной теории* требует, чтобы условия, которые объясняют действия/взаимодействия феномена, были перенесены в анализ и не были ограничены лишь теми, которые, по видимому, непосредственно касаются изучаемого феномена. То есть, анализ не должен быть таким «микроскопическим», чтобы не учитывать условий, которые происходят из более «макроскопических» источников: таких, например, как экономические условия, социальные движения, тенденции, культурные ценности и тому подобное.

Таким образом, они не просто должны быть перечислены как вспомогательный материал, но **прямо связаны с феноменом** через их влияние на действие/взаимодействие и через эти последние на следствия. Поэтому любая публикация *обоснованной теории*, которая либо упускает эти более широкие условия, либо недостаточно выявляет их конкретные связи с изучаемым феноменом, теряет в своем эмпирическом обосновании. Другими словами, упоминает автор матрицу условий явно или не упоминает (см. главу 10), **она должна быть, по сути дела, работающей в анализе.**

Критерий # 6: Был ли принят во внимание процесс?

Идентификация и точное обозначение изменения или движения в форме процесса является важной частью исследования *обоснованной теории*. Любое изменение должно быть связано с условиями, которые его вызывают. Припомните из главы 9, что процесс может быть описан как этапы или фазы, а также как поток или движение действия/взаимодействия во времени, в ответ на существующие условия.

Критерий # 7: Представляются ли теоретические результаты значимыми и в какой степени?

Вполне возможно завершить исследование *обоснованной теории* или любое исследование, все же не получив значимых результатов. Если исследователь просто следует процедурам/канонам *обоснованной теории* без воображения или проникновения в суть того, что отражают данные, потому что он или она не видит, о чем они в действительности говорят, за исключением тривиальных или хорошо известных феноменов, то опубликованные результаты можно будет оценить как неудачные по этому критерию.

Помните, что имеется взаимосвязь между исследователем и данными, и ни один метод, и конечно, не метод *обоснованной теории*, не может гарантировать, что взаимосвязь будет творческой. Это зависит от трех характеристик исследователя: аналитической способности, теоретической восприимчивости и чувствительности к тонкостям действия/взаимодействия (плюс достаточной литературной способности, чтобы рассказать о результатах). Конечно, творческая взаимосвязь опирается и на другой полюс уравнения исследователь — данные: качество собранных или использованных данных. Анализ, лишенный творческого воображения, в техническом смысле, возможно, будет адекватно обоснован в данных, но фактически он недостаточно обоснован с точки зрения теоретических намерений исследователя. Это происходит потому, что исследователь либо не извлекает из данных более полный ресурс, либо недостаточно широко проводит сбор данных.

Этот двойной ряд критериев, для исследовательского процесса и для эмпирического обоснования теоретических результатов, прямо касается проблем того, как верифицируется любое данное исследование *обоснованной теории* и как устанавливается его достоверность. Если исследование опубликовано, компоненты исследовательского процесса отчетливо изложены и достаточно информации в самой публикации, то представленную теорию или теоретические формулировки можно будет оценивать с точки зрения степени правдоподобности. Мы можем оценить, при каких условиях теория может соответствовать «реальности», давать понимание и быть полезной (практически и теоретически).

Заключительные замечания

Вы должны иметь в виду еще два замечания относительно оценочных критериев. Во-первых, эти критерии не следует считать жесткими и твердыми оценочными правилами, если вы работаете как исследователь, или составляете себе мнение о публикациях других исследователей в качестве читателя. Критерии означают **нормы**. Новые области исследования могут потребовать модификации процедур и оценочных критериев, чтобы они соответствовали обстоятельствам исследования. Одаренные творческим воображением исследователи, которые ломают голову над необычным или творческим использованием материалов, время от времени будут несколько отступать от того, что можно назвать «авторитетными» нормами для процедур. **Сказав это, мы решительно настаиваем на том, чтобы вы строго соблюдали эти важные критерии, пока не появятся очень основательные причины для того, чтобы не делать этого.** В таких редких случаях вам следует знать точно, как и почему вы отступили от критериев, сказать об этом в своей работе и предоставить читателям судить о достоверности вашей теории.

Во-вторых, мы предлагаем, чтобы вы **указывали, каковы были ваши процедурные действия, хотя бы коротко**, особенно в больших публикациях. Они будут включать перечень любых особых процедур или процедурных шагов, принятых в дополнение к тем, которые обсуждались в этой книге. Это поможет читателям судить об адекватности вашего исследования в целом. Это также заставит читателей лучше осознать, как данное конкретное исследование отличается от того, которое сделано с использованием других методов качественного исследования. Делая это, вы будете более осознанно представлять себе, каковы были именно ваши действия, и их возможную неадекватность. Другими словами, вы будете в состоянии идентифицировать и сообщить, каковы были неизбежные ограничения вашего проекта.

Выводы

Каждое исследование, качественное или количественное, должно оцениваться с точки зрения определенных канонов и процедур исследовательского метода, который применялся для получения результатов. Оценочные критерии *обоснованной теории* были разработаны авторами. Эти критерии должны быть полезны не только для тех, кто хочет судить о собственной работе или о работе своих коллег, но и для тех, кто сидит за редакционными столами и в фондовых агентствах, кто также должен оценивать проекты *обоснованной теории*.

Это не лингвистическая случайность, что «строение», «сооружение», «работа» обозначают как процесс, так и его конечный продукт. Если глагол не имеет смысла, то и существительное лишено содержания.

Джон Дьюи. *Искусство как опыт*, 1934, с. 51

Литература

- Agar, M. (1986). *Speaking of ethnography*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Becker, H. (1970). *Sociological work: Method and substance*. New Brunswick, NJ: Transaction.
- Becker, H. (1982). *Art worlds*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Becker, H. (1986a). *Doing things together: Selected papers*. Evanston, IL: North-western University Press.
- Becker, H. (1986b). *Writing for social scientists*. Chicago: University of Chicago Press.
- Biernacki, P. (1986). *Pathways from heroin addiction*. Philadelphia, PA: Temple University Press.
- Blumer, H. (1931). Science without concepts. *American Journal of Sociology*, 36, 515–533.
- Blumer, H. (1969). *Symbolic interaction*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Broadhead, R. (1983). *Private lives and professional identity of medical students*. New Brunswick, NJ: Transaction Books.
- Cauhape, E. (1983). *Fresh starts: Men and women after divorce*. New York: Basic Books.
- Charmaz, K. (1983). The grounded theory method: An explication and interpretation. In: R. Emerson (Ed.), *Contemporary field research* (p. 109–126). Boston: Little, Brown.
- Corbin, J. (1987). Women's perceptions and management of a pregnancy complicated by chronic illness. *Health Care for Women International*, 84, 317–37.
- Corbin, J., & Strauss, A. (1984). Collaboration: Couples working together to manage chronic illness. *Image*, 16, 109–115.
- Corbin, J., & Strauss, A. (1988). *Unending work and care: Managing chronic illness at home*. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
- Corbin, J., & Strauss, A. (1990). Grounded theory method: Procedures, canons, and evaluative criteria. *Qualitative Sociology*. Forthcoming.
- Corbin, J., & Strauss, A. (1991). Comeback: Overcoming disability. In: G. Albrecht & J. Levy (Eds.), *Advances in medical sociology* (Vol. 2) Greenwich, CT: JAI Press.
- Davis, F. (1963). *Passage through crisis*. Indianapolis, IN: Bobbs-Merrill.
- Denzin, N. (1970). *The research act*. Chicago: Aldine.
- Dewey, J. (1934). *Art as experience*. New York: Minton, Balch.
- Diesing, P. (1971). *Patterns of discovery in the social sciences*. Chicago: Aldine.
- Drake, S. (1957). *Discoveries and opinions of Galileo*. Garden City, NY: Doubleday Anchor Books.
- Fagerhaugh, S., & Strauss, A. (1977). *The politics of pain management: Staff-patient interaction*. Menlo Park, CA: Addison-Wesley.

- Fagerhaugh, S., Strauss, A., Suczek, B., & Wiener, C. (1987). *Hazards in hospital care*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Fielding, N., & Fielding, J. (1986). *Linking data*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Fujimura, J. (1987). Constructing doable problems in cancer research: Articulating alignment. *Social Studies of Science*, 17, 257–93.
- Glaser, B. (1963). The use of secondary analysis by the independent researcher. *American Behavioral Scientist*, 11–14.
- Glaser, B. (1972). *Experts and laymen: The Patsy and the subcontractor*. Mill Valley, CA: Sociology Press.
- Glaser, B. (1978). *Theoretical sensitivity*. Mill Valley, CA: Sociology Press.
- Glaser, B., & Strauss, A. (1965). *Awareness of dying*. Chicago: Aldine.
- Glaser, B., & Strauss, A. (1967). *The discovery of grounded theory*. Chicago: Aldine.
- Glaser, B., & Strauss, A. (1968). *Time for dying*. Chicago: Aldine.
- Gortner, S., & Schultz, P. (1988). Approaches to nursing science methods. *Image*, 20, 22–23.
- Guba, E. (1981). Criteria for assessing the trustworthiness of naturalistic inquiries. *ETC*, 19, 75–91.
- Hammersley, M., & Atkinson, P. (1983). *Ethnography: Principles in practice*. New York: Tavistock.
- Hughes, E. (1971). *The sociological eye*. Chicago: Aldine. Reprinted. New Brunswick, NJ: Transaction, 1987.
- Johnson, J. (1975). *Doing field research*. New York: Free Press.
- Kidder, L. (1981). Qualitative research and quasi-experimental frameworks. In: M. Brewer & B. Collings (Eds.), *Scientific inquiry and the social sciences*. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
- Kirk, J., & Miller, M. (1986). *Reliability, validity and qualitative research*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Kvale, S. (1989). To validate is to question. In: S. Kvale (Ed.), *Issues of validity in qualitative research* (p. 73–92). Lund, Sweden: Studentlitteratur.
- Le Compte, N., & Gietz, J. (1982). Problems of reliability and validity in ethnographic research. *Review of Educational Research*, 52, 31–60.
- Lofland, J. (1971). *Analyzing social settings*. Belmont, CA: Wadsworth.
- Miles, M. (1983). Mixing qualitative and quantitative methods: Triangulation in action. In: J. Van Maanen (Ed.), *Qualitative methodology*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Miles, M., & Huberman, A. (1984). *Qualitative data analysis*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Pfaffenberger, B. (1988). *Microcomputer applications in qualitative research*. Newbury Park, CA: Sage.
- Popper, K. (1959). *The logic of scientific discovery*. New York: Basic Books.
- Rapport, S. & Wright, W. (Eds.). (1964). *Science: Methods and meaning*. New York: Washington Square Press.
- Rosenbaum, M. (1981). *Women on heroin*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Sandelowski, M. (1986). The problem of rigor in qualitative research. *Advances in Nursing Science*, 8, 27–37.

- Schatzman, L., & Strauss, A. (1973). *Field research: Strategies for a natural sociology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Schneider, J., & Conrad, P. (1983). *Having epilepsy: The experience and control of illness*. Philadelphia, PA: Temple University.
- Seyle, H. (1956). *The stress of life*. New York: McGraw Hill.
- Shibutani, T. (1966). *Improvised news: A sociological study of rumor*. Indianapolis, IN: Bobbs-Merrill.
- Star, S. L. (1989). *Regions of the mind: Brain research and the quest for scientific certainty*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Strauss, A. (1978). *Negotiations*. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
- Strauss, A. (1982). Interorganizational negotiation. *Urban Life*, 11, 350–67.
- Strauss, A. (1985). Work and the division of labor. *Sociological Quarterly*, 26, 1–19.
- Strauss, A. (1987). *Qualitative analysis for social scientists*. New York: Cambridge University Press.
- Strauss, A., Bucher, R., Ehrlich, D., Schatzman, L., & Sabshin, M. (1964). *Psychiatric ideologies and institutions*. Glencoe, IL: Free Press.
- Strauss, A., & Corbin, J. (1988). *Shaping a new health care system*. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
- Strauss, A., & Corbin, J. (1989, August). *Tracing lines of conditional influence: Matrix and paths*. Paper delivered at the annual meetings of the American Sociological Society, San Francisco, California.
- Strauss, A., Corbin, J., Fagerhaugh, S., Glaser, B., Maines, D., Suczek, B., & Wiener, C. (1984). *Chronic illness and the quality of life* (2nd ed.). St. Louis: Mosby.
- Strauss, A., Fagerhaugh, S., Suczek, B., & Wiener, C. (1985). *The organization of medical work*. Chicago: University of Chicago Press.
- Tesch, R. (1989). *Qualitative research: Analysis types and software tools*. Philadelphia, PA: Taylor and Francis.
- Whyte, W. (1955). *Street corner society*. Chicago: University of Chicago Press.
- Wiener, C. (1981). *The politics of alcoholism*. New Brunswick, NJ: Transaction Books.
- Wiener, C., Fagerhaugh, S., Strauss, A., & Suczek, B. (1979). Trajectories, biographies and the evolving medical technology scene: Labor and delivery and the intensive care nursery. *Sociology of Health and Illness*, 1, 261–83.

Указатель

- Анализ**, 61–62; построчный, 61–62; слова, фразы или выражения, 67–70. *См. также* главы по кодированию
- Аналитические памятки**, 95, 163–185; в избирательном кодировании, 181–182; в осевом кодировании, 175–181; в открытом кодировании, 168–174; общие и конкретные характеристики; 164–168; определение, 163; сортировка, 184–185. *См. также* Диаграммы, Кодировочные записи, Минирамки, Операциональные записи, Теоретические записи
- Валидация**, 45, 98, 108–109, 116–117, 155, 157, 210. *См. также* Верификация
- Вариация (и)**, 91, 93, 110, 111, 212. *См. также* Матрица условий, Обоснованная теория, Негативные случаи, Теоретическая выборка Траектории условий
- Верификация**, 90, 91–92. *См. также* Валидация
- Вопросы**, постановка вопросов, 53–54, 64–67, 111; и специальная литература, 44
- Временный (темпоральный)**, временная протяженность *см.* Действие/взаимодействие, Матрица условий, Процесс
- Второстепенная категория** *см.* Категория и категории, Осевое кодирование, Избирательное кодирование
- Выборка** *см.* Теоретическая выборка
- Выделение независимых измерений** свойства, 59–71; определение, 52. *См. также* Измерения
- Гипотезы**, 90, 91, 93–94, 124, 210. *См. также* Предположения
- Данные** *см.* Качественное исследование, Расшифровка
- Дедукция**, 12–13, 124. *См. также* Индукция
- Действие/взаимодействие**, 87–89; и контекст, 85; и обоснованная теория, 87; определение, 81; и промежуточные условия, 86; и процесс, 120–121; и следствия, 89. *См. также* Трансактивная система
- Диаграммы**, 163–185; интегративные диаграммы, 164; и три типа кодирования, 168–185 (осевое 175–181, открытое 168–174, избирательное 181–182); логические диаграммы, 95, 164, 163 (определение); общие и конкретные характерные черты, 164–168; определение 163; сортировка, 184–185. *См. также* Аналитические памятки, Кодировочные записи, Минирамки, Операциональные записи, Теоретические записи
- Доказанная теоретическая релевантность**, 146–147; определение, 146
- Дополнительные процедуры** *см.* Диаграммы, Аналитические памятки, Исследовательский текст, Критерии
- Избирательное кодирование**, 97–120; определение, 97. *См. также* Интеграция, История, Линия истории,

- Центральная категория, Центральный феномен
- Изменение: и определение 125; и процесс, 124–127; следствия 127; и условия 126–127; и форма, 126
- Измерения, 59–61; континуум измерений, 59, 60; местоположение измерений, 59; определение, 52; профиль измерений, 59; шкала измерений, 59, 61. *См. также* Свойства
- Индукция *см.* Дедукция
- Интегративные диаграммы, 164
- Интеграция, 98, 103. *См. также* Избирательное кодирование, История, Линия истории, Центральная категория
- Интеракция: и матрица, 143; определение, 158. *См. также* Действие/ взаимодействие
- Исследовательские проблемы, вопросы, 28–34; источники 29–31; постановка исследовательского вопроса, 32–34
- Исследовательский текст, 186–206; аудитория, 197–199; вопросы относительно текста, 186; документы для публикации, 201–206; зачем издавать, 187–188; коллективные публикации, 201–206; «освобождение», 195–197; особые проблемы диссертантов, 194; от анализа к написанию, 187; преобразование диссертаций в монографии, 199–201; процедуры, 191–193; уверенность в себе, 194–195; что писать, 193–194;. *См. также* Устные презентации исследования
- История, 99–100; идентификация, 99–100; линия истории 100–101; определение, 97
- Категоризация, *см.* Категория или категории
- Категория *in vivo*, 58
- Категория или категории, 55, 82; второстепенные категории 103; группировка 105–108; заимствованные 58–59; название 57–59; наполнение 118; 110–118; определение 59; связывание, развитие 89, 92, 98, 104–108, 110–118; спецификация 82–108; субкатегории, 59, 82, 89–90, 98; упорядочение 105–108, 110–118; центральная 97; *in vivo* 58. *См. также* главы по кодированию, и о матрице условий
- Каузальные условия, 84–85; определение, 81
- Качественное исследование, 16–29; кто выполняет 18; наиболее важные компоненты, 18–19; необходимые навыки, 17; объединение количественных и качественных методов, 17; определение, 16; почему, 19; различные типы, 19–20. *См. также* Критерии, Обоснованная теория
- Кодирование: избирательное, 97–119; осевое, 81–96; осевое и открытое вместе, 82; открытое 52–62, 82. *См. также* главы о матрице условий, процессе и теоретической выборке
- Кодировочные записи, написание, 62, 168–171; определение, 52, 163. *См. также* Аналитические «памятки»
- Количественное исследование, 17; и научные критерии, 208; и специальная литература, 41–42
- Контекст, 73, 85–86; определение, 84. *См. также* Условия, Матрица условий
- Концептуальная плотность, 91–92. *См. также* главы об избирательном кодировании
- Концептуальные связи, 52–53. *См. также* Категория и категории, Центральная категория, и главы по кодированию
- Критерии, оценочные, 207–215; и исследовательский процесс, 209–211; как нормы, 214; и обоснованная теория, 207–215; и эмпирическое обоснование, 211–213

- Линия истории**, 99–100; аналитическая иллюстрация, 105–108; и аналитическая история, 100–101; выявление, 99; и история, 100–101; определение, 97; проблема определения, 102. *См. также* Избирательное кодирование, Отличительная выборка, Центральная категория, Центральный феномен
- Литература**, 41–48; определение, 41. *См. также* Неспециальная литература, Специальная литература
- Личный опыт**, 36. *См. также* Исследовательские проблемы, Теоретический опыт
- Матрица условий**, 132–145; и биографические/исторические процессы, 144; диаграмма, 84; изучение феноменов на различных уровнях матрицы, 142–143; общие характеристики уровней матрицы, 135–137; определение, 132; и организации, 144; примеры в работе, 137–138. *См. также* Критерии, Условия, Траектория условий
- Минирамки**, 94–96. *См. также* Аналитические памятки, Диаграммы
- Модель парадигмы**, 83, 90, 98, 104. *См. также* Действие/взаимодействие, Следствия, Стратегии, Условия
- Наклеивание ярлыков на феномены**, 53–55. *См. также* Категория и категории, Понятия
- Научные критерии**, 207–208
- Начало см.** Исследовательский процесс
- Негативные случаи**, 90–91, 155. *См. также* Валидация, Вариации, Верификация
- Неспециальная литература**, 47; определение, 41
- Обоснованная теория: зачем строить**, 21; и исследовательские вопросы, 33; как научный подход, 24–25; необходимо для изучения, 23; определение, 21, 22; оценочные критерии, 207–215; происхождение, 22–23. *См. также* Качественное исследование, Трансакционная система
- Операциональные записи**, 172–174; определение, 163; *См. также* Аналитические памятки
- Описание**, 19–20; различие между описанием и теорией, 26
- Осевое кодирование**, 81–96; определение, 81. *См. также* главу о технике усиления теоретической чувствительности
- Открытая выборка**, 150–153; вариации в технике, 152–153; определение, 146; процесс, 151–152. *См. также* Открытое кодирование, Теоретическая выборка
- Открытия**, 25–26
- Открытое кодирование**, 52–62; определение, 53. *См. также* Категория и категории, Понятия, Диаграммы, Наклеивание ярлыков на феномены, Аналитические «памятки», Открытая выборка
- Отличительная выборка**, 155–156; определение, 146; и проверка, 155–156; процесс, 154. *См. также* Избирательное кодирование, Центральная категория
- Понятия**, 52, 211; и концептуализация, 53; определение 52
- Паттерн**, 59; раскрытие, 109
- Последовательности**, связывание, 120
- Предположения**, 52. *См. также* Гипотезы
- Проверка см.** Валидация, Верификация
- Промежуточные условия**, 86–87; определение, 81; *См. также* Матрица условий, Траектория условий, Условия
- Прослеживание**, концептуальные связи, 94. *См. также* Матрица условий, Траектории условий

- Процесс, 120–131, 213; в обоснованной теории, 121; вопрос степени, 123; дедукция/индукция, 124; действие/взаимодействие, 121; и изменение, 125–127; механика, 125–127; и непоступательное движение, 130–131; определение, 120; точка зрения аналитика, 121–125; и этапы/фазы, 127–130
- Расшифровка, интервью и полевых записей, 26–28**
- Свойства, 59–61; общие, 59; конкретные, 59; определение, 52. См. также** Выделение независимых свойств измерений, Измерения, Категория и категории, Открытое кодирование, Феномен
- Связывающая и вариативная выборка, 153–154; определение, 146. См. также** главу об избирательном кодировании
- Следствия, 81, 83, 89, 127; определение, 81. См. также** Модель парадигмы
- Сложность, 92–93**
- Случайность, определение, 120. См. также** главу о процессе
- Соединение, развитие категорий, 90–92. См. также** Категория и категории
- Специальная литература, 41–48; как** дополнительная валидация, 45; как вторичные источники данных, 44; использование, 41–48; как источники исследовательских проблем, 29; определение 41; для стимулирования вопросов, 44; и теоретическая выборка, 45; и теоретическая чувствительность, 43–45
- Сравнения, 53–54, 70–77, 111**
- Стратегии, 32, 86, 87–89. См. также** Действие/взаимодействие, Модель парадигмы, Промежуточные условия
- Субкатегория, см.** Категория и категории, Осевое кодирование, Избирательное кодирование
- Теоретическая чувствительность, 35–40; и баланс между творчеством и наукой, 37–39; источники, 42–43; определение, 35; и специальная литература, 43. См. также** главу о технике усиления теоретической чувствительности
- Теоретическая выборка, 146–160; обзор, 147; общие соображения, 148–149; определение, 146; ответы на важные вопросы, 156–160; процедуры, 149–150 (отличительная выборка, 155–156; открытая выборка, 150–153; связывающая и вариативная выборка 153–154); и специальная литература, 45.**
- Теоретические записи, 171–172; определение, 163. См. также** Аналитические памятки
- Теоретическое насыщение, 155**
- Теория: и индукция/дедукция, 94; уровни, 144–145, конкретной предметной области versus формальная, 144–145. См. также** Обоснованная теория
- Техники для усиления теоретической чувствительности, 63–80; красный флаг, 77–78; основные цели, 64; постановка вопросов, 64–67; проведение сравнений, 70–77; слово, фраза, выражение, 67–70; сальто, 70–73;**
- Траектория условий: и матрица условий, 145; определение, 132; уровни действия/взаимодействия, 141–142, прослеживание, 140–142**
- Трансактивная система, 133–134; обоснованная теория как, 133; определение, 132; свойства, 133–134. См. также** Действие/взаимодействие, Матрица условий
- Тревоги, студентов, 78–79**
- Условия. каузальные, 72, 84–85; промежуточные, 72, 86–87, 126–127.**

- См также* Контекст, Модель парадигмы, и глава о матрице условий
- Устная презентация исследования**, 188–190. *См. также* Исследовательский текст
- Феномен, феномены**, 81, 82, 84; и исследовательские вопросы, 33; и контекст 85–86; и обоснованная теория, 21; определение, 81. *См. также* Центральная категория, Центральные феномены
- Центральная категория**, 101; и второстепенные категории, 98; выбор, 101–102, определение, 97; определение свойств и измерений, 102–104
- Центральный феномен** *см.* Центральная категория, Избирательное кодирование

Об авторах

Джюльет Корбин является преподавателем Факультета подготовки среднего медицинского персонала в Университете штата Сан-Хосе, Сан-Хосе, Калифорния, а также научным сотрудником Факультета социальных и поведенческих наук в Университете штата Калифорния в Сан-Франциско. Она получила степень бакалавра естественных наук (1963) в Университете штата Аризона, и степень доктора естественных наук (1981) в Университете штата Калифорния, Сан-Франциско. Является автором и соавтором ряда исследовательских статей и глав в сборниках, соавтором монографии «Непрекращающаяся работа и уход» (1988), а также научного труда «Формирование новой системы здравоохранения» (1988). В настоящее время занимается исследованиями роли тела в действии и полевыми исследованиями течения работы в больницах.

Ансельм Страусс является почетным профессором социологии Факультета социальных и поведенческих наук Университета штата Калифорния в Сан-Франциско. Основной предмет его исследований — социология здоровья и социология труда и профессий. Исследовательские методы, используемые в его проектах, являются, главным образом, комбинацией полевого наблюдения и интервью, но порой в качестве первичных данных используются исторические материалы. Среди его книг (и написанных в соавторстве) — книги о методе или монографии: «Открытие обоснованной теории» (1967), «Качественный анализ для социологов» (1987), «Осознание умирания» (1965), «Социальная организация медицинской работы» (1985), «Непрекращающаяся работа и уход» (1988). Он читал курс лекций в Университетах Кембриджа, Парижа, Манчестера, Констанцы, Аделаиды и Хагена (Hagen). В настоящее время его исследования посвящены выработке курса в отношении СПИДа и его реализации, течению работы в больницах и роли тела в действии.

Т. С. Васильева

Обоснованная теория в поле качественного исследования

Grounded theory¹⁾ впервые была представлена в 1967 г. в книге американских социологов Ансельма Страусса (A. Strauss) и Барни Глезера (B. Glaser) «The Discovery of Grounded Theory» [Открытие обоснованной теории]²⁾. Столь амбициозное название теории вполне отвечало научному замыслу авторов, которые стремились противопоставить умозрительно-дедуктивным теориям кабинетных теоретиков, доминировавших в социологии 1960-х гг., обоснованную теорию на базе систематически собранных данных [64, с. 162]. Эта разработка «представляла собой попытку избежать крайнего абстрагирования в социологии и являлась частью развития в 1970-е гг. *качественного анализа*, направленного на устранение разрыва между теоретически ненагруженными эмпирическими исследованиями и эмпирически необоснованными теориями» [1, с. 193].

Творческий разрыв авторов *обоснованной* теории, произошедший в начале 1990-х гг., привел к образованию двух версий и двух школ, расходящихся по некоторым процедурным аспектам методологии и эпистемологическим импликациям. Из множества публикаций авторов как первоначальной, так и более поздних версий *обоснованной теории*, в русском переводе до сих пор не издано ни одной. В данной книге А. Страусса и Дж. Корбин (J. Corbin) методические процедуры и техники разбираются наиболее подробно. Поэтому она представляется наиболее полезной для знакомства российских читателей с теорией, которая уже заняла свое особое место в зарубежной социологии и социальной практике. Цель этого послесловия состоит в том, чтобы представить читателю эту довольно сложную теорию и помочь в ней разобраться.

¹⁾ Авторы представляют grounded theory как *теорию, методологию, научный метод, социологический подход качественного исследования*. Здесь и далее курсивом выделены термины *обоснованной теории*. Соответствующие им оригинальные (английские) термины приведены в англо-русском словаре терминов в конце книги.

²⁾ По поводу русского перевода названия теории существуют различные мнения. В первой публикации о теории на русском языке Т. С. Васильева перевела название как «обоснованная теория». Как номинация *обоснованная теория* является трюизмом, поскольку любая теория должна быть обоснована эмпирическими данными [7]. В этой связи предлагались различные варианты перевода: В. А. Ядов — «выращенная теория» (в коммуникации), В. В. Семенова — «восхождение к теории» [16], Т. Шанин — «приземленная теория» [20]. См. также [1, с. 193; 7, т. 1, с. 499].

Согласно этой теории, любой исследователь может построить *обоснованную теорию* какого-то явления (феномена), выбранного им для изучения. Для этого он должен представить события, связанные с этим феноменом, в динамике, идентифицировать изменения, происходящие в нем, чтобы дать читателю ощущение потока событий, объяснить причины и характер изменений — прогресс, регресс, стагнацию-, либо отсутствие изменений в ответ на изменения действия/взаимодействия изучаемого феномена.

Главная идея *обоснованной теории* состоит в том, чтобы строить теорию во время самого исследовательского процесса, «развертывать из данных»³⁾, эмпирических *свидетельств* в конкретных жизненных ситуациях. В *обоснованной теории* разработаны оригинальные понятия и инструменты анализа. Методика трехступенчатого кодирования выявленных в данных феноменов, имеющих отношение (*релевантных*) к предмету исследования, по замыслу авторов, способствует обобщению данных, формированию на этой основе понятий и категорий (*концептуализация и категоризация*). Это позволяет сокращать количество феноменов на каждом последующем этапе анализа, сужая поле анализа и постепенно связывая отдельные разрозненные события в целостную картину определенной области социальной реальности.

Действие и взаимодействие феномена изучаются в *процессе*, т. е. во времени, в движении, с точки зрения следствий, как рефлексивное. Задача исследователя состоит в том, чтобы идентифицировать в данных *понятия*⁴⁾ и *категории*, затем *раскрыть категории*, т. е. выявить в них *свойства* и аналитически независимые *измерения свойств*. Далее исследователь уточняет характеристики категории (которые авторы называют *субкатегориями*), и идентифицирует их в качестве *условий, контекста, стратегий и следствий*, относящихся к изучаемому феномену. Субкатегории связываются с категориями, к которым они относятся, посредством модели *парадигмы*. Все эти аналитические процедуры направлены на выявление и достижение *плотности*⁵⁾ (описательных и понятийных) *каузальных связей* между категориями, их свойствами и измерениями, и установление *оси* этих связей. В процессе анализа исследователь может свободно переходить от одной ступени кодирования к другой (*открытое, осевое и избирательное*), возвращаясь в поле, если оказывается, что данных для связывания понятий и категорий недостаточно.

³⁾ «Биографии, дневники, документы, рукописи, магнитофонные записи, отчеты, каталоги и другие материалы, которые могут использоваться в исследованиях *обоснованной теории* как первичные данные или для дополнения интервью и полевых наблюдений» (см. гл. 4 наст. изд.) Об относительном характере эмпирического подтверждения см. [11, с. 53–58].

⁴⁾ Авторы определяют понятие (*concept*) как «понятийный ярлык, отнесенный к различным происшествиям, событиям и другим случаям феноменов» (гл 5), таким образом, приравнивая ярлык к понятию. Я. Дей оспаривает правомерность такого уравнивания. Он мотивирует это тем, что «категории всегда и неизбежно являются понятиями, в то время как названия и ярлыки могут быть или не быть таковыми» [37, p. 49].

⁵⁾ «Концептуальная плотность подразумевает разработку понятия и его связей, которая опирается на хорошую изученность связей в данных и систематически подтверждается этими данными. (Это отличается от «плотного описания» К. Гирца, где акцент скорее на описании, чем на концептуализации)» [64, p 161]. См. также [11, с. 53–58], [16, с. 226]

В качестве инструмента, связывающего влияние определенного контекста с различными формами проявления феномена, авторами разработана и используется объяснительная *рамка*⁶⁾ или *матрица условий*. Матрица помогает строить теорию как *транзакционную систему*, т. е. *систему или метод анализа*, в которой действие и/или взаимодействие наблюдаемого феномена изучается в связи с теми условиями и следствиями, в которых они происходят.

Проследивая в данных *траекторию условий*, исследователь связывает влияние определенных *условий* на действие/взаимодействие изучаемого феномена и *следствия* этого *действия/взаимодействия* со *следующей последовательностью действий/взаимодействий*. Это, по мнению авторов, является одним из отличий этой методологии от других теорий описательного характера, в которых просто сообщается, что существуют определенные условия, и таким образом, перед читателем поставлена задача «разгадать» эти связи. В соответствии с методом *обоснованной теории* аналитик должен идентифицировать *условия* в качестве *каузальных, контекстуальных, или промежуточных*, чтобы эти условия приобрели смысл в рамках создаваемой теории, и найти в данных *свидетельства* влияния этих условий на феномен через действие/взаимодействие, т. е. это влияние должно быть *верифицировано* данными. Феномен, включенный в различные уровни матрицы, анализируют именно на тех уровнях, где в данных найдены свидетельства того, что *условия и следствия* данного уровня *релевантны* изучаемому феномену.

Выборочная стратегия *обоснованной теории* позволяет регулировать процесс сбора данных, принимать во внимание новые идеи, высказанные мимоходом в процессе исследования. В отличие от традиционной статистической выборки, где выборка определена заранее, до начала полевого этапа исследования, идея *теоретической выборки* заключается в том, чтобы планировать ее гибко, адаптируя ее к развивающейся теории, так как, по мнению авторов, ригидная, жесткая выборка мешает развитию теории.

Согласно этой стратегии исследователь анализирует первые же порции полученных данных, что дает направление их дальнейшему сбору. Исследователь отбирает в теоретическую выборку те случаи или события, в которых неоднократно встречаются определенные *понятия*, что доказывает их значимость и *теоретическую релевантность* возникающей теории (на этапе *открытой выборки*). В процедуре отбора, так же как и на всем протяжении исследования, направляющую роль играют *сравнения и вопросы*. Они позволяют делать теоретическую выборку на месте (*on-site sampling*), т. е. интервью и наблюдение строятся таким образом, чтобы сразу, «на месте», выбрать фокус, решить, о чем спрашивать, и куда смотреть. Некоторые «заготовки» вопросов на месте сразу могут отпасть, показаться несущественными. Иногда исследователь случайно обнаруживает *релевантные данные* в поле или при чтении документов, однако он может распознать *аналитическую значимость* события или случая, если *открыт* и *теоретически чувствителен* к новым, или чем-то отличающимся (*вариациям*) данным.

На *осевом этапе* выборка фокусируется на поиске свидетельств вариации и процесса в данных и валидации взаимосвязей категорий по всей линии аналитически независимых измерений. На третьем, *избирательном, этапе* отбор

⁶⁾ О «рамке» (framework) или ограниченной перспективе восприятия ситуации см. также. [16, с. 59].

более направленный и преднамеренный, обеспечивающий максимум возможностей для *верификации линии истории*. Сбор данных и их анализ чередуются на протяжении всего исследовательского процесса вплоть до момента *насыщения выборки*, который наступает, когда в поле перестают появляться новые или вариативные данные. Наиболее ответственный момент для исследователя наступает на *избирательном этапе*, когда он должен выбрать из множества идентифицированных им категорий *центральную категорию*, связанную со всеми другими категориями и, таким образом, охватить всю проблему в целом.

Строя *обоснованную теорию* какого-либо явления, исследователь разыскивает события и случаи, указывающие на *релевантные феномены*, стремясь к насыщению теоретической выборки и *плотности категорий* и не забывая о достижении определенного, заранее обусловленного количества таких случаев. Таким образом, репрезентативность в этой теории, по мысли ее авторов, достигается не соотношением генеральной и выборочной совокупностей, а *репрезентативностью понятий*. С точки зрения традиционной *количественной методологии* такой подход рассматривается как квазинаучный, в то время как «математико-статистические и жестко формализованные процедуры» считаются «базисом достоверного научного знания» [3, с. 39]. Цель «качественников», по мнению их оппонентов, состоит в том, чтобы «избежать взыскательной профессиональной экспертизы и в то же время обрести видимость дисциплинарной легитимности» [там же]. Сторонники *качественной парадигмы*, однако, считают неправомерным оценивать качественные исследования с точки зрения количественной методологии.

Что касается возможности применения *обоснованной теории*, выведенной из какой-либо *конкретной предметной области*, то построенная и сформулированная в определенных условиях и контекстах, она, согласно принципам *обоснованной теории*, применима именно для этих условий и контекстов. В других условиях и контекстах теория будет требовать включения условий и контекстов, в которых действует и взаимодействует другой феномен, в *матрицу условий* и соответствующего *изменения формулировки теории*. Кроме того, *обоснованная теория конкретной предметной области* может быть преобразована в *формальную или общую теорию*, и, следовательно, более широко применена, если ее данные будут дополнены данными других предметных областей. Лишь при условии, что теория умозрительно не отдалена от феномена, который она предназначена объяснить, *формальная обоснованная теория* может претендовать на объяснение реальности не в одной, а в ряде областей. Так Страусс и Корбин формулируют принципы построения *обоснованных теорий* разных уровней и степеней абстракции.

В процессе анализа данных с помощью разработанных авторами аналитических инструментов — *аналитических памяток*⁷⁾ и *диаграмм*, являющихся графической репрезентацией взаимосвязей между понятиями, сохраняется непрерывная запись аналитического процесса, обеспечивая «фонд» аналитических идей и распознавание слабо развитых категорий. Они составляют с начала и до конца исследовательского проекта, помогая аналитически дистанцироваться от материалов, в то же время поддерживая исследователя в его движении от «сырых» данных к абстракции и формулированию *обоснованной теории*. И запись аналитического процесса, и все другие процедуры проекта исследо-

⁷⁾ В литературе о качественных исследованиях используется также английская калька *мемос* [16].

ватель не может делегировать наемному работнику, так как все они являются аналитическими, и он должен развертывать свой собственный анализ.

Систематически разыскивая и изучая множество эмпирических свидетельств, отражающих *перспективы*⁸⁾ исследуемых-деятели, которые содержатся в понятийных связях, отбирая из этого «многоголосия» значимые для заданной темы, *релевантные перспективы*, и включая в собственные интерпретации (концептуализации), исследователь строит свою *обоснованную теорию*.

Авторские разработки процедур постоянных сравнений, постановки вопросов, составления теоретической выборки, развития понятий и их связей направляются на то, чтобы защитить исследователя от «поглощения», принятия *перспективы* любого деятеля в качестве концепции самого исследователя. В *обоснованной теории* все интерпретации рассматриваются как предварительные и временные, независимо от того, являются ли они теоретическими или нет, поскольку те, кто их производит, живут в определенное время, в определенных обществах, подвержены влияниям различных идей. Согласно Страуссу и Корбин, создаваемые теории включаются в историю определенной эпохи и определенного исторического момента, постоянно устаревают или нуждаются в ограничении. Изменение условий на любом уровне матрицы будет влиять на валидность теорий, то есть на их соответствие современной социальной реальности [64, p. 171].

Обоснованная теория обычно рассматривается в «поле качественного исследования» вследствие определенной общности правил и понятий, методов сбора и анализа материалов. Характерной чертой всех качественных исследований является акцент на процессы и значения, которые не строго исследуются или измеряются, или не измеряются вообще с точки зрения количества, интенсивности или частоты. Кроме того, явления изучаются в натуралистической перспективе (в их естественном окружении) и интерпретируются с точки зрения тех значений, которыми наделяют их участвующие в исследовании индивиды. «Качественное» исследование часто определяется как антитеза «количественному». Его называют междисциплинарным и трансдисциплинарным, мультипарадигмальным и мультиметодным полем, где ни одна методология или парадигма не имеет привилегий перед другой [36, p. 31]. Разнообразие дисциплин, перспектив и методов, объединенных под общим названием «качественные исследования», затрудняет их основополагающее определение.

В какой-то степени такому «определению» способствовал издательский проект 3-х томного «справочника» по качественным методам⁹⁾. Его осуществили американские социологи Н. Дензин (N. Denzin) и И. Линкольн (I. Lincoln)

⁸⁾ Авторы используют понятие философии символического интеракционизма, принадлежащее Дж. Миду, который «под перспективой... понимает (в том, что касается социологического смысла этого понятия) специфическое отношение каждого индивида к его социальной среде» [12, с. 281].

⁹⁾ В этом издании приняли участие ученые США, Канады, Австралии, Великобритании и других стран, представляющие позитивистскую и постпозитивистскую, конструктивистскую, феминистскую, интерпретивную, постструктуралистскую, постмодернистскую и др. перспективы в статьях по истории, философии, теории, методах проведения качественного исследования. Читатель, заинтересованный в истории качественных исследований см. также: [2, 11, 12]; Arthur J. Vidich & Stanford M. Lyman. *Qualitative methods. Their history in sociology and anthropology* [36, p. 41–111].

в 1994–1998 гг., чтобы «представить это поле во всей полноте» и содействовать «объединению, интерпретации и организации поля вопреки присущим ему разногласиям» [36, р. vii].

Качественные исследования, их история и тенденции развития, их влияние на социальные науки и на социальную практику пока мало освещались в российской социологической литературе. Поэтому для лучшего понимания и оценки *обоснованной теории* в этом контексте кратко и выборочно остановимся на этапах эволюции качественного исследования (в интерпретации Дензина и Линкольна) [36, р. 1–34].

В своем историческом обзоре они выделяют пять периодов развития качественного направления.

Первый, «традиционный» период, Дензин и Линкольн относят к 1900–1950 гг, когда «художественная литература и социальные науки стали обособляться как разные системы дискурсов»¹⁰). Это был период романтического увлечения этнографией, полевыми исследованиями среди «туземцев», которые воспринимались как объективные, с точки зрения позитивистской научной парадигмы. Объективность этих отчетов была позднее поставлена под сомнение, и их стали называть «реликтами колониального прошлого»¹¹). Чикагская школа, ставшая в начале века эпицентром американской социологии, стремилась разработать свой подход к этнографическим материалам как срезу жизни, свою интерпретивную методологию, которая фокусируется на нарративной жизненной истории.

Это привело к производству текстов, которые давали исследователю как автору власть представлять историю субъекта. Написанные под покровом простого, лишённого сентиментов социального реализма, эти тексты использовали язык обычных людей. Они артикулировали социальную научную версию литературного натурализма, которая часто создавала иллюзию сочувствия, что решение социальной проблемы найдено... [36, р. 15].

В этот период один из будущих авторов¹²) *обоснованной теории* А. Страусс учился в Чикагском университете и находился под влиянием чикагских интеллектуалов, «интеракционистов и прагматистов», среди которых он сам называет Р. Парка, У. Томаса, Дж. Дьюи, Дж. Г. Мида, Э. Хьюза и Г. Бламера¹³).

Второй период, «модерн», Дензин и Линкольн относят к послевоенным годам, 1946–1969. В социологических текстах этого периода еще ценились социальный реализм, натурализм и этнография.

Новое поколение аспирантов через гуманитарные дисциплины встретилось с новыми интерпретивными теориями (этнометодологией, феноменологией, критической теорией, феминизмом). Они были вовлечены в качественные исследовательские практики, что позволило

¹⁰) Clough, 1992, р. 21–22; цитируется по [36, р. 15].

¹¹) Rosaldo, 1989, р. 44; цитируется по [36, р. 15].

¹²) Второй автор, Б. Глезер, был выпускником Колумбийского университета. См. гл. 4 наст изд.

¹³) Там же.

им дать голос низшему классу общества. Постпозитивизм функционировал как мощная эпистемологическая парадигма в этот период. Исследователи стремились приспособить идеи Кемпбелла (Campbell) и Стенли (Stenley) (1963) о внутренней и внешней валидности к конструкционистской и интеракционистской моделям действия исследователя. Они вернулись к текстам Чикагской школы как источникам вдохновения [36, p. 16].

В этот «золотой век строгого качественного анализа» социологическими канонами стали «Boys in White» [Мальчики в белом], 1961, коллективная монография, одним из авторов которой был Страусс, 1961, и «The Discovery of grounded theory», 1967, Глезера и Страусса [36, p. 17]. Исследователи пытались формализовать качественные методы, чтобы проводить строгое, в соответствии с канонами «хорошей» (позитивистской) науки качественное исследование значимых социальных процессов.

На третьем этапе эволюции качественных исследований, в 1970–1986 гг.¹⁴⁾, происходит размывание дисциплинарных границ между социальными и гуманитарными науками и их фокусирование на интерпретивном, качественном подходе.

...старые подходы к социальным дисциплинам — функционалистские, позитивистские, бихевиористские, суммирующие (totalizing), уступили место более плюралистичной, интерпретивной, открытой перспективе... Требуя «плотного описания» отдельных событий, ритуалов и обычаев, Гирц (Geertz) предложил считать все антропологические тексты интерпретациями интерпретаций. Наблюдатель не имел привилегированного голоса в интерпретациях, которые были написаны. Центральная задача теории заключалась в том, чтобы понять значение локальной ситуации... Золотой век социальных наук закончился, началась новая эпоха размытого, интерпретивного жанра. Эссе как форма искусства заменило научную статью. Предметом дискуссии стало теперь присутствие автора в интерпретивном тексте, или то, как исследователь может пользоваться авторитетом в эпоху, когда больше нет твердых правил относительно текста, стандартов его оценки и предмета¹⁵⁾.

В этот период гуманитарные науки стали центральным ресурсом для социальных ученых, где они черпали модели, теории и методы анализа. Появились новые подходы: постструктурализм, неопозитивизм, неомарксизм, микро-макро дескриптивизм, ритуальные теории драмы и культуры, деконструкционизм, этнометодология. Натуралистическая, постпозитивистская, и конструктивистская парадигмы приобрели влияние.

Четвертый период, «кризис репрезентации и легитимации», относится к 1986–1990 гг.¹⁶⁾ Новая политика текстуальности ставит под сомнение

¹⁴⁾ Две книги Гирца, «The Interpretation of cultures» (1973), и «Local knowledge» (1983) определили границы периода, см.: [36, p. 18].

¹⁵⁾ Geertz, 1988 см.: [36, p. 18–19].

¹⁶⁾ Дензин и Линкольн связывают начало этого периода с появлением следующих трудов: «Anthropology as Cultural Critique», «Writing Culture» (Marcus & Fisher, 1986), «The

идентичность эмпирической науки¹⁷⁾, ее право быть источником валидации. Исследовательский текст рассматривается как метод саморефлексии исследователя, где промежуточные тексты в конечном итоге превращаются в текст для публичной презентации этнографического и нарративного опыта. Граница между исследовательским текстом и полевой работой в завершающем анализе размывается¹⁸⁾.

Идет поиск нового отношения к исследовательскому тексту и его связи с живым опытом информантов. В дискурсах постструктурализма и постмодернизма ставятся под сомнение два ключевых допущения качественного исследования.

Первое состоит в том, что качественные исследователи могут непосредственно охватывать живой опыт. Утверждают, что такой опыт создается в социальном тексте, написанном исследователем. Это кризис репрезентации ...прямая связь между опытом и текстом представляется сомнительной.

Второе допущение касается традиционных критериев оценки и интерпретации качественного исследования. Это кризис легитимации. Он означает серьезное переосмысление таких терминов, как валидность, генерализуемость, и надежность, уже ре-теоретизированных в постпозитивистском, конструкционистско-натуралистском (Lincoln & Guba, 1985, p. 36), феминистском (Fonow & Cook, 1991, p. 1–13; Smith, 1992), и интерпретивном (Atkinson, 1990; Hammersley, 1992; Lather, 1993) дискурсах. Этот кризис ставит вопрос, как качественные исследования будут оцениваться в постструктуралистский период? Ясно, что эти два кризиса вместе дают смутное представление, так как репрезентация должна теперь легитимировать себя с точки зрения какого-либо ряда критериев, который позволит автору (и читателю) составлять связи между текстом и миром, о котором он написан¹⁹⁾.

Этот «новый социальный критицизм» стал оказывать влияние на экономику, национальную и государственную политику, технологии массовых коммуникаций²⁰⁾.

В настоящий период — постмодерн — начало, которого относят к 1990 г., продолжается кризис репрезентации и легитимации²¹⁾; продолжается критика и самокритика позитивизма и постпозитивизма и их формулировок.

Anthropology of Experience» (Turner & Bruner, 1986), «Works and Lives» (Geertz, 1988), см. [36, p. 19].

¹⁷⁾ Aronowitz, 1988, p. 300, quoted in Clough, 1992, p. 8; Clough, 1992, p. 135, см. [36, p. 20].

¹⁸⁾ Richardson in Volume III, Chapter 12, and Clandinin and Connelly, Volume III, Chapter 6, см. [36, p. 21].

¹⁹⁾ Vidich & Lyman Volume I, Chapter 2; Richardson in Volume III, Chapter 12, см. [36, p. 21].

²⁰⁾ Clough, 1992, p. 16, см. [36, p. 21].

²¹⁾ [36, p. 22–30; 44, p. 407–429].

Фокус качественного исследования все больше смещается от большого нарратива к менее масштабным, локальным теориям, подходящим для решения конкретных проблем и ситуаций. От единственной сводообразующей онтологической, эпистемологической и методологической парадигмы к множеству парадигм, критериев, исследовательских стратегий, состязующихся за внимание исследователя. От исследования, в котором применяется один метод, к мульти-методному подходу, позволяющему сочетать в одном исследовании много методов. Исследователь имеет возможность привязать свой проект к каноническому тексту из любого вышеописанного исторического момента [36, р. 22; 407–420].

Активно обсуждается вопрос о месте автора в исследовательском тексте. Утверждается, что «репрезентация это всегда саморепрезентация», и «Другой» (The Other), который представлен в исследовательском тексте, это всегда версия самого автора [35, р. 319]. Представление об объективном или нейтральном наблюдателе, не влияющем на предмет наблюдения, подвергается сомнению. Предлагаются разные способы вернуть автора в текст открыто, не выдавливая объект исследования²²). Теории теперь рассматриваются как интерпретации, составленные из *перспектив* деятелей, исследователя и научного сообщества, к которому исследователь себя относит. Предполагается, что *перспектива* исследователя, которая формируется под влиянием его биографии и определенных условий, фильтров языка, пола, социального класса, расы, этнической принадлежности, научного сообщества, может влиять на его интерпретации. И рассказывая «историю», автор исследования всегда «привязывает» ее к *интерпретивной перспективе*. При этом *парадигмы* или *перспективы*²³) служат масками, налагающими на авторов *обязательство* представлять в своем тексте изучаемый мир в соответствии с определенным сценарием.

Вместо отчетов об исследовании (account) качественные исследователи постмодерна либо представляют на суд читателей «многоголосый текст» (multivoices text), т. е. точное описание слов информантов «с их голоса» без интерпретации (влияния, вмешательства) исследователя, либо сочетают фрагменты этих многоголосых текстов со своим аналитическим интерпретивным текстом (*writing*²⁴) (как например, Страусс и Корбин).

Важной тенденцией постмодерного периода является гуманистическое *обязательство*, разделяемое качественными исследователями разных направлений, изучать мир в перспективе взаимодействующего (интерактивного) индивида и представлять перспективы тех индивидов и групп, которые ранее подавлялись доминирующим большинством по идеологическим, политическим или экономическим причинам.

²²) Вгунер, 1993, р. 6, см. [44, р. 413].

²³) Дензин и Линкольн определяют парадигмы как «сводообразующие философские системы, обозначающие определенные онтологии, эпистемологии, и методологии, между которыми нельзя свободно перемещаться. Они представляют собой системы взглядов, которые привязывают пользователя к определенному мировоззрению. Перспективы, напротив, являются менее развитыми системами, между которыми можно более свободно перемещаться. Исследователь-теоретик как bricoleur [мастер на все руки. — Т. В.] работает между и в рамках конкурирующих и частично совпадающих перспектив и парадигм» [36, р. 4]. Термин bricoleur принадлежит Леви-Строссу [Levi-Strauss, 1966, р. 17].

²⁴) См. о writing: [35, р. 315].

Многие вышеупомянутые проблемы и дискуссии нашли отражение в тексте представляемой книги, например: проблема влияния автора на объект наблюдения; акцент на изучении взаимодействующего, а не статичного субъекта; принятие морального обязательства по отношению к объекту изучения; применение разнообразных методов, техник и инструментов в качестве элементов методологии; способы легитимации качественного исследовательского текста; разработка оценочных критериев для качественного исследования; формализация метода и его адаптация к компьютерным программам обработки качественных данных, принципы обучения. Некоторые из этих положений обдуманы подробнее.

Принципы преподавательской деятельности Страусса, которая началась в 1952 г. и продолжалась до конца его жизни, питались традициями Чикагской школы: открытый стиль общения, помощь студентам и аспирантам в реализации их научных интересов, обучение творческому отношению к своим наблюдениям, эмпирическому и теоретическому опыту. Преподавание сочеталось с интенсивной исследовательской деятельностью в форме семинаров, с привлечением студентов и аспирантов к исследовательским программам. Примеры семинарских занятий и аналитических «памяток» в тексте книги и сам стиль изложения в форме диалога с читателем (как специалистом, так и неспециалистом) демонстрируют реализацию этих принципов.

Также эти традиции нашли отражение в широкой теоретической ориентации, объединившей различные подходы и методы, в комбинировании и взаимодополнении, а не противопоставлении в исследовательских программах «мягких» (антропологических и этнографических) и «жестких» (количественных) методов, в междисциплинарных связях с другими «Чикагскими школами», особенно с Чикагской школой философии в трудах Дж. Дьюи и Дж. Г. Мида.

Одним из принципиальных положений был отказ от формулирования в теории прежде существовавшей реальности, и призыв отражать и обосновывать действие, которое происходит здесь и сейчас. Эти положения необходимо было принимать во внимание как при создании, так и при оценке, проверке и переформулировании теорий.

В соответствии с предписаниями социального критицизма авторами решается проблема легитимации. В настоящем издании впервые Страусс и Корбин представили оригинальные критерии, главный принцип которых заключается в открытости исследователя, подробном информировании читателя о компонентах исследовательского процесса. Это позволяет судить об адекватности исследовательского процесса создания теории и обоснованности его результатов. При этом, с одной стороны, авторы настаивают на строгом соблюдении процедур, техник и критериев. С другой стороны, они рекомендуют исследователям гибко и творчески использовать их. То есть, если новые области исследования или другие важные причины потребуют их модификации в соответствии с обстоятельствами, то исследователь должен осознать, как и почему он отступил от критериев, сказать об этом в своей работе и предоставить читателям судить об этом. Однако, как отмечают сами авторы, эти критерии считаются нетрадиционными по мнению большинства количественных и даже многих качественных исследователей.

С целью более надежной легитимации результатов применяется комбинирование разнообразных методов, техник и процедур сбора и анализа данных,

разнообразных эмпирических материалов, перспектив и наблюдателей. Здесь используются методы включенного наблюдения, глубинных тематических интервью, оригинальные процедуры сравнений и постановки вопросов, которые побуждают исследователя задаваться вопросами и скептически рассматривать свои собственные интерпретации на каждой ступени опроса. Этой же цели служит ориентация на теории, позволяющие решать конкретные проблемы.

Страусс и Корбин поддерживают *обязательство* качественных исследователей не допускать смещений, предвзятости, предубеждений и не искажать исходящую от исследуемых²⁵⁾ информацию. Они стремятся представлять «голоса» своих информантов в их собственной перспективе, раскрывая значения, которые изучаемые субъекты вносят в исследование со своим жизненным опытом; и также объяснять информантам, почему их рассказы были интерпретированы тем или иным образом.

В течение последних десятилетий американские социологи-«качественники» получили положительные оценки за более эксплицитную и систематизированную концептуализацию, которая конституирует теорию. Это произошло, когда данный аспект методологии стал больше учитываться, возможно, в сочетании с возрастающим числом публикаций книг и статей, использующих эту методологию и ее процедуры.

Рассмотрим теперь, какое место занимает в современной социологии *обоснованная теория* и как она оценивается. Вот что пишет Дензин:

Перспектива обоснованная теория в настоящее время является самой широко используемой качественной интерпретивной рамкой в социальных науках. Ее привлекательность велика, так как она обеспечивает ряд четко определенных шагов, которым может следовать любой исследователь (см. также Prus, 1991). Многочисленные опасения и критические замечания возрастают, когда она не вполне понята. Это может быть поток понятий, не привязанных к миру эмпирии, и аналитик может растеряться в кодировании и выстраивании категорий. Что такое теория, также не совсем ясно (см. Woods, 1992, p. 391). Некоторые полагают, что поскольку факты теории всегда являются теоретически нагруженными, теория действительно всегда может раскрываться и, следовательно, обосновываться (Lincoln & Guba, 1985, p. 207). Чрезмерный акцент на теории также подвергался критике, включая использование предшествующей теории в качестве ориентира для исследования и попытки создать предшествующую теорию более плотной (см. Gerson, 1991, p. 285). Эта озабоченность априорной теорией может стоять на пути попыток исследователя слышать и слушать интерпретивные теории, которые действуют в изучаемых ситуациях. Близость перспективы к позитивизму также критиковали (Roman, 1992, p. 571). И также текстуальный стиль, в котором часто живой опыт и его интерпретации подчинены толкованию ситуации *обоснованным теоретиком* [grounded theorist]. В то же время обосно-

²⁵⁾ В тексте настоящей книги авторы иногда называют исследуемых «туземцами». Традиция обозначения информантов этнографического исследования как «туземцев» («natives») восходит к известной и чрезвычайно влиятельной статье Гирца «С точки зрения туземца» См. [11, с. 89–108]

ванная теория отвечает потребности привязать проект качественного исследования к модели «хорошей науки» До сих пор перспектива (см Strauss & Corbin, Chapter 7, Volume 2, this series) продолжает при-ссылываться к феминистским и другим постструктуралистским, постмодернистским интерпретивным стилям (Star, 1991) [35, p 330]

Как видно из приведенной цитаты, Дензин подытожил некоторые критические замечания в адрес *обоснованной теории*. Отвечая на упреки в излишнем акценте на теорию, Страусс и Корбин напомнили, что артикулированная ими задача заключается именно в *построении теории изучаемого феномена*. В то же время многие исследователи, заявляющие свой проект якобы на основе метода *обоснованной теории*, на самом деле, по словам Страусса и Корбин, лишь используют в отрыве от этой задачи разработанные ими *процедуры*, подчиняя их другим целям [64, p 166]. Это подтверждается и другими свидетельствами, где *обоснованная теория* используется лишь как инструмент в анализе данных без ссылки на ее более широкую исследовательскую роль как в создании теории, так и в анализе данных. Например, рассматривая резюме статей за период 1990-1994 гг., Дж. Бенюэль (Benohel) предположила, что лишь 33 из них могут быть интерпретированы как использующие подход *обоснованной теории*, в то время как другие использовали этот подход лишь «для описания данных интервью» и «не принимали во внимание влияние социальной структуры на опыт респондентов»²⁶⁾

Что касается «близости перспективы к позитивизму», то критерии и каноны, представленные в книге 1990 г., как раз и являлись попыткой Страусса и Корбин «модифицировать обычные каноны хорошей (позитивистской) науки, чтобы они соответствовали их постпозитивистским концепциям строгого исследования» [36, p 9]. Те же замечания в использовании «языка позитивизма» (переменные, гипотезы, свойства, теоретическая выборка, теоретическое упорядочение) были адресованы авторам первоначальной версии Глезеру и Страуссу²⁷⁾. Таким образом, удалась ли эта попытка «сделать себя понятными для количественных методологов», вероятно, отчасти можно судить по критике «традиционной позитивистской терминологии» (случайная выборка, надежность, валидная статистика, независимые и зависимые переменные), прозвучавшей уже после публикации версии Страусса и Корбин 1990 г.²⁸⁾

Эта критика подводит нас к вопросу, обоснована ли *обоснованная теория*, или должна ли она быть обоснована в определенном философском подходе. На этот счет существуют разные мнения. Например, К. Чармаз (K Charmaz) считает, что

ранние работы Глезера и Страусса имеют как феноменологические, так и позитивистские акценты, и поэтому иногда могут, по-видимому, приводить в замешательство и казаться непоследовательными (Charmaz, 1990, p 1164, цитируется по Deu, p 16)

²⁶⁾ Benohel, 1996, p 412, цитируется по [37, p 18]

²⁷⁾ Keddy et al, 1996, p 450, цитируется по [37, p 16]

²⁸⁾ Wilson & Hutchinson, 1996, p 124, цитируется по [37, p 15]

По ее мнению, феноменологический уклон в *обоснованной теории* виден в непосредственном наблюдении проблем реального мира, позитивистский уклон, с другой стороны, очевиден в импликациях, что реальный мир диктует форму возникающей теории

Глезер и Страусс склоняются к допущению, что теоретические категории выводятся из данных и что исследователь остается пассивным. Здесь они близко подходят к постулированию объективной реальности, которая не изменяется от присутствия наблюдателя (Charmaz, 1990, p 1164, цитируется по Dey, p 17)

Однако в своей более поздней экспликации *обоснованной теории*, как отмечает Чармац, Страусс принял идею «активно включенного исследователя, который создает категории и понятия», тем не менее он остается «в рамках эмпирической научной традиции» и «обнаруживает конфликт между субъективистским и одновременно научным» [там же]

Эпистемологическая проблема рассматривается также М Эннелс (M Appells) в ее обзоре связи между *обоснованной теорией* и постмодернистскими методами исследования. В то время как Чармац противопоставляет «феноменологическую» и «позитивистскую» перспективы, Эннелс отвергает эту дихотомию в пользу четырехчленной типологии исследовательских парадигм Губы (G Guba) и Линкольн²⁹⁾. Она затрудняется в помещении *обоснованной теории* в пространство какой-либо определенной парадигмы и рассматривает это скорее как слабость, чем силу. Эннелс полагает, что то, как мы отвечаем на онтологический вопрос, формирует наш ответ на эпистемологический вопрос, и что ответ на эпистемологический вопрос формирует затем наш ответ на методологический вопрос. Но ответы на эти вопросы, предложенные (или просто подразумеваемые) *обоснованной теорией*, как отмечает Эннелс, амбивалентны, более того, они изменяются со временем.

«Классический» метод *обоснованной теории* (первоначальная версия, которую также продолжает отстаивать Глезер, 1992), по ее мнению, основан

²⁹⁾ Типология Губы и Линкольн включает четыре парадигмы позитивизм, постпозитивизм, критическую теорию и связанные с ней идеологические положения, и конструктивизм. Парадигмы разделяются по ответам на следующие вопросы:

«*Онтологический*» Какова форма и природа реальности? Что может быть известно о реальности?»

«*Эпистемологический*» Какова природа отношения между познающим (исследователем) и тем, кто хотел бы знать, и что может быть познано?»

«*Методологический*» Как должен исследователь узнавать то, что может быть познано, во что бы он или она не верил?»

Губа и Линкольн «признают собственное обязательство по отношению к *конструктивизму*» (которое ранее называли *натуралистическим исследованием*) [24, p 383–384, 41, p 195–220]

См также о типологии Дж Ритцера, включающей 3 парадигмы фактистскую, дефиционистскую и бихевиористскую [11, с 19–20]

См также о натуралистическом подходе Страусс и Корбин «Ее феномены (вселенной — *T B*) частично поддаются определению путем натуралистического анализа, включая феномен мужчин [и женщин], участвующих в конструировании структур, которые формируют их жизни» [64, p 172]

на онтологии символического интеракционизма и отражает воззрения критического реализма относительно природы реальности. Нововведение Страусса и Корбин — матрицу условий для анализа данных — Эннелс рассматривает как отступление от обоснования метода исключительно в символическом интеракционизме, которое может означать также и онтологический сдвиг. Эннелс отмечает также релятивизм утверждений Страусса и Корбин: «знание само по себе тесно связано с временем и местом», «истина происходит». В эпистемологии метода Эннелс идентифицирует произошедшие за 30 лет его существования изменения. Модифицированный объективистский взгляд на природу взаимосвязи между познающим и предметом познания («метод независим от исследователя и имеет самостоятельное бытие», Глезер и Страусс, 1967; призыв быть «ближе к объективности», Глезер, 1978) сменяется в последних презентациях метода «расходящимся движением в направлении субъективистской и трансакциональной эпистемологии» (например, признание в исследовательском процессе за аналитиком решающего значения в интеракции, в работах Страусса 1987–1996 гг.). И в настоящее время Эннелс предлагает «идентифицировать возникновение двух школ объективистской/субъективистской эпистемологии, которое, по-видимому, происходит от онтологического разрыва между онтологиями критического реализма и релятивизма» [24, р. 387].

Из анализа онтологии, эпистемологии и методологии *обоснованной теории* Эннелс делает вывод, что версия Глезера находится в рамках постпозитивистской исследовательской парадигмы. Альтернативная версия Страусса может рассматриваться в рамках конструктивистской парадигмы, с движением в направлении постмодернистской перспективы³⁰). Возможно также, *обоснованная теория* может применяться, и вероятно, уже применяется в рамках критической теории и парадигмы исследования, когда отражает онтологию, эпистемологию и методологию этой парадигмы. Таким образом, *обоснованная теория* открыта для противоречивых интерпретаций по существенным вопросам о природе реальности, что делает ее уязвимой для некритического принятия и неточного применения.

В отличие от Эннелс, Губа и Линкольн считают метод *обоснованной теории* постпозитивистским, не проводя различения, с одной стороны, между классическим методом Глезера—Страусса 1967 г. и Глезера 1992 г., и с другой стороны, изменяющимися философскими перспективами, встроенными в модификации метода Страусса—Корбин 1990 г. [24, р. 389].

³⁰) Эннелс отвечает на возможные возражения, которые могут быть выдвинуты против ее «диагноза»: 1. постмодерн порвал с рядом социологических теорий, включая символический интеракционизм, однако, макросоциальные и структурные факторы, которые рассматриваются в процессе сравнительного анализа данных с помощью условной матрицы (Страусс и Корбин, 1990, 1994), не отражают классические версии символического интеракционизма, 2. для постмодерна задача «построения теории это сомнительная деятельность, и особенно проблематичная в связи с легитимацией, когда качественные оценочные исследовательские критерии просто передеваются, или переформулируют позитивистские представления о надежности, валидности и генерализации. Постмодернистские исследователи обеспокоены не «истинностью» их исследовательского продукта, а скорее прагматической применимостью результатов. Критерии оценивания, выдвинутые Страуссом и Корбин, чувствительны к этому постмодернистскому вызову». Метод развивается, и будет нуждаться в оценке его усилий [24, р. 390–391].

Обоснованную теорию часто путают с другими качественными методами. Эта «методологическая невнятность», по мнению Бекера, происходит

от распространенного искажения различных методологий, ведущего к противоречиям между признанными методами и подразумеваемыми методологическими допущениями. В этой критике *обоснованную теорию* представляют как качественный метод, в то время как ее создатели предлагали рассматривать свою теорию вне качественно/количественного разделения, потенциально одинаково релевантную для любого типа данных — при условии ориентации на создание теории.

Таким образом, возникает вопрос, следует ли обсуждать *обоснованную теорию* в ряду качественных исследований, или теория требует более общего статуса?³¹⁾

Метод *обоснованной теории* рассматривается также как средство анализа и интерпретации данных для разработки теории, когда культурные контексты респондента и исследователя значительно различаются, и потому требуют особого внимания к методологическим вопросам [25].

Наиболее подробное и последовательное рассмотрение принципов и методологических проблем теории предпринял Я. Дей (Jan Dey) в своей монографии [37]. Он заинтересовался *обоснованной теорией*, когда на конференции в Брекенридж, США, большая часть аудитории, к его удивлению, предположила, что представленное им программное обеспечение для анализа качественных данных было основано на подходе *обоснованной теории*. Это побудило его проанализировать все публикации по методу, начиная с «Discovery...» Глезера—Страусса 1967 г. и кончая вторым переработанным изданием «Basics...» Страусса—Корбин 1998 г., которое после смерти Страусса в 1996 г. заканчивала Корбин.

Дей обсуждает различия между первоначальной и более поздними версиями *обоснованной теории* Глезера и Страусса—Корбин и критику теории. Разногласия касаются не только принципов методологии, но и того, как перевести их в практику. Проблемы возникают, по мнению Дея, из-за «смешанного брака» двух разных и, очевидно, конкурирующих традиций Чикагского и Колумбийского университетов, к которым принадлежали авторы. О традициях Чикагской школы здесь уже достаточно сказано. Что касается Колумбийской научно-исследовательской традиции, то она находилась под большим влиянием П. Лазарсфельда, известного своим новаторством в области количественных методов. Не имея возможности подробно обсуждать здесь все эти проблемы, остановимся на некоторых из них.

Наиболее существенные разногласия авторов *обоснованной теории* касаются проблем *открытия* (discovery) и *верификации* теории. Страусс и Корбин утверждают, что метод связан как с верификацией, так и с открытием теории, и верификация возможна на всем протяжении исследовательского проекта.

Независимо от уровня теории в этот способ расширенного взаимосвязанного сбора данных и теоретического анализа включается

³¹⁾ Baker et al., 1992; цитируется по [37, p. 19].

эксплицитный мандат стремиться к верификации ее результирующих гипотез (формулировок связей между понятиями). Предпочтительнее делать это на протяжении всего исследовательского процесса, нежели допустить, что верификация возможна лишь путем дополнительного количественного исследования (Strauss & Corbin, 1994, p. 274; цитируется по Deu, p. 20–21).

Глезер, однако, настаивает на том, что подход является чисто *индуктивным* и ведет к теории, а не к верификации. Он предлагает более поздним исследователям, которые хотят следовать теории, беспокоиться о ее верификации. Т. е. систематизированное создание *обоснованной теории* следует рассматривать в последовательной связи с контрольным (verificational) исследованием (эксперимент или опрос), с принципиальной целью накопления научных фактов и проверки правильности ее импорта.

Верификационная работа по теории или с теорией остается другим (Glaser, 1992, p. 16; цитируется по Deu, p. 20)... Обоснованная теория не является верификацией... верификационные исследования выводятся из другой методологии... Гипотезы не нужно верифицировать, валидировать или дополнительно удостоверять... Два типа методологий должны рассматриваться в последовательной связи (p. 29–30)... Обоснованная теория разыскивает то, что есть, а не что может быть, и потому не нуждается в проверке (p. 67).

Однако если верификация в последующем исследовании возможна в принципе, возможна ли она на практике? Ведь ранее Глезер и Страусс утверждали, что дальнейшее испытание теории, внушающей доверие, может быть исполнено нерелевантно или из-за предпочтений социального исследователя, или из-за социальных изменений. С другой стороны, утверждение, что теория уже «обоснована» в процессе раскрытия, предполагает, что она уже была верифицирована [37, p. 37].

Критика Глезером «ревизионизма» Страусса (и Корбин) касается также проблемы индукции-дедукции. Глезер представляет *обоснованную теорию* как индуктивный подход, в котором ключевую роль играет понятие *возникновения* теории из данных в процессе исследования. В то же время условная матрица и новая парадигма кодирования, введенные в *обоснованную теорию* Страуссом и Корбин, по мнению Глезера, чужды этой теории, навязывают ей априорную понятийную рамку и противоречат индуктивному подходу первоначальной версии [37, p. 21]³²⁾.

Действительно, Страусс признает, что в «Discovery» авторы переоценили индуктивные аспекты, и соответственно, во многом недооценили

и потенциальную роль существующих (обоснованных) теорий, и несомненный факт (и преимущество), что опытные исследователи являются теоретически чувствительными. Исследователи вносят в свои

³²⁾ Эту критику поддерживают также Уилсон и Хатчинсон, которые считают, что импорт заранее составленных понятий ведет к недостаточному развитию оригинальной (незаимствованной) и обоснованной интерпретации (Wilson & Hutchinson, 1996, p. 124; цитируется по [37, p. 15])

исследования сенситизирующие возможности своей научной подготовки, чтения, и исследовательского опыта, так же как эксплицитные теории, которые могут быть полезны, если сравниваются с систематически собранными данными, в сочетании с теориями, возникающими из анализа этих данных [64, р. 166–167].

В то время как Глезер вновь подтверждал авторитет первоначальной формулировки и выступал против «ревизионизма», Страусс и Корбин предпочитали представлять *обоснованную теорию* как методологию в процессе развития [64, р. 163–179]. Современные идеи и понятия социальных и интеллектуальных движений, по их мнению, должны включаться в *обоснованные теории* в качестве новых элементов матрицы условий. В то же время центральная характеристика подхода — постоянный сравнительный анализ — остается неизменной.

Последние два десятилетия XX века методология *обоснованной теории* вновь стала популярной [46]. По данным «Medline Search of articles» количество статей с ключевыми словами «nursing» и «grounded theory» выросло следующим образом:

Период	Число статей
1980–1984	5
1985–1989	33 (15 % за пределами США)
1990–1994	146 (45 % за пределами США)

По данным «Bids search of social science journals» в мае 1997 г. по тому же образцу 143 цитирования за период 1981–1994 выросли до 225 цитирований за 1995–1997 гг. [37, р. 13].

Распространение методологии происходило первоначально преимущественно в социологии медицины, и особенно, в уходе за больными (nursing), где Глезер и Страусс вначале сами применяли ее. Затем методология применялась в таких дисциплинах, как образование, психология, антропология, в различных социально-научных версиях феноменологии (Brenner, 1989), определенных техниках (шкалы и другие инструменты), и в комбинации с количественными методами. Большую роль в ее популяризации играли публикации эмпирических исследований, хотя, как отмечает Дей, они «редко более чем намекали на методологические процессы, путем которых были получены результаты» [37, р. 12]. Отчасти быстрый рост и развитие интереса к теории объясняется успехом модели обучения, в которой сами авторы играли роль наставников. Начиная с 1967 г., Глезер и Страусс, а позднее Корбин, на Факультете социальных и поведенческих наук Университета Калифорнии в Сан-Франциско постоянно вели семинары по качественному анализу методом *обоснованной теории* для аспирантов. Многие из них опубликовали монографии и статьи, используя методологию для изучения множества феноменов, что позволило качественным исследователям все более осознанно проводить исследования этим методом анализа. Отчасти рост интереса к теории связано с методологическими публикациями, последовавшими за первым текстом «Discovery...»: Глезера в 1978 г., Страусса в 1987 г., Страусса и Корбин в 1990 г.

Поскольку *обоснованная теория* является общей методологией, способом осмысления и концептуализации данных, она легко адаптируется для

исследования разных феноменов³³⁾. Ее процедуры получили такое широкое распространение, которое авторам трудно было предвидеть, например, в проектах по менеджменту бизнеса; проектах коммуникации при использовании компьютеров инвалидами с физическими недостатками; в построении эпистемологической модели.

Появление компьютерных программ³⁴⁾ для анализа качественных данных стимулировало распространение методологии — разработчиками среди прочих — во многом благодаря акценту метода на кодировании данных, систематизированных процедурах и строгом анализе.

Широкораспространенное влияние компьютерной поддержки для анализа качественных данных способствует сведению в единообразной модели анализа данных и репрезентации (часто оправданной ссылкой на обоснованную теорию) (Coffey et al., 1966, abstract; цитируется по Dey, p. 272).

При этом разработчики, популяризаторы и комментаторы подчеркивают необходимость эпистемологического осознания способов использования кодированных данных, предполагая, в частности, что ярлык *обоснованной теории* часто может быть заявлен для целей легитимации (Lie & Fielding, 1996, p. 2.2; цитируется по Dey, p. 272).

Мы не считаем, что качественное исследование подразумевает лишь обоснованную теорию, или что CAQDAS [computer-assisted qualitative data analysis] поддерживает лишь подход обоснованной теории. Имеются другие жизнеспособные подходы к качественному анализу, и в самом деле практика качественных исследователей может быть строгой без их эксплицитно работающих подходов, с их... достапамятными «ярлыками» и школой общепризнанных последователей... Когда качественных исследователей побуждают описать их подход, ссылка на обоснованную теорию имеет ценность высочайшего признания. Но сама по себе распыленность и разнообразие исследователей, обучающихся этому подходу, это тот ярлык, который вполне может означать что-то иное для каждого из исследователей (Lee & Fielding, 1996, p. 3.1; цитируется по Dey, p. 272).

Таким образом, столь большой рост числа проектов, в которых применяется методология, сопряжен с рисками. Страусс и Корбин также признают

³³⁾ Например, были исследованы феномены профессиональной социализации (Broadhead, 1983), управления конфликтом (Wiener, 1981), повторного брака после развода (Cauhare, 1983), взаимодействия между строителями и будущими домовладельцами (Glaser, 1972), возвращения на родину (Hall, 1992), менеджмент рискованной беременности (Corbin, 1992), опыт переживания хронических болезней (Charmaz, 1980), труд ученых (Clarke, 1990a, 1990b; Fujimura, 1987; Star, 1989a, 1989b); плохое обращение с супругами (Lempert, 1992), развитие общей теории о переходных состояниях (Glaser, & Strauss, 1970), переговоры (Strauss, 1978), контроль информации («контексты осознания») (Strauss, 1987, 1991). См. список литературы.

³⁴⁾ Программы NUD*IST и ATLAS/ti взаимосвязаны с методами *обоснованной теории* [64, p. 165].

это [64, р. 166–167]. Отчасти, по их мнению, риск состоит в том, что некоторые исследователи не понимают важных аспектов методологии, и тем не менее заявляют, что использовали ее в своем исследовании. Например, они раскрывают основной процесс, но не развивают его концептуально, упуская из виду или не понимая, что именно выявление вариаций действий и взаимодействий изучаемого феномена, его *вариативность* придает анализу *понятийную полноту*. Они фокусируют свое внимание на кодировании, считая его главной и почти эксклюзивной частью методологии, но не делают теоретического кодирования. К тому же, даже теоретическое кодирование, если оно не сочетается с проведением постоянных сравнений, вряд ли произведет понятийно плотную теорию.

Другой риск, сопутствующий распространению *обоснованных теорий*, состоит в том, что исследователи умышленно не ставят цель развития теории. Они игнорируют эту важную характеристику методологии, часто используя ее процедуры несоответствующим образом, или не учитывая альтернативные методологии, которые могут лучше служить их целям.

Некоторые исследователи заявляют, что использовали методы *обоснованной теории*, потому что они применяли в своих проектах индуктивный метод исследования, однако «жесткая концепция индукции также может привести к бесплодным и скучным проектам» [64, р. 166]. Другие строят свою концепцию проекта, исходя из первой публикации по *обоснованной теории*, в то время как более поздние публикации, по мнению авторов, являются более реалистичными и сбалансированными.

В русскоязычной социологической литературе *обоснованная теория* начала обсуждаться в середине 90-х гг. В методологическом сборнике Института социологии РАН в 1996 г. был опубликован обзор Т. С. Васильевой «Основы качественного исследования: обоснованная теория», в котором было дано описание этой методологии [8]³⁵.

В следующем, 1997 г., Московский центр гендерных исследований издал материалы семинаров, в которых обсуждались возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях. М. М. Малышева в статье этого сборника «Способы кодирования и анализа качественных данных» сделала краткое аналитическое описание методологии качественных исследований, включая теорию Страусса и Корбин [14].

Далее, в 1998 г., в учебном пособии В. А. Ядова «Стратегии социологического исследования: понимание, объяснение, описание», в качестве дополнения к предыдущим изданиям этой книги, увидела свет глава «Качественные методы в социологии», написанная В. В. Семеновой [17]. В том же году эта глава была расширена и преобразована автором в отдельное издание «Качественные методы: введение в гуманистическую социологию» [16]. В этом первом в России учебном пособии по качественной социологии было предпринято подробное описание методологий качественного исследования, их отличие от количественных методов, сформулированы основные понятия различных дискурсов качественного метода, их место в системе социологического знания, анализ исследовательских стратегий, показаны этапы качественного исследования и проиллюстрированы примерами из собственных и других проектов. Наряду с другими теориями и методами качественного исследования Семенова описывает

³⁵) Обзор статьи Страусса и Корбин в журнале «Qualitative Sociology», Vol. 13, N.1, 1990.

логику аналитической индукции в теории Страусса/Глезера/Корбин, принципы построения теоретической выборки, процесс кодирования как многоступенчатую процедуру приближения к понятиям (концептам) и теоретизированию. Особую ценность в книге Семеновой представляет иллюстрирование теоретических положений примерами из исследований Глезера и Страусса и из ее собственных исследований социальной мобильности в России 30–40-х гг. и др.

В книге И. Ф. Девятко «Методы социологического исследования», 1998, наряду с другими методами обсуждаются принципы выбора исследовательской проблемы, теоретической выборки и способов категоризации в *обоснованной теории*. Говоря о проблеме отбора в этнографическом методе, И. Ф. Девятко отмечает, что «самой успешной попыткой... стала последовательная разработка понятия *теоретической выборки*, впервые предпринятая Б. Глезером и А. Строссом (1967)» [10, с. 23].

В 1999 г. в монографии Е. М. Ковалева, И. Е. Штейнберга «Качественные методы в полевых социологических исследованиях», написанной на основе многолетнего опыта международных проектов по изучению сельской России, *обоснованная теория* Страусса и Корбин была названа одной из немногих теоретических фундаментальных работ по качественным методам [13, с. 76]. В своем предисловии к этой книге О. М. Маслова отмечает, что большинство российских учебников по социологии рассматривают позитивистские методологические модели эмпирических исследований, где программы исследований, исследовательский процесс, методики сбора и анализа «жестко» формализованы. Этой традиции объективно соответствовало функциональное разделение труда между руководителями исследования и его исполнителями, не имеющими социологической подготовки. В отличие от этой традиции, опыт участия в российско-британском проекте «Социальная структура советского и постсоветского села»³⁶, «не связанный с традиционным разделением труда в зависимости от результатов и этапов социологического исследования, формировал у исполнителей целостное, объемное видение изучаемой реальности, формировал совершенно иной стиль методологической рефлексии и содержательного повествования о полученных исследовательских результатах» Каждый подпроект «имел своего исследователя, который работал и как интервьюер и как наблюдатель, и как статистик и аналитик документов, а позднее как интерпретатор и теоретик». Проект базировался на принципах понимающей социологии, причем на этапе формирования выборки использовалась стратегия кейс-стади, а на этапе аналитической концептуализации данных — стратегия метода «обоснованной теории» [15, с. 6–7].

Монография Е. М. Ковалева и И. Е. Штейнберга представляет особую ценность для тех, кто собирается предпринять исследование по методу *обоснованной теории*, поскольку и полевой этап, и этап оформления результатов проекта по изучению сельской России происходили в соответствии с основными принципами этой методологии. То есть сбор и анализ материалов происходили параллельно, сбор направлял анализ, все участники исследовательского коллектива периодически встречались вне поля для группового обсуждения

³⁶ Проект под руководством Теодора Шанина, ректора Московской высшей школы социальных и экономических наук и профессора Манчестерского университета. По итогам проекта была опубликована монография «Голоса крестьян. Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах». М., Аспект—Пресс, 1996

промежуточных результатов, сопоставления полученной информации, внесения необходимых изменений в программу исследования и методики сбора данных. Для этих встреч участники подготавливали «краткие отчеты о проделанной работе, небольшие аналитические обзоры по отдельным вопросам; предварительные итоги данного этапа сбора данных; краткие обобщения своих материалов по теме исследования; материалы, в которых оценивали работоспособность применяемых приемов полевой работы» [13, с. 315].

Другой важной чертой этой работы является открытость по отношению к методологическим и организационным формам, о которой говорит Шанин в своем заключении к монографии и что также соответствует принципам *обоснованной теории*. Шанин позитивно оценивает роль этого аналитического подхода, где «гипотетические утверждения... “заземлены” на опыт и вытекают из него, что дает более богатое и реалистическое видение процесса исследования». В проектах его научного коллектива 1991–1997 гг. суть этого подхода была принята «как нечто само собой разумеющееся» [20, с. 323].

Еще одна тема, которой коснемся в этой статье, это проблемы передачи текста на русском языке. Весь текст, все выделения жирным шрифтом и курсивом, ссылки в круглых скобках, которые имеются в авторском тексте, приводятся в авторской редакции без изменений, за двумя исключениями. Первое — название *обоснованная теория* в русском тексте дано курсивом, в отличие от английского оригинала, где grounded theory никак не выделяется. Второе исключение — исправление явной опечатки в резюме главы 11, где дважды вместо sampling написано coding (подтверждено Дж. Корбин).

Особую трудность представляло формулирование на русском языке тех понятий и категорий, которые отражают процесс изменений феномена. Авторы фиксируют на этом внимание исследователя, с тем чтобы феномен рассматривался не статично, а в динамике. В английском языке процесс передается с помощью суффикса-ing, например, labeling, naming, discovering. В русском языке это довольно громоздкая и странная конструкция. Например, Контролирование осознания умирания (Controlling awareness of dying) или Живущий с артритом (Living with arthritis). Чтобы лучше передать эту специфику *обоснованной теории*, составлен англо-русский словарь, в который включены понятия и категории из авторских иллюстраций, коды «in vivo» (слова из живой речи информантов, которые позволяют исследователю сохранять непосредственную связь с перспективой «актора» или деятеля), и термины, используемые авторами как в определениях в начале глав 5, 7–13, так и в самом тексте.

В конце книги авторы приводят краткие сведения о своей научной деятельности. Их сотрудничество началось в 1980-х и продолжалось в течение 15 лет. Ансельм Страусс был очень влиятельным ученым для многих качественных исследователей из разных стран мира. Его преподавательская деятельность, начавшаяся в 1952 г. в Чикагском университете, затем продолжавшаяся в течение трех с половиной десятилетий в Университете Сан-Франциско, Калифорния, в сочетании с исследовательской работой принесли ему международное признание. Совместно с Л. Шатцманом (L. Schatzman) он начал разрабатывать формат качественного полевого исследования, который стал широко известен. Позднее этот подход в сотрудничестве с Глезером превратился в методологию *обоснованной теории* и стал рамкой, используемой многими качественными социологами вплоть до настоящего времени.

Наибольшей известностью пользовались его работы: широко переводившаяся монография по идентичности «Mirrors and masks» [Зеркала и маски] (1959) и две коллективные работы — «Boys in white» (1961), о которой говорилось выше, и «Psychiatric ideologies and institutions» [Идеологии и институты в психиатрии] (1964), в которой он инициировал критические исследования о медицинских институтах. Широко известны также его работы в соавторстве с Глезером: «The awareness of Dying» [Осознание умирания] (1965) и «Time for dying» [Время умирания] (1968), которые служат примером разработки теории конкретной предметной области. Многие работы Страусса были сосредоточены в области социологии медицины, в том числе социальной организации медицинской работы.

Его заслугой является также издание избранных работ Мида под названием «The social psychology of George Herbert Mead» [Социальная психология Дж. Г. Мида], которое оживило интерес к Миду в США, а позднее и в других странах.

В 1988 г., в возрасте 71 года, Страусс ушел в отставку со своей должности в Университете Сан-Франциско, но продолжил исследования. Несмотря на слабое здоровье, он принимал учеников со всего мира и в последние годы жизни не прекращал профессиональное общение. После отставки он продолжал преподавать свой метод на добровольных началах вместе с Джулет Корбин в течение 5 или 6 лет, помогая студентам проводить анализ в их диссертационных работах. Его ученики и соавторы чувствовали себя обогащенными и благодарными не только в профессиональном, но и в личностном плане, общаясь с человеком незаурядного интеллекта и гуманистического и творческого отношения к жизни.

В заключение я хочу выразить свою признательность всем, кто внес вклад в издание этой книги. Дж. Корбин за некоторые пояснения текста книги и рассказ о ее сотрудничестве с А. Страуссом. Проф. З. Т. Голенковой и проф. В. А. Ядову за помощь в реализации издательского проекта. Коллегам из Института социологии РАН к. ф. н. Е. Ю. Мещеркиной, В. В. Сапову, проф. М. Сваффорду, к. ф. н. М. Ф. Чернышу за советы и критические замечания; и в особенности, к. с. н. И. Ф. Девятко и д. с. н. В. В. Семеновой за ценные консультации и комментарии по рабочим вариантам книги.

Особая благодарность моей семье — Л. А. Васильеву и Е. Ю., М. З. и Ю. З. Вольшонкам — за участие, поддержку и техническую помощь в подготовке книги.

Литература

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.* Социологический словарь. Казань: Издательство Казанского университета, 1997.
2. *Баньковская С. П.* Чикагская школа в американской социологической теории: от кризисного сознания к стабилизационному. Ведущие теоретики Чикагской школы. Идеи и подходы // История теоретической социологии. М.: Канон, 1998. С. 103–139.
3. *Батыгин Г. С., Девятко И. Ф.* Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42.
4. *Бергер П.* Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.: Аспект-пресс, 1996. 168 с.

5. Бергер П., Лукман Г. Социальное конструирование реальности. М.: Academia-Центр, Медиум, 1995. 323 с.
6. Биографический метод в социологии. История, методология и практика / Под ред. Е. Ю. Мешеркиной, В. В. Семеновской. М.: Институт социологии РАН. 1994. 147 с.
7. Большой толковый социологический словарь. М.: Collins, 1999. Т. 1. 543 с.; Т. 2. 527 с.
8. Васильева Т. С. Основы качественного исследования: обоснованная теория // Методология и методы социологических исследований. М.: Институт социологии РАН, 1996. С. 56–65.
9. Девятко И. Ф. «Вспомогательные теории измерения» в американской эмпирической социологии // Социологические исследования. 1990. № 9. С. 118–126.
10. Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 1998. 203 с.
11. Девятко И. Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: ИСО РЦГО-TEMPUS/TACIS, 1996. 172 с.
12. Ионин Л. Г. Возникновение символического интеракционизма (Ч. Кули, У. Томас, Дж. Г. Мид). Возникновение и развитие феноменологической социологии. А. Шюц и этнометодология // История теоретической социологии. М.: Канон, 1998. Т. 3. С. 270–301.
13. Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999. 384 с.
14. Малышева М. М. Способы кодирования и анализа качественных данных // Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях. М.: 1997. С. 66–85.
15. Маслова О. М. Услышать и понять партнера по социальному процессу // Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999. С. 5–26.
16. Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. 289 с.
17. Семенова В. В. Качественные методы в социологии // Ядов В. А. Стратегии социологического исследования: понимание, объяснение, описание. М.: Добросвет, 1998. С. 379–440.
18. Судьбы людей: Россия XX век. М.: Институт социологии РАН, 1996. 426 с.
19. Томас У., Знанецки Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 333–356.
20. Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых исследованиях. М.: Логос, 1999. С. 317–344.
21. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 526–542.
22. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 1998. 596 с.

23. Ядов В. А. Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология 4. М., 1991. № 1. С. 14–32.
24. Anells, Merilyn. Grounded theory method: Philosophical perspectives, paradigm of inquiry, and postmodernism // Qualitative-Health-Research; 1996. 6, 3, Aug. P. 379–393.
25. Barnes, Donelle M. An analysis of the grounded theory method and the concept of culture // Qualitative-Health-Research; 1996, 6, 3, Aug, 429–441.
26. Charmaz, K. The construction of self-pity in the chronically ill // Studies in Symbolic Interaction, 1980, 3, 123–145.
27. Charmaz, K. “Discovering” chronic illness: Using grounded theory // Sociology of Health and Illness, 1990, 30, 1161–1172.
28. Clarke, A. Controversy and the development of reproductive sciences // Social Problems, 1990, 27, 18–37.
29. Clarke, A. A social worlds research adventure: The case of reproductive sciences // Theories of science in society (Cozzens S. & Gierin T. Eds.). Bloomington: Indiana University Press, 1990, 23–50.
30. Clarke, A. E. Taking grounded theory around postmodern turn: From basic social processes to map making // American Sociological Association (ASA), 1997.
31. Corbin, Juliet M. Anselm L. Strauss / an obituary // Qualitative-Health-Research; 1997, 7, 1, Feb, 150–153.
32. Corbin, Juliet M. Alternative interpretations: Valid or not? // Theory and Psychology; 1998, 8, 1, Feb, 121–128.
33. Critical issues in qualitative research methods / Edited by Janice M. Morse / Thousand Oaks: Sage Publication, 1994, 395 p.
34. Dave F. Basics of qualitative research techniques and procedures for developing grounded theory (2nd edition). Sociological-Research-Online-<http://www.soc.surrey.ac.uk/socresonline/>; 1999, 4, 2, June.
35. Denzin N. The art and politics of interpretation // Handbook of Qualitative Research Paperback Edition. (Norman K. Denzin & Yvonna S. Lincoln Editors). Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publication, Inc., 1998, III, 313–344.
36. Denzin N. & Lincoln I. Introduction. Entering the field of qualitative research // Handbook of Qualitative Research Paperback Edition. (Norman K. Denzin & Yvonna S. Lincoln Editors). Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publication, Inc., 1998, I, 1–34.
37. Dey I. Grounding grounded theory: guidelines for qualitative inquiry. San Diego: Academic Press, 1999, 282 p.
38. Glaser B. Theoretical sensitivity. Mill Valley, CA: Sociological Press, 1978.
39. Glaser B. G. Emergence v forcing. Basics of grounded theory analysis. Mill Valley, CA: Sociological Press, 1992.
40. Glaser, B. & Strauss A. Status passages. Chicago: Adline, 1970.
41. Guba G. Egon & Lincoln Yvonna S. Competing paradigms in qualitative research // Handbook of Qualitative Research Paperback Edition. (Norman K. Denzin & Yvonna S. Lincoln Editors). Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publication, Inc., 1998, I, 195–220.

42. *Hall C.* Homecoming: The self at home. Unpublished doctoral thesis. San Francisco: University of California, Department of Social and Behavioral sciences, 1992.
43. *Kools, Susan, McCarthy, Marianne, Durham, Roberta, Robrecht, Linda.* Dimensional analysis: Broadening the conception of grounded theory // *Qualitative-Health-Research*; 1996, 6, 3, Aug., 312–330.
44. *Lincoln Y. S., Denzin N.* The fifth moment // *Handbook of Qualitative Research* Paperback Edition. (Norman K. Denzin & Yvonna S. Lincoln Editors). Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publication, Inc., 1998, I, 407–430.
45. *Lincoln, Y. S., & Guba, E. G.* Naturalistic inquiry. Beverly Hills, CA: Sage, 1985.
46. *Locke, Karen.* Rewriting the discovery of grounded theory after 25 years? // *Journal-of-Management-Inquiry*; 1996, 5, 3, Sept., 239–245.
47. *Mattley, Christine.* Grounded theory in practice // *Contemporary sociology*; 1999, 28, 4, July, 489–490.
48. *Newman, L.* Social research methods: qualitative and quantitative approaches. Boston etc.: Allyn and Bacon, 1991.
49. *Olshansky, Ellen F.* Theoretical issues in building a grounded theory: Application of an example of a program of research on intertility // *Qualitative-Health-Research*; 1996, 6, 3, Aug, 394–405.
50. *Platt J.* The development of participant observation method in sociology. Origin myth and history // *Journal of the history of the behavioral sciences*, 1983, Vol. 19, 379–393.
51. *Rennie, David-L.* Grounded theory methodology: The pressing need for a coherent logic of justification // *Theory-and-Psychology*; 1998, 8, 1, Feb, 101–119.
52. *Rennie, David-L.* Reply to Corbin. From one interpreter to another // *Theory & Psychology*; 1998, Vol. 8 (1), 129–135.
53. *Robrecht L.* Grounded theory: evolving methods // *Qualitative-Health-Research*; 1995, 5, 2, May, 169–177.
54. *Star S. L.* The structure of ill-structured solution: Boundary objects and heterogeneous distributed problem solving // *Distributed artificial intelligence* (Huhns M. & M. Gasser M. Eds.). Menlo Park, CA: Morgan Kauffmann, 1989, Vol. 3.
55. *Strauss A.* The social psychology of George Herbert Mead (Edited and with an introd. by A. Strauss). 1956.
56. *Strauss A.* Where medicine fails. (editions 1970; 1979; 1984).
57. *Strauss A.* The contexts of social mobility: ideology and theory. 1971.
58. *Strauss A.* Continuel permutations of action. 1993.
59. *Strauss A. [et al.]* Social organization of medical work. Chicago: University of Chicago Press, 1985.
60. *Strauss A.* Qualitative analysis for social scientists. New York: Cambridge University Press, 1987.
61. *Strauss A.* Creating sociological awareness: collective images and symbolyc representation / with a foreword by Irving Louis Horowitz/. New Brunswick, NJ: Transaction, 1991.
62. *Strauss A. & Corbin J.* (1990). Basics of qualitative research: Grounded theory procedures and techniques. Newbury Park, CA: Sage, 1990, 270 p.

63. *Strauss A. & Corbin J.* Basics of qualitative research: Techniques and procedures for developing grounded theory. Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publication Inc., 1998. 312 p.
64. *Strauss A. & Corbin J.* Grounded theory methodology. An overview // Handbook of Qualitative Research Paperback Edition. (Norman K. Denzin & Yvonna S. Lincoln Editors). Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publication, Inc., 1998, II, 158–183.
65. *Wilson, Holly-Skodol, Hutchinson, Sally A.* Triangulation of qualitative methods: Heideggerian hermeneutics and grounded theory // *Qualitative-Health-Research*; 1991, 1, 2, May, 263–276.
66. *Wuest J.* Feminist grounded theory: An exploration of the congruency and tensions between two traditions in knowledge discovery // *Qualitative-Health-Research*; 1995, 5, 1, Feb, 125–137.
67. *Yuen, Hoi-Kau, Richards, Thomas J.* Knowledge representation for grounded theory construction in qualitative data analysis // *Journal of Mathematical Sociologie*; 1994; 19, 4, 279–298.

Словарь терминов

Акция/интеракция или действие/взаимодействие	Action/interaction
Аналитические «памятки»	Memo, memos
Аномальное течение [болезни] в контексте повышенного риска	An off-course, higher-risk context
Аномальное течение [болезни] в контексте пониженного риска	An off-course, lower-risk context
Биографическая концепция тела	Biographical body conception
Биографическая работа	Biographical work
Близкие сравнения	Close-in comparisons
Вариативная выборка	Variational sampling
Вверенный контроль	Entrusted control
Возвращение	Come back
Воздержание	Holding back
Восприятия рисков различались	Risk perceptions differed
Временная протяженность	Temporality
Временное Опекунство	Becoming a temporary caretaker
Вспомогательная поддержка	Assistant support
Выборка без заранее обусловленного количества случаев	Open-ended sampling
Выделение независимых измерений свойства	Dimensionalizing
Достоверность	Credibility
Живущий с Артритом.	Living with arthritis
Избирательное кодирование	Selective coding
Измерения	Dimensions
Имеющие выбор	Having a choice
Инвестирование в здоровье ребенка и собственное здоровье	Investing in a healthy baby and self
Интеракционный	Interactional

Интерпретивная рамка	Interpretive framework
Информанты, участвующие в исследовании, иногда называемые «туземцы»	Natives
Исследовательский текст	Writing
Качественное исследование	Qualitative research
Качественный исследователь	Qualitative researcher
Когда восприятия различаются	When perception differ
Компромисс	Trade-offs
Континуум измерений	Dimensional continua
Контролирование сознания умирающего	Controlling awareness of dying
Концептуальные или понятийные связи	Conceptual relationships
Крайние сравнения	Far-out comparisons
Линия истории	Story line
Логически вытекающее беспокойство	Consequential concerns
Матрица условий	Conditional matrix
Менеджинг течения болезни	Managing an illness course
Наблюдение за своей инвестицией	Watching over his investment
Награда	Pay off
Надзор за благополучием женщины и внутриутробного плода	Overseeing the well-being of the woman and the fetus
Наклеивание ярлыков на понятия или Маркировка понятий	Concept labeling
Нормальное течение [болезни] в контексте повышенного риска	An on-course higher-risk context
Нормальное течение [болезни] в контексте пониженного риска	An on-course lower-risk context
Облегчение боли	Pain relief
Обмен мнениями	Conferring
Обоснованная теория	Grounded theory
Обоснованный теоретик	Grounded theorist
Ограничение риска	Risk Containment
Операциональная запись	Operational note
Осевое кодирование	Axial coding
Осознание умирающего	Awareness of dying
Открытая выборка	Open sampling

Открытое кодирование	Open coding
Отличительная выборка	Discriminate sampling
Отмена делегированного контроля	Retaking Delegated Control
Отмена контроля	Taking Back Control
Переживание боли	Pain experience
Пищевой оркестровщик	Food Orchestrator
Плотное описание	Thick description
Поддержание баланса	Balancing
Поддержание хода работы	Keeping the flow of work going
Правдоподобность	Plausibility
Принятие необходимых мер	Taking the Necessary Measures
Промежуточные условия	Intervening conditions
Процесс возвращения	Coming back
Размахивание красным флагом	Waving the red flag
Раскрытие (открытие) категорий	Discovering categories
Раскрытие паттернов	Uncovering the patterns
Расторопность	Efficiency
Рост их контролирующих усилий	Increasing their Controlling Efforts
Сальто	The flip-flop technique
Самостоятельный прием лекарств	Self-administration of drugs
Свойства	Attributes
Связывающая выборка	Relational sampling
Случайность	Contingency
Смены или пересмотры биографической идентичности	Biographical reviews
Совместный менеджмент	Joint management
Специальная литература	Technical literature
Становящаяся матерью	Becoming a mother
Темпоральный или временной вопрос	Temporal question
Теоретическая выборка	Theoretical sampling
Теоретическая рамка	Framework
Теоретическая чувствительность	Theoretical sensitivity
Теоретическое насыщение	Theoretical saturation
Теория, относящаяся к конкретной предметной области	Substantive theory
Территориальное сообщество	Community
Течение болезни	An illness course

Течение работы	Work flow
Типы работы по определению ценности работы и поддержанию ее течения	Types of work for assessing and maintaining work flow
Точное описание	Accurate description
Траектория условий	Conditional Path
Трансакционная система	Transactional system
Фантастическое облегчение	Fantastic Relief
Центральная категория	Core category
Шкала измерений	Dimensional range
Эмпирические свидетельства, факты, основания	Evidence